Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 341.24:339.5:504(043)

На правах рукописи

Фу Тин

Экологические ограничения в международной торговле: правовые аспекты

8D04201 – Международное право

Диссертация на соискание степени
Доктора философии (PhD)

Научные консультанты
PhD, ассоцированный профессор
Алтаева К.Ж.
PhD, профессор Ма Инцзе

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ ……. 3

ВВЕДЕНИЕ …….. 5

1 ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, ГЕНЕЗИС И ДОГОВОРНЫЕ МОДЕЛИ ……..... 19

1.1 Теоретико-правовая дефиниция экологических ограничений в международной торговле …….. 19

1.2 Генезис и институционализация экологической повестки в международной торговле …….. 30

1.3 Многосторонние экологические соглашения как источники правовых ограничений в международной торговле …… 39

2 ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВЕ ВТО: КОЛЛИЗИИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ……..…….... 55

2.1 Экологические исключения в праве ВТО: коллизии норм и пределы прецедентного толкования ……..…….. 55

2.2 КТОС ВТО: правовая природа «мягкого права» и пределы гармонизации ……..……... 68

2.3 Соглашение ТБТ: коллизия экологических целей и принципа недискриминации ...…….. 79

2.4 Соглашение СФС: границы научной обоснованности экологических мер .....……..... 86

3 ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ЕС, ШОС И ЕАЭС ……... 97

3.1 Модель Европейского Союза: наднациональное правопринуждение и экстерриториальное действие экологических стандартов …… 97

3.2 Модель Шанхайской организации сотрудничества: «мягкое право» и консенсус как методы правовой гармонизации …..……. 110

3.3 Модель Евразийского экономического союза: фрагментация регулирования и функциональная эксклюзивность ……. 124

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……. 139

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ……. 145

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АТЭС	–	Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
ВВП	–	валовой внутренний продукт
ВИЭ	–	возобновляемые источники энергии
ВОЗЖ		Всемирной организации по охране здоровья животных
ВТО	–	Всемирная Торговая Организация
ГАТТ	–	Генеральное соглашение по тарифам и торговле
ГЭММТ	–	Группа по экологическим мерам и международной торговле
DBDPE	–	Декабромдифенилэтан
EDB	–	Экологическая база данных ВТО
ESG	–	Экологическое, социальное и корпоративное управление
EU ETS	–	Системы торговли выбросами ЕС
EUDR	–	Регламенте ЕС об обезлесении
ЕАЭС	–	Евразийский Экономический Союз
ЕЭК	–	Евразийская Экономическая Комиссия
ILUC	–	Косвенное изменения землепользования
КБР	–	Конвенция о биологическом разнообразии
КСФМ	–	Комитет по санитарным и фитосанитарным мерам
КТФТ	–	Комитетом по техническим барьерам в торговле
КТБТ	–	Комитет по техническим барьерам в торговле
КТОС	–	Комитет по торговле и окружающей среде
КТП	–	Конкретные торговые проблемы
ЛМО	–	живые модифицированные организмы
МВФ	–	Международный Валютный Фонд
МГЭИК	–	Межправительственная панель по изменению климата
МЕРКОСУР	–	Общий рынок стран Южного конуса
МЭС	–	Многосторонние экологические соглашения
МККЗР	–	Международная конвенция по карантину и защите растений
МКТО	–	Механизм конкретных торговых озабоченностей
МОС	–	Международные организации по стандартизации
МСП	–	малые и средние предприятия
МУКГ	–	Механизм корректировки углеродного следа на границе
НДТ	–	Наилучшие доступные техники
НПО	–	Неправительственные организации
НТМ	–	Нетарифные меры
НЭКП	–	национальные энергетические и климатические планы
ООН	–	Организация Объединенных Наций
ОТП	–	Обзор торговой политики
ОРВ	–	Озоноразрушающие вещества
ОРС	–	Орган по разрешению споров
ОЭСР	–	Организация экономического сотрудничества и развития

ПГ	–	Парниковые газы
PIC	–	Механизм предварительного обоснованного согласия
РКИК ООН	–	Рамочная конвенция ООН об изменении климата
СИТЕС	–	Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения
ССКМ	–	Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам
СФС	–	Санитарные и фитосанитарные меры
СТВ	–	Системы торговли квотами на выбросы
США	–	Соединенные Штаты Америки
ТБТ	–	Технические барьеры в торговле
ТРИПС	–	Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности
ЮНЕП	–	Программа ООН по окружающей среде
ЮНКТАД	–	Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию
ШОС	–	Шанхайская организация сотрудничества

ВВЕДНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертация посвящена анализу правовых инструментов, с помощью которых государства и региональные интеграционные объединения ограничивают международную торговлю для достижения природоохранных целей. Исследование охватывает три уровня правового регулирования: универсальный (нормы ВТО), конвенционный (многосторонние экологические соглашения) и региональный (ЕС, ШОС, ЕАЭС).

В первой главе раскрывается понятие экологических ограничений, рассматривается история их возникновения и оценивается роль многосторонних природоохранных договоров. Вторая глава посвящена механизмам ВТО: анализируются общие исключения по статье XX ГАТТ, деятельность Комитета по торговле и окружающей среде, а также правовые режимы Соглашения о технических барьерах и Соглашения о применении санитарных и фитосанитарных мер. Третья глава содержит сравнительный анализ трёх региональных моделей – ЕС, ШОС и ЕАЭС.

На основе полученных выводов диссертационного исследования предлагаются конкретные пути совершенствования правового регулирования, в том числе применительно к государствам – членам ЕАЭС. Ключевым результатом исследования стали разработанная автором концепция системной фрагментации международно-правового регулирования экологических ограничений, а также практические рекомендации по развитию экологических норм в рамках ЕАЭС.

Актуальность диссертационного исследования. Либерализация трансграничной торговли – приоритет для всех государств независимо от их экономического положения. Но экономическая деятельность неразрывно связана с использованием природных ресурсов и воздействием на окружающую среду. К 1970-м годам негативные последствия приобрели всемирный характер. Это стимулировало выработку международной экологической повестки и концепции устойчивого развития, призванной сбалансировать экономические и природоохранные задачи [1]. Однако в действующем международном праве легальная дефиниция понятия «экологические ограничения в международной торговле» отсутствует. Указанная нормативная неопределенность порождает правовую нестабильность при квалификации односторонних природоохранных мер, влекущих ограничения международной торговли, с точки зрения их соответствия принципам ВТО, обычным нормам международного права и принципу пропорциональности используемых средств заявленным экологическим целям.

Параллельно с развитием понятийного аппарата происходило и институциональное оформление экологической повестки. На институциональном уровне ответом на экологические вызовы стало принятие значительного числа международно-правовых актов. Так, современное международное экологическое право представляет собой сложную, постоянно

развивающуюся систему, насчитывающую свыше 200 многосторонних соглашений по охране окружающей среды [1, с. 8]. Однако эффективность этого массива норм существенно снижается из-за его фрагментации. Отношение государств к охране окружающей среды существенно различается, равно как и содержание их национальных законов в этой сфере. В этих условиях именно Всемирная торговая организация (ВТО) закономерно становится ключевым международным форумом, в рамках которого сталкиваются и должны согласовываться торговые и экологические интересы. Являясь универсальной правовой системой, основанной на «едином пакете обязательств», ВТО охватывает около 98% мировой торговли. Материально-правовым фундаментом, позволяющим узаконить экологические ограничения в рамках этой системы, выступает статья XX ГАТТ 1994 [2]. Участники ГАТТ 1994 вправе не всегда строго следовать прописанным нормам – это допускает статья XX. В частности, ссылаясь на пункт «b», можно вводить меры для предотвращения угроз здоровью людей, животных и растений. Пункт «g», в свою очередь, служит основанием для ограничений, цель которых – сбережение исчерпаемых природных ресурсов.

Из-за нечеткости толкования исключений статьи XX ГАТТ баланс между торговлей и экологией фактически сместился на уровень правоприменения. Члены ВТО вынуждены обращаться в Орган по разрешению споров, что порождает юридические конфликты. В их эпицентре – разграничение истинных природоохранных мер и скрытого протекционизма. Принципиальное значение вносит позиция развивающихся стран: они систематически обвиняют развитые государства (прежде всего ЕС) в использовании экологических стандартов как орудия «зеленого» протекционизма. Наглядные примеры – недавние споры DS600 (Малайзия против мер ЕС по пальмовому маслу) и DS592 (Индонезия против экспортных ограничений ЕС на никель), а также более ранние дела DS291-293 и DS332. Параллельно меняется природа экологических ограничений: развитые страны (особенно ЕС) все чаще регулируют не сам товар, а производственные процессы – от добычи сырья до утилизации. Такой экстерриториальный подход противоречит классическим принципам торгового права и требует углубленного осмысления. Эмпирический масштаб явления подтверждается регистрацией свыше 12 000 экологически значимых торговых мер [3] и наличием, к примеру, 191 экологического регуляторных норм только в штате Калифорния [4]. В итоге возникает «разрозненное регулирование», многократно увеличивающее транзакционные издержки и правовые риски для иностранных экспортеров.

Для ослабления существующей напряженности и выработки взаимоприемлемых решений новые нормативные инициативы, а также возникающие спорные ситуации передаются на рассмотрение профильных институтов ВТО. Речь идет, в частности, о Комитете по торговле и окружающей среде, Комитете по санитарным и фитосанитарным мерам, а также о Комитете по техническим барьерам в торговле. Принимаемые в рамках этих структур решения и рекомендации относятся к категории «мягкого права» и не обладают обязательной юридической силой. Тем не менее, как показывает практика,

именно здесь происходит первичная апробация новых подходов и постепенно формируется согласие по наиболее дискуссионным вопросам. Следует подчеркнуть: данный процесс до сих пор не становился объектом комплексного юридического анализа, что представляет собой очевидный пробел.

Необходимость сравнительно-правового анализа региональных моделей регулирования экологических ограничений в международной торговле предопределяет выбор трех интеграционных образований. В Европейском Союзе данная проблематика получила наиболее унифицированное и доктринально проработанное нормативное оформление. Евразийский экономический союз, подобно ЕС, наделен наднациональными органами, а его акты обладают обязательной юридической силой для государств-членов. Шанхайская организация сотрудничества, напротив, базируется на межправительственном взаимодействии с доминированием инструментов «мягкого права»; тем не менее в ее рамках постепенно формируются и обязательные требования, включая унификацию экологических норм к товарам во взаимной торговле. Включение ШОС в анализ обосновано устойчивым ростом торговых потоков между ее участниками, что объективно повышает значение гармонизации экологических требований как нетарифного регулятора и позволяет рассматривать Организацию в качестве самостоятельной региональной модели наряду с ЕС и ЕАЭС.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, количественным ростом регулирования: более 200 многосторонних экологических соглашений и свыше 12 000 экологически значимых торговых мер [3] формируют новую правовую реальность, требующую систематизации и доктринального переосмысления. Во-вторых, отсутствием легального определения экологических ограничений в международной торговле, что дестабилизирует систему ВТО на фоне учащения торгово-экологических споров; анализ решений Органа по разрешению споров свидетельствует, что действующие нормы не позволяют четко отграничить природоохранные требования от торговых, а приостановка функционирования Апелляционного органа лишает систему полноценного механизма окончательного урегулирования. В-третьих, фрагментарностью регулирования на национальном уровне: различия в экологических стандартах порождают разрозненные режимы, многократно повышающие транзакционные издержки участников внешнеэкономической деятельности и создающие риски дискриминации иностранных поставщиков. Научная ценность работы определяется выявленным доктринальным пробелом – отсутствием комплексных сравнительно-правовых исследований, охватывающих одновременно универсальный уровень ВТО и региональные интеграционные проекты (ЕС, ШОС, ЕАЭС), – восполнение которого необходимо для выработки непротиворечивых и эффективных механизмов правового регулирования в данной сфере.

Целью диссертационного исследования является комплексный теоретико-правовой анализ экологических ограничений, применяемых в

международной торговле, итогом которого выступают научно обоснованные предложения по совершенствованию их правового регулирования.

Достижение поставленной цели предполагает **решение нескольких задач**, выстроенных по принципу постепенного углубления анализа:

– разработать теоретико-правовую дефиницию экологических ограничений в международной торговле;

– проследить генезис и выявить закономерности институционализации экологической повестки в международной торговле;

– определить значение многосторонних экологических соглашений как источников правовых ограничений в международной торговле;

– проанализировать экологические исключения в праве ВТО сквозь призму коллизий норм и пределов прецедентного толкования;

– определить правовую природу КТОС ВТО как института «мягкого права» и установить пределы его гармонизирующего воздействия;

– выявить коллизию между экологическими целями и принципом недискриминации, возникающую в рамках Соглашения по ТБТ ВТО;

– исследовать границы научной обоснованности экологических мер, предусмотренные Соглашением по применению СФС ВТО;

– раскрыть содержание модели Европейского Союза, характеризующейся наднациональным правопринуждением и экстерриториальным действием экологических стандартов;

– охарактеризовать модель Шанхайской организации сотрудничества, основанную на методах «мягкого права» и консенсуса как инструментах правовой гармонизации;

– осуществить институциональный анализ модели Евразийского экономического союза, выявив фрагментацию регулирования и функциональную эксклюзивность.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе правового регулирования и применения экологических ограничений в сфере международной торговли.

В качестве предмета исследования выступают: во-первых, международные и внутригосударственные правовые предписания, которые устанавливают правила применения экологических ограничений в сфере международной торговли; во-вторых, сложившаяся практика реализации этих предписаний; в-третьих, теоретико-правовые воззрения, позволяющие объяснить сущность, смысловое наполнение и границы допустимости подобных ограничений применительно к поиску разумного баланса между торговыми интересами и необходимостью охраны окружающей среды.

Степень разработанности проблемы. Проблематика правового регулирования экологических ограничений в международной торговле привлекает устойчивое внимание представителей юридической, экономической и политической наук. Теоретико-правовые основы исследования заложены в трудах зарубежных авторов, посвященных анализу взаимосвязи торговли и окружающей среды. Фундаментальные аспекты коллизии торгового и

экологического права разработаны в работах У.У. Чанга [5], Дж. Нокса [6], Л. Фонтанье, Ф. фон Кирхбаха и М. Мимуни [7], которые ввели в научный оборот категории «торгово-связанные экологические меры» и обосновали наличие устойчивой «серой зоны» в правовой квалификации природоохранных ограничений. Институциональная эволюция экологической повестки в рамках ГАТТ/ВТО детально прослежена С. Чарновицем [8] и Ж. Соважем [9].

В диссертационных исследованиях казахстанских авторов З.М. Баймагамбетовой [10], Е.С. Аянбаева [11], А. Избасаровой [12], К.Ж. Алтаевой [13], А.Г. Бектуровой [14], Т.И. Гизатуллина [15] и А.С. Сабикеновой [16], содержится ценный анализ национальных правовых механизмов и международных обязательств государств, однако проблематика экологических ограничений в торговле, а тем более их компаративный анализ в контексте различных интеграционных объединений, не выступала предметом их специального рассмотрения.

Фундаментальное значение для понимания роли международных организаций в экологической сфере имеют труды А.С. Тимошенко [17], заложившего теоретические основы понимания международных организаций как инструмента осуществления совместных действий государств. Конституционный подход к пониманию ВТО как института, выходящего за рамки традиционной межправительственной организации, получил обоснование в работах Т. Коттьера [18]. Исследованию институциональной структуры и механизмов разрешения споров посвящены работы Б.М.Я. ван дер Мелена и Х. Ноттидж [19], раскрывающие уникальность и обязательный характер юрисдикции Органа по разрешению споров ВТО. статья XX ГАТТ 1994 формально предоставляет членам ВТО достаточную свободу для принятия национальных мер в защиту окружающей среды, однако непоследовательная и жесткая практика разрешения споров фактически делает реализацию этой свободы крайне затруднительной [20].

Институциональная роль Комитета по торговле и окружающей среде как механизма «мягкой» гармонизации получила разностороннее освещение в зарубежной литературе. Монументальное исследование М.А.Дж. Тиханки [21] представляет собой наиболее полное описание мандата, эволюции и операционных возможностей КТОС. Критический анализ эффективности Комитета содержится в работах Р.Г. Тарасофски [22] и Г. Симпсона [23], отмечающих сохраняющуюся напряженность между развитыми и развивающимися странами. Теоретическое осмысление деятельности КТОС в контексте теории международных режимов и концепции «принципал–агент» опирается на фундаментальные труды Д.Г. Хокинса, Д.А. Лейка, Д.Л. Нильсона и М.Дж. Тирни [24] и С. Маниша [25].

Правовой режим Соглашения по техническим барьерам в торговле (ТБТ), равно как и его роль в достижении баланса между экологическими и торговыми интересами, получил развернутое теоретическое обоснование в работах Дж. Брейтуэйта и П. Драоса [26]; предложенная ими концепция «регуляторного гегемонизма» остается одной из востребованных аналитических рамок в данной

области. Применительно к конкретным аспектам реализации Соглашения ТБТ – прежде всего к вопросам маркировки и учета процессов и методов производства – наиболее детальные разработки представлены в исследованиях Д.А. Мотааль [27]. Иной ракурс анализа задают работы, посвященные Соглашению по применению санитарных и фитосанитарных мер (СФС). В частности, Д. Прево и П. ван ден Босше [28] не только предложили систематическую классификацию СФС-мер, но и подвергли комплексному анализу их воздействие на международную торговлю, что позволяет рассматривать данную работу в качестве фундаментальной для понимания институциональных механизмов Соглашения.

Особую группу источников формируют исследования региональных моделей экологического регулирования. Для понимания того, каким образом Европейский Союз приобретает способность задавать глобальные нормативные тренды, ключевое значение приобретают труды Дж. Воглера [29], в них детально исследуется институциональная динамика экологической политики ЕС, а также процесс её глубокой «коммунитаризации», что существенно выходит за рамки простого описания правовых норм. Исследование конкретных механизмов продвижения «неторговых интересов» получило развитие в работах И. Борчет, П. Конкони, М. Ди Убальдо и К. Хергелегиу [30]. Важным вкладом стали коллективные исследования М. Кеттунен, Э. Боден, Э. Дэйви, С. Жионфра и С. Шарверья [31], показывающие, как амбициозные климатические цели становятся драйвером трансформации торговой политики.

Концептуальное осмысление перехода от пассивного «притяжения» рынка к активной «нормативной гегемонии» представлено в фундаментальной работе С. Гстёль и С. Шунц [32]. Критический анализ способности торговых соглашений ЕС достигать целей устойчивого развития представлен в работе Э. Блот [33]. Выводы этого исследования перекликаются с заключениями К. Хэйл, Ф. Экардта, П. Рооса, Дж. Штубенрауха и Б. Гарске [34]. Вопросы методологической оценки воздействия торговых мер на устойчивое развитие поднимаются в исследовании Н. Периди [35].

Специфика ШОС как «лаборатории» мягкого права и консенсусной организации рассматривается в работах российских и зарубежных авторов. Фундаментальное значение для понимания противоречия между экономической динамикой и экологической стагнацией в рамках ШОС имеет статья И.А. Макарова [36]. Эмпирические исследования Р. Альварадо и Э. Толедо [37], а также Дж. Байка [38] и С. Генюльташ, Э. Демирал [39] подтверждают наличие «экологического парадокса» в странах со средним уровнем дохода.

Анализ конкретных инструментов экологического регулирования в ЕАЭС представлен в статьях Э.С. Навасардовой и А.Н. Захарина [40], которые квалифицируют реализацию «зеленых» ориентиров как декларативную и фрагментарную. Вопросы институциональной архитектуры и разграничения полномочий в рамках двухуровневой модели рассматриваются в работе А.О. Зык [41]. Особое значение для понимания внешнего контура регулирования имеют исследования Р.Н. Салиевой [42] и ее соавторов [43].

Таким образом, степень изученности темы: имеются глубокие разработки по праву ВТО и экополитике ЕС, а также фрагментарный интерес к экологической интеграции на постсоветском пространстве. Однако комплексного сравнительно-правового исследования, рассматривающего ст. XX ГАТТ, Комитет по торговле и окружающей среде, соглашения ТБТ и СФС во взаимосвязи с моделями ЕС, ШОС и ЕАЭС как единую систему управления «системной фрагментацией», до сих пор не проводилось. Настоящая диссертация восполняет этот пробел, предлагая целостную концепцию взаимодействия торговых и экологических императивов в многосторонней и региональных торговых системах.

Источниковедческую базу исследования составляют международно-правовые акты универсального и регионального характера, национальное законодательство, а также документы международных организаций и интеграционных объединений.

Первую группу источников образуют учредительные акты и договорные документы ВТО: ГАТТ 1994 г. [2], Генеральное соглашение по торговле услугами [44], Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [45], Соглашение по техническим барьерам в торговле [46], а также Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер [47]. Отдельного внимания заслуживает прецедентная практика Органа по разрешению споров ВТО – в частности, доклады третейских групп и Апелляционного органа по делам, связанным с толкованием статьи XX ГАТТ (споры DS291-293, DS332, DS592, DS600).

Вторую группу источников образуют многосторонние экологические договоры: Конвенция СИТЕС (1973 г.) о торговле исчезающими видами [48]; Венская конвенция об охране озонового слоя (1985 г.) [49] и дополняющий её Монреальский протокол (1987 г.) [50]; Базельская конвенция о трансграничной перевозке опасных отходов (1989 г.) [51]; Рамочная конвенция ООН об изменении климата (1992 г.) [52]; Киотский протокол (1997 г.) [53]; Картахенский протокол по биобезопасности (2000 г.) [54]. Для понимания эволюции правовых принципов существенное значение имеют также итоговые документы конференций ООН – Стокгольмская декларация 1972 г. [55] и Рио-де-Жанейрская декларация 1992 г. [56].

Третью группу источников образуют учредительные договоры и документы первичного права региональных интеграционных объединений. Для анализа правовой архитектуры Европейского Союза исследованы Единый европейский акт (1986/1987) [57], Маастрихтский договор (1992/1993) [58], Амстердамский договор (1997/1999) [59] и Лиссабонский договор (2007/2009) [60]. Применительно к Евразийскому экономическому союзу основополагающим источником выступил Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [61]. Правовой статус и цели Шанхайской организации сотрудничества раскрываются в Хартии ШОС от 7 июня 2002 года [62] и Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС от 16 августа 2007 года [63].

Четвертую группу составляют акты вторичного права и стратегические программные документы. Для ЕС проанализированы: Директива 2003/87/ЕС [64], Регламент REACH (1907/2006) [65], Регламент (EU) 2021/1119 [66], Регламент (ЕС) 2023/956 [67], Регламент об обезлесении (2023/1115) [68] и Регламент о батареях (2023/1542) [69], а также документы Европейского зеленого курса (2019) [70]. Для ЕАЭС исследованы технические регламенты, формирующие наднациональные экологические требования (ТР ТС 018/2011, ТР ТС 031/2012, ТР ТС 005/2011, ТР ЕАЭС 045/2017, ТР ЕАЭС 046/2018), Единый перечень товаров, к которым применяются меры нетарифного регулирования, и положения о порядке ввоза озоноразрушающих веществ и средств защиты растений. Для ШОС рассмотрены Стратегия экономического развития до 2030 года [71], Совместные подходы по решению экологических проблем, План совместных действий по реализации Программы «Зеленый пояс» ШОС на 2024-2026 годы [72], План мероприятий по реализации Концепции сотрудничества в области охраны окружающей среды на 2025-2027 годы [73] и др.

Пятую группу источников образует национальное законодательство государств-членов исследуемых объединений, позволившее верифицировать глубину имплементации наднациональных норм. В работе проанализированы Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года [74], подзаконные акты о Национальном плане распределения квот на выбросы парниковых газов, Федеральный закон РФ от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов» [75], а также стратегические документы Российской Федерации в сфере энергетики и климата.

Комплексный анализ перечисленных источников в их системной взаимосвязи обеспечил достоверность и обоснованность положений, выносимых на защиту, и репрезентативность проведенного сравнительно-правового исследования.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют фундаментальные положения, разработанные в доктрине международного права в области правового регулирования экологических ограничений в международной торговле. Отдельного внимания в теоретическом плане заслуживают концептуальные подходы, в рамках которых обосновывается, с одной стороны, конституционализация правовой системы ВТО, а с другой – институциональная эволюция экологической повестки в системе ГАТТ/ВТО. Эти подходы позволили выстроить одну из опорных линий анализа.

Далее, в диссертации рассмотрены теоретические разработки, касающиеся двух взаимосвязанных проблем. Во-первых, это коллизионная природа взаимодействия международного торгового и экологического права. Во-вторых, это концептуальное осмысление феномена «системной фрагментации» международного права – применительно к правовому режиму Соглашения по СФС и к институциональной архитектуре Комитета по торговле и окружающей среде.

Третью группу теоретических источников образуют концепции «нормативной гегемонии» и «регуляторного капитализма», а также

теоретические модели, описывающие механизмы экстернализации экологических стандартов. Обращение к ним дало возможность критически оценить процессы проекции регуляторной власти, складывающиеся в рамках региональных интеграционных объединений. Указанные теоретические подходы были применены при анализе правовых механизмов экологических ограничений в Европейском Союзе, Шанхайской организации сотрудничества и Евразийском экономическом союзе, что обеспечило комплексный характер сравнительно-правового исследования.

Методологическую основу диссертации составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания, применение которых обусловлено целью и задачами исследования, а также спецификой объекта и предмета.

Диалектический метод позволил рассмотреть правовые явления в их развитии и взаимосвязи, выявить внутренние противоречия между торговыми и экологическими императивами, а также проследить эволюцию правовых позиций Органа по разрешению споров ВТО от дела «Тунец-дельфин» (1991) до современных разбирательств DS600 и DS592. Системно-структурный метод применен для анализа многоуровневой фрагментации международно-правового регулирования, структурированной на горизонтальном (конкуренция норм торгового и экологического права), вертикальном (дивергенция национальных стандартов) и инструментальном (многообразие правовых форм) уровнях, что позволило выявить системную природу дефиниционного вакуума и предложить авторскую модель его объяснения. Формально-юридический метод использован при анализе нормативного содержания статьи XX ГАТТ 1994, положений Соглашений ТБТ и СФС, учредительных документов и актов вторичного права ЕС, ШОС и ЕАЭС, а также при исследовании правовой природы решений Комитетов ВТО и документов «мягкого права».

Сравнительно-правовой метод выступает одним из ключевых в исследовании. Его применение позволило: (а) сопоставить подходы к толкованию экологических исключений в прецедентной практике ОРС ВТО; (б) выявить общие закономерности и различия в институциональных механизмах КТОС, КТБТ и КСФМ; (в) провести компаративный анализ моделей экологического регулирования в трех региональных интеграционных объединениях (ЕС, ШОС, ЕАЭС), что обеспечило репрезентативность выводов о степени конвергенции и фрагментации правовых подходов. Историко-правовой метод применен при исследовании генезиса и институционализации экологической повестки в международной торговле, начиная с первых дискуссий 1920-х годов, через Стокгольмскую конференцию 1972 года и Уругвайский раунд переговоров, до формирования современной архитектуры ВТО и параллельного развития многосторонних экологических соглашений.

Метод интерпретации и доктринального толкования использован при анализе решений Органа по разрешению споров ВТО, позволив выявить эволюцию подходов к применению двухэтапного теста статьи XX ГАТТ и формирование «доктрины экологической добросовестности». Метод

прогнозирования и моделирования использован при определении тенденций развития правового регулирования экологических ограничений и выработке рекомендаций по совершенствованию правовых механизмов в условиях кризиса Апелляционного органа ВТО и нарастающей фрагментации глобального регулирования.

Применение указанных методов в их системном единстве обеспечило комплексный характер исследования, достоверность полученных выводов и обоснованность предложенных теоретических положений и практических рекомендаций.

Научная новизна.

1. Впервые в отечественной юридической науке на основе комплексного анализа доктринальных источников и международно-правовых актов сформулировано авторское определение понятия «экологические ограничения в международной торговле», под которыми предлагается понимать императивные нетарифные меры, где охрана окружающей среды выступает доминирующим правовым обоснованием, а их легитимность формируется в результате взаимодействия норм международного торгового и экологического права, дивергенции национальных стандартов и реализации в конкретных правовых инструментах. Разработана теоретико-правовая концепция, объясняющая дефиниционный вакуум как следствие многоуровневой системной фрагментации современного международного права, что позволило отказаться от поиска универсальной дефиниции в пользу операционального классификационного подхода.

2. Выявлена и обоснована роль Всемирной торговой организации и ее Органа по разрешению споров в формировании прецедентной практики по экологическим спорам. На основе системного анализа ключевых разбирательств (дела «Тунец-дельфин», DS291-293 (ГМО), DS332 (восстановленные шины), DS600 (пальмовое масло), DS592 (никель)) раскрыта эволюция подходов к толкованию статьи XX ГАТТ 1994, включая формирование двухэтапного теста и доктрины «экологической добросовестности». Впервые показано, что в условиях институционального кризиса Апелляционного органа ВТО правотворческая функция ОРС становится вынужденным механизмом заполнения нормативного вакуума, что порождает риски правовой неопределенности и ставит под сомнение эффективность системы разрешения споров в контексте «зеленого» протекционизма.

3. Впервые проведено комплексное исследование деятельности специализированных комитетов ВТО – Комитета по торговле и окружающей среде, Комитета по техническим барьерам в торговле и Комитета по санитарным и фитосанитарным мерам – как механизмов превентивного регулирования и «мягкой» гармонизации экологических ограничений. Раскрыта их институциональная роль в обеспечении транспарентности, разрешении конкретных торговых разногласий и формировании «общего понимания» допустимых границ экологического регулирования. Доказано, что эффективность данных механизмов ограничена столкновением регуляторных

философий и ценностных установок, а также структурным дисбалансом научно-административных возможностей развитых и развивающихся стран.

4. В работе проведено сопоставительное исследование того, как регулируются экологические ограничения в праве трех региональных интеграционных объединений: Европейского союза, Шанхайской организации сотрудничества и Евразийского экономического союза. Изучаются и сравниваются подходы, сложившиеся в каждой из этих организаций. Выявлены сущностные различия в подходах: принудительная экстернализация стандартов через механизмы «нормативной гегемонии» в ЕС, фрагментарность и декларативность «зеленой» повестки в ШОС, двухуровневая модель технического регулирования с ограниченным наднациональным экологическим компонентом в ЕАЭС. Установлено, что степень интеграции и эффективность экологического регулирования прямо коррелируют с уровнем институционализации наднациональных механизмов контроля и принуждения.

5. Мы предлагаем смотреть на экологические ограничения не как на единый блок, а как на систему, которая распадается на части. Эта раздробленность – «системная фрагментация» – видна в трех измерениях. Первое: нормы торгового права и экологического права часто противоречат друг другу. Второе: у каждой страны свои стандарты, и они расходятся все сильнее. Третье: сами правовые формы, в которые облекаются ограничения, очень разные – от обязательных регламентов до рекомендаций. Опираясь на данную концепцию, можно обосновывает ряд мер по улучшению правового регулирования. В частности, речь идет о необходимости развивать механизмы, основанные на взаимном признании стандартов и признании их эквивалентности, активизировать многосторонние переговоры в рамках Комитета по торговле и окружающей среде, а также разработать особые процедуры, позволяющие учитывать положение развивающихся стран при введении другими государствами односторонних экологических мер. Дополнительно формулируются предложения по унификации подходов внутри Евразийского экономического союза с учётом опыта Европейского союза и особенностей постсоветского экономического пространства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Критический анализ доктрины, учредительных документов ВТО (ГАТТ, ст. XX), многосторонних экологических соглашений (Базельская конвенция, РКИК ООН и др.) и прецедентной практики ОРС ВТО (дела «США – бензин», «США – креветки», «ЕС – биотопливо» и др.) выявил отсутствие в международном праве общепризнанной дефиниции «экологические ограничения в международной торговле». Данный пробел порождает правовую неопределенность при квалификации природоохранных мер, позволяя государствам-членам ВТО произвольно толковать экологические исключения, что создает риск скрытого протекционизма. Для восполнения пробела предложена авторская дефиниция: экологические ограничения в международной торговле – императивные нетарифные меры, доминирующим обоснованием которых является охрана окружающей среды; их легитимность формируется

системным взаимодействием норм торгового и экологического права, дивергенцией национальных стандартов и реализуется через научно обоснованные правовые инструменты (технические регламенты, санитарные и фитосанитарные меры, квотирование выбросов, механизмы углеродной корректировки). Предложенная дефиниция позволяет унифицировать квалификацию экологических ограничений, отграничить их от скрытого протекционизма и гармонизировать юридическую практику на универсальном и региональном уровнях;

2. Опыт Европейского Союза показывает: эффективность экологической политики неразрывно связана с наличием наднационального механизма контроля за имплементацией, включая мониторинг, отчетность и превентивное урегулирование разногласий (EU Pilot). В ЕАЭС, где экологическое регулирование остается в национальной компетенции, а наднациональный контроль ограничен, предлагается: (а) усилить контрольные функции Евразийской экономической комиссии за применением технических регламентов экологической направленности (в сфере безопасности транспортных средств, упаковки, нефти и газа) путем наделения ЕЭК правом запрашивать и проверять национальные отчеты; (б) внедрить обязательную ежегодную отчетность государств-членов о правоприменении гармонизированных экологических требований с указанием выявленных нарушений и принятых санкций; (в) институционализировать превентивный диалог по аналогии с EU Pilot – создать в структуре ЕЭК постоянно действующую рабочую группу для досудебного рассмотрения разногласий, возникающих при применении ст. 29 Договора о ЕАЭС и технических регламентов. Реализация этих мер позволит снизить риски торговых споров внутри Союза и обеспечить единообразное толкование экологических исключений;

3. Исследование показало, что введение ЕС механизма углеродной корректировки и иных экстерриториальных мер создает существенные вызовы для экспортеров государств ЕАЭС. Эффективный ответ на эти вызовы требует одновременно внутренней правовой гармонизации и внешней координации позиций Союза. В связи с этим необходимо дополнить Договор о ЕАЭС нормой о приоритете технических регламентов над односторонними мерами по ст. 29, разработать протокол о взаимном признании национальных систем квотирования, внедрить механизм добровольной сертификации соответствия экологическим требованиям Союза, а также унифицировать методологии учета и верификации выбросов парниковых газов в рамках ЕАЭС для предоставления ЕС сопоставимых и верифицируемых данных. Реализация указанных мер позволит сместить баланс с реактивных изъятий на проактивную гармонизацию, устранить фрагментацию экологического регулирования внутри Союза, предотвратить использование экологических ограничений как скрытого протекционизма, создать предсказуемые условия для трансграничной торговли, обеспечить коллективную адаптацию экспортеров к внешним экологическим барьерам и повысить конкурентоспособность их продукции на глобальных рынках;

4. Исследование деятельности специализированных комитетов ВТО (КТОС, КТБТ, КСФМ) подтвердило эффективность институционализированного диалога как механизма превентивного урегулирования конфликтов и «мягкой» гармонизации экологических стандартов. С учетом императива научной обоснованности экологических мер, закрепленного в статье 2.2 Соглашения СФС и подтвержденного практикой ОРС ВТО, обосновывается целесообразность создания в рамках ЕАЭС Консультативного комитета по экологическим стандартам и научной оценке рисков при Евразийской экономической комиссии для: (а) разработки научно обоснованных методик оценки экологических рисков и углеродоемкости продукции; (б) экспертизы проектов технических регламентов на предмет научной обоснованности и пропорциональности; (в) подготовки заключений по спорам, связанным с экологическими ограничениями во взаимной торговле. Создание Комитета позволит сформировать институциональную основу для единых подходов к научному обоснованию экологических мер, снизить риски «зеленых» барьеров, обеспечить предсказуемость доступа на рынки ЕАЭС и укрепить доказательную базу государств-членов при оспаривании экстерриториальных мер третьих стран (например, МУКГ ЕС) в ВТО;

5. В целях развития международной торговли и предотвращения дискриминации Казахстану необходимо инициировать в рамках ЕАЭС взаимное признание углеродных единиц на основе ст. 299 Экологического кодекса РК. Для этого рекомендуется создать наднациональный реестр выбросов (пилотный проект на базе казахстанской Системы торговли выбросами), гармонизировать национальные разрешительные процедуры с техническими регламентами ЕАЭС, а также разработать единые правила верификации выбросов (на базе главы 9 Экологического кодекса РК). Это позволит казахстанским экспортерам зачитывать свои квоты при поставках внутри Союза, исключит риск регуляторного арбитража, повысит доверие к верификационным данным и создаст основу для избежания максимальных ставок механизма углеродной корректировки ЕС. Реализация указанных мер будет способствовать развитию международной торговли Казахстана путем устранения дискриминационных экологических барьеров, гармонизации требований к углеродоемкой продукции и обеспечения недискриминационного доступа на внешние рынки.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории международного экономического и экологического права посредством разработки авторской концепции системной фрагментации правового регулирования экологических ограничений, формулирования дефиниции экологических ограничений в международной торговле и выявления закономерностей эволюции прецедентной практики ОРС ВТО, включая «доктрину экологической добросовестности». Практическая значимость определяется возможностью использования полученных выводов и рекомендаций при совершенствовании правовой базы ЕАЭС (включая создание Консультативного комитета по экологическим стандартам), в переговорных процессах и спорах с третьими странами (например, по вопросам МУКГ ЕС), в

деятельности государственных органов при разработке и обосновании экологических мер, а также в учебном процессе по международному праву и смежным дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования, общим объемом 4 печатных листа, отражены в следующих публикациях:

– 2 статьи в журнале «Вестник КазНУ. Серия юридическая»;

– 1 статья в журнале Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан;

– 2 статьи в международных журналах, индексируемых в базе данных Scopus («China Report» и «Rivista Di Studi Sulla Sostenibilita»).

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные результаты и положения, полученные в ходе диссертационного исследования, были изложены автором в форме выступлений и научных докладов на международных конференциях. Итоги исследования опубликованы в изданиях, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования МНВО РК для публикации основных результатов диссертаций (3 статьи), а также в международном журнале, индексируемом в базе данных Scopus (2 статьи).

Структура и объем диссертации. Общий объем диссертационной работы составляет 160 страниц, структурно включающих введение, три главы, объединяющие девять параграфов, заключение и список использованных источников, насчитывающий 240 наименований; в работе также представлено 8 таблиц, систематизирующих аналитический материал.

1 ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, ГЕНЕЗИС И ДОГОВОРНЫЕ МОДЕЛИ

1.1 Теоретико-правовая дефиниция экологических ограничений в международной торговле

Выработка дефиниции экологических ограничений невозможна без анализа природы самого явления. Эта природа раскрывается через многогранную и противоречивую взаимосвязь климатических изменений и международной торговли. Во-первых, эта взаимосвязь носит двусторонний характер: международная торговля способствует изменению климата, например через транспортные выбросы, а изменение климата, в свою очередь, влияет на торговлю за счет учащения экстремальных погодных явлений, нарушения торговых маршрутов или изменения структуры сравнительных преимуществ [76]. Во-вторых, влияние торговли на экологические показатели зависит от типа продукции, структуры отраслей и различий в факторах производства между странами-экспортерами и импортерами [77]. В-третьих, эта взаимосвязь может быть как положительной, так и отрицательной: рост торговли может вести к увеличению экономического масштаба и, соответственно, росту выбросов, но одновременно способствовать технологическому обмену и более чистому производству [78]. Следовательно, многогранность и противоречивость воздействия торговли на климат и климата на торговлю создают объективную потребность в выработке эффективных механизмов управления. Это, в свою очередь, выводит на первый план вопросы права, поскольку именно правовые инструменты призваны упорядочить и направить данное взаимодействие в русло устойчивого развития.

Неудивительно, что охрана окружающей среды стала одной из центральных тем современного правового дискурса. Их значимость обусловлена общей неблагоприятной экологической обстановкой, вызывающей обоснованную озабоченность как на международном, так и на национальном уровне. В этой связи формирование адекватного правового инструментария становится императивом, что находит свое выражение в том, как разнообразные природоохранные меры объединяются в рамках самостоятельной отрасли права – экологического права. Закрепление природоохранных мер на отраслевом уровне получает свое развитие в конкретных действиях государства. Реализация экологической функции правового государства объективно требует разработки и имплементации на всех уровнях публичной власти комплекса специальных нормативных актов, стратегий и программ. Все страны, без исключения, вынуждены реагировать на антропогенное давление на природу. Доказательство – их реальные шаги по внедрению природоохранных норм, подкреплённые значительными бюджетными расходами [12, с. 7].

Несмотря на все эти усилия, актуальность экологической проблематики существует в диалектическом противоречии с другими глобальными

процессами. К ним, прежде всего, относится экономическое развитие, двойственная природа которого проявляется в создании материальных благ, с одной стороны, и в образовании значительного объема производственных отходов – с другой [13, с. 76.]. К этому противоречию добавляется демография. Чем больше людей, тем выше общий спрос и объёмы производства, а значит, сильнее нагрузка на природу. И, судя по всему, она не собирается снижаться [14, с. 17.]. Совокупность этих факторов порождает обоснованную научную настороженность и пессимистичные прогнозы относительно устойчивости сложившейся модели развития [15, с. 15]. Впрочем, не все исследователи разделяют данный пессимистический взгляд.

Экологические угрозы не признают границ. Планета едина – это аксиома [16, с. 15.]. Это очевидно. Требуется международно-правовое сотрудничество, поскольку их решение невозможно силами одного государства [13, с. 96]. Тем не менее, как отмечается в доктрине, на практике зачастую наблюдается приоритет экономических интересов над экологическими императивами, что делает сам экономический рост ключевым фактором деградации окружающей среды [16, с. 20].

Это противоречие ярче всего проявляется именно в международной торговле. Процессы ее либерализации, стимулируя экономический рост, одновременно создают контекст для возникновения так называемых экологических ограничений в торговле. Правовая доктрина констатирует отсутствие единого и четкого определения данного понятия, что является прямым следствием глубинной коллизии между двумя регуляторными системами: режимом свободной торговли и экологическим правопорядком [5, p. 437].

Суть данной коллизии заключается в принципиальном различии целей. Торговый режим, по своей сути упрощающий (стремящийся к устранению барьеров), направлен на либерализацию, принцип недискриминации и снятие ограничений, стремясь ограничить свободу усмотрения государств в регулировании внешней торговли [6, p. 3]. Напротив, экологическое регулирование носит конструктивный и экспансивный характер, требуя дифференцированного подхода, основанного на оценке воздействия на окружающую среду процессов производства и обращения товаров, и направлено на интернализацию трансграничных экологических издержек [7, p. 5].

Таким образом, нормативная неопределенность экологических ограничений в международной торговле представляет собой не просто терминологическую проблему, а системный симптом фрагментации глобального регулирования. Правовая квалификация одной и той же меры – как законного инструмента охраны окружающей среды или как противоправного торгового барьера – предопределяется выбором применимого правового режима интерпретации. Эта столкновение различных правовых подходов свидетельствует о глубоком и неурегулированном конфликте между экономической экспансией и экологической безопасностью в современном

международном праве. Коренная причина этой коллизии кроется в фундаментальном различии логик, лежащих в основе каждого из режимов.

Сравним их отправные принципы. Логики расходятся кардинально. Если торговая система руководствуется логикой, направленной на упрощение и устранение барьеров, то экологическая – логикой, направленной на создание новых охранительных норм. Именно в результате этого столкновения на стыке режимов формируется нормативное явление, которое не может быть адекватно описан в рамках парадигмы лишь одного из них, что и порождает дефиниционный вакуум. Этот вакуум, однако, не является случайным или временным. Он отражает глубинную, конститутивное для данного явления противоречие: столкновение упрощающей логики торговой либерализации, стремящейся к нейтрализации различий, с конструктивной логикой экологического императива, требующей дифференциации и активного государственного вмешательства для учета трансграничных издержек. Таким образом, отсутствие единого определения и множественность подходов к квалификации становятся ключевой характеристикой экологических ограничений, указывающей на их пограничный, гибридный статус в системе международного права. Этот гибридный статус и лежащий в его основе конфликт подходов материализуются в устойчивую правовую неопределенность.

Это нормативное соперничество создает устойчивую правовую «серую зону», в рамках которой одна и та же мера получает противоположные правовые квалификации. Отсутствие иерархии между режимами – не досадный пробел, а их системное качество, порождающее и легитимирующее ситуативную политизацию правовой оценки. Из этого следует, что экологическое ограничение по своей природе является не столько стабильной правовой категорией, сколько полем для интерпретативной борьбы. Порождаемый этим качеством дуализм оценок – легитимная защита окружающей среды с одной стороны и неоправданное ограничение торговли с другой – выступает прямым следствием самого отсутствия иерархии между международным экологическим правом и правом ВТО [79].

Эмпирическим подтверждением системного характера данного феномена служат данные Механизма обзора торговой политики ВТО. Это значительный массив. Зарегистрированные 12 274 экологические меры представляют собой не разрозненный набор инструментов, а целостный, динамично развивающийся правовой ландшафт [3, p. 124]. Этот массив данных, во-первых, свидетельствует о масштабе явления, а во-вторых, указывает на доктринальный вызов: экологические принципы постепенно эволюционируют в сторону признания в качестве источников международного права, что создает предпосылки для интеграции экологических целей в коммерческую повестку дня.

Таким образом, дефиниционная проблема и плюрализм квалификаций в исследуемой области – не случайный недостаток правового регулирования, а прямое следствие системной фрагментации международного права. Эта фрагментация проявляется в двух тесно связанных между собой измерениях. На институциональном уровне – отсутствие чёткой иерархии между нормами и

органами. Не менее важно нормативное измерение: конкуренция принципов торгового и экологического права.

Признание дефиниционного вакуума системным явлением не отменяет практической задачи – его необходимо восполнить как для целей правового анализа, так и для регуляторной практики. Именно эта задача привела к появлению в доктрине нескольких самостоятельных подходов. В зависимости от того, насколько широко авторы понимают экологические ограничения и на каком уровне обобщения строят свои рассуждения, можно выделить следующие направления. Первое из них – инструментально-отраслевой подход. Его сторонники интерпретируют экологические ограничения главным образом через действующие правовые инструменты конкретных международных торговых режимов. Центральное место здесь занимает анализ мер, которые принимаются в рамках двух соглашений ВТО – Соглашения по техническим барьерам в торговле и Соглашения по санитарным и фитосанитарным мерам. Основная масса уведомлений, связанных с экологическими требованиями, приходится именно на эти два документа [80]. При всей прикладной значимости данного подхода, он, на наш взгляд, характеризуется выраженной фрагментарностью и упрощением, поскольку сводит комплексную проблему экологических ограничений к частным вопросам соблюдения отдельных договорных обязательств. Такой ракурс не формирует целостной теоретической рамки, способной объяснить генезис и правовую природу новых регуляторных мер – в частности, углеродных корректировок на границе – возникающих за пределами устоявшихся договорных конструкций ВТО.

С точки зрения задач настоящего исследования данный подход представляется методологически ограниченным, поскольку априори воспринимает торговый режим ВТО в качестве единственной легитимирующей нормативной системы, тем самым подчиняя экологическую логику торговой. В результате он оказывается неспособным адекватно анализировать ограничения, формируемые в рамках автономных экологических режимов (прежде всего климатического), которые не только выходят за пределы классических торговых соглашений, но и ставят под вопрос универсальность юрисдикционных притязаний ВТО. Данный вывод находит подтверждение, в частности, в работе А. Сони, где под «экологическими ограничениями в международной торговле» понимается преимущественно совокупность конкретных торговых мер, закреплённых в многосторонних природоохранных соглашениях (МПС) и потенциально вступающих в коллизию с нормами ВТО [81].

2. Функционально-целевой подход стремится к большему обобщению, определяя ограничения через их основную цель. В рамках рассматриваемого подхода центральное место отводится так называемым торгово-связанным экологическим мерам (ТСЭМ). Под ними обычно понимают такие торгово-политические инструменты, которые ставят трансграничное движение товаров в зависимость от соблюдения условий, направленных на защиту окружающей среды [82]. Однако, как справедливо замечает Нука [83], даже при всей распространенности этого термина его универсальное доктринальное

определение отсутствует, а границы остаются размытыми. М. Джудиш [84], также работающий в русле данного подхода, предлагает «рассматривать экологические барьеры как разновидность нетарифных мер». Такое решение позволяет вписать их в привычную типологию инструментов торговой политики, но не дает ответа на вопрос, в чем именно состоит их экологическая специфика. Сама концепция ТСЭМ, при всей ее описательной удобности, сталкивается с внутренним логическим противоречием. Определение строится исключительно через цель – защиту окружающей среды, но не предлагает критериев, позволяющих отличить эту цель от скрытого протекционизма, особенно в условиях нормативной «серой зоны». Неоднородность мер, подводимых под это понятие, не случайна. Она возникает из попытки охватить единым термином слишком разнородные явления без предварительного анализа структурных причин этой разнородности. Главный недостаток инструментально-отраслевого подхода, таким образом, заключается в его описательном и собирательном характере. Под определение ТСЭМ можно подвести самый широкий круг мер, что неизбежно лишает понятие аналитической чтекости и операциональной ценности – то есть делает его малопригодным для строгого правового анализа.

3. Максимально широкий (экспансионистский) подход предлагает наиболее комплексное толкование, включающее в сферу экологических ограничений меры, направленные не только на охрану окружающей среды в узком смысле, но и на защиту здоровья растений, животных, человека и обеспечение биобезопасности [7, p. 7]. Данный подход наиболее адекватно отражает современную регуляторную практику, в которой экологические, санитарные и фитосанитарные цели тесно переплетаются, формируя единый комплекс законных целей публичного порядка», упоминаемых в ст. XX ГАТТ (этот аспект будет подробнее рассмотрен в следующей главе). В рамках этого подхода, например, Х.Ф. Чанг анализирует «экологические ограничения как «конкретные торговые меры, которые государства используют для достижения природоохранных целей, но которые часто вступают в противоречие с правилами свободной торговли» [85]. Однако, хотя данный подход верно фиксирует интеграцию целей в практике, автор полагает его теоретически опасным. Чрезмерное расширение понятия ведет к размыванию его смысла и утрате аналитической ценности. Задачей исследования является не растягивание границ понятия, а поиск концептуального каркаса, способного объяснить внутреннюю сложность и противоречивость феномена.

Критический анализ показывает, что ни один из существующих подходов в отдельности не предоставляет адекватной теоретической рамки, способной, с одной стороны, объяснить дефиниционный вакуум через призму системной фрагментации международного права, а с другой – предложить операциональное, четко очерченное определение для правоприменения и дальнейшего исследования. Все они, в той или иной мере, либо игнорируют системную природу дефиниционного вакуума, либо воспроизводят его на концептуальном уровне. Таким образом, критический анализ существующих доктринальных позиций выявляет их общую ограниченность: они либо сводят

сложность феномена к одному аспекту, либо, признавая его комплексность, не предлагают адекватного инструментария для ее структурированного анализа. Для преодоления этого методологического тупика требуется иная аналитическая оптика, способная не просто описать, но и объяснить генезис дефиниционной неопределенности через призму системных свойств самого международного правопорядка. Поэтому задача настоящего исследования – преодолеть эти методологические недостатки, выработав объяснительную рамку. В качестве такой рамки в работе предлагается интегративный подход на основе многоуровневой модели анализа системной фрагментации. Авторская позиция заключается в последовательном отказе как от упрощенчества первого подхода, так и от бессистемного расширительства третьего. Настоящее исследование отстаивает тезис о том, что адекватная теоретическая рамка должна быть прежде всего объяснительной, а не только описательной. Ее задача – выявить структурные причины дефиниционного хаоса, а не просто констатировать его. Такой объяснительной рамкой, по нашему мнению, является модель системной фрагментации. Наша гипотеза: дефиниционный вакуум – прямое следствие системной фрагментации международного права. Следовательно, системный анализ экологических ограничений требует перехода от констатации их дуалистической природы к изучению тех структурных уровней, на которых проявляется данная фрагментация, порождающая сам вакуум.

Предлагаемая в данном исследовании модель системной фрагментации призвана преодолеть указанные методологические тупики. Она не просто описывает сложность, а структурирует её по трем уровням, каждый из которых соответствует ключевому вызову для правовой доктрины:

1. Горизонтальный уровень фрагментации: конкуренция правовых режимов. Коренная причина дефиниционного пробела заключается в том, что экологическое ограничение нельзя однозначно отнести ни к мерам ВТО, ни к инструментам климатического права. Оно представляет собой гибридное нормативное явление, порожденное конфликтом этих двух систем. Горизонтальная фрагментация отражает нормативное соперничество в чистом виде. Речь идет о необходимости согласовывать разрозненные нормы и институты, созданные для решения одной глобальной задачи – противодействия изменению климата. Коллизия между целями торгового и экологического права находит конкретное выражение в инструментах регулирования. К числу таких инструментов относятся меры пограничной углеродной корректировки (компенсация углеродного следа импорта), а также государственные субсидирования «зеленых» технологий. Именно эти меры формируют зону непосредственного столкновения двух нормативных режимов. Причем столкновение не гипотетическое – оно фиксируется в практике разрешения споров ВТО и иных арбитражей, где каждый раз приходится определять, какая из конкурирующих норм подлежит приоритетному применению. Согласно статистике, объем экологически значимых торговых мер превысил 12 000 [3, p. 124], что переводит теоретические коллизии в разряд рутинных правоприменительных ситуаций.

2. Вертикальная фрагментация: различия национальных и субнациональных регуляторных стандартов. Существование данного уровня фрагментации нормативных систем эмпирически подтверждает тезис о том, что попытки разработки универсальной (общеобязательной) дефиниции рассматриваемого понятия не имеют познавательной ценности и представляются методологически несостоятельными. Задачей науки становится анализ условий и последствий такого разнообразия, а не его отрицание во имя абстрактной унификации. Дефиниционный вакуум усугубляется значительными различиями на уровне национального законодательства и даже внутри отдельных стран. Как отмечается в исследовании Экономического комитета Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), «различия в уровне экономического развития, структуре производства и потребления, а также уровень науки и технологий напрямую влияют на приоритетность экологической политики и способность её реализации» [4, p. 22]. Развитые страны, как правило, устанавливают более строгие экологические стандарты и технические регламенты, в то время как развивающиеся страны руководствуются менее жесткими правилами. Более того, стандарты часто не являются единообразными даже в пределах одной страны. Ярким примером служат США, где только в штате Калифорния функционирует 191 экологический регуляторный орган, применяющий различные нормативы [4, p. 3].

Подобная разрозненность нормативных требований внутри государств порождает феномен регулирования, состоящего из множества неоднородных фрагментов, который проецируется на сферу трансграничного товарооборота. Для участника внешнеторговой деятельности – иностранного экспортера – из описанной ситуации вытекает необходимость действовать в соответствии одновременно с национальным правом государства-импортера и с правилами, действующими в отдельных его субнациональных единицах (регионах, штатах, провинциях). Данное обстоятельство приводит к мультипликации трансакционных издержек и правовых рисков, связанных с необходимостью соблюдать все эти разнородные обязательные предписания. Таким образом, дефиниционный вакуум институционализируется и усугубляется не только вследствие межгосударственных коллизий, но и в силу внутристрановых нормативных противоречий. Это объективно детерминирует практическую неразрешимость задачи по выработке универсального доктринального определения в текущих условиях системной фрагментации международного права.

3. Инструментальная фрагментация: разнообразие правовых форм. Фрагментация проявляется и в самих инструментах регулирования. Экологические ограничения принимают множество форм – от прямых запретов, как в Регламенте ЕС об обезлесении (EUDR) [68], до сложных систем должной осмотрительности и требований к отчетности, как в британском Законе об окружающей среде [86]. Некоторые режимы, подобно EUDR, устанавливают абсолютный материальный стандарт («не связанный с обезлесением»), игнорируя вопрос о легальности вырубки по национальным законам страны-

производителя [68]. Другие, как британское регулирование, напротив, делают акцент на разграничении легальной и нелегальной деятельности в соответствии с местным законодательством [86]. Мы предполагаем, что данный уровень, наиболее наглядно показывает, что выбор регуляторного инструментария (EUDR против британской модели) – это не технический вопрос, а акт суверенного правотворчества, выражающий фундаментальный выбор между экологическим универсализмом и опорой на государственный суверенитет. Этот подход рассматривается как более соответствующий принципам международного права, таким как государственный суверенитет, и минимизирующий риск торговых споров [87].

Сравнение двух регуляторных моделей – абсолютного стандарта, закрепленного в EUDR, и подхода, основанного на критерии легальности (британский Закон об окружающей среде) – выводит на поверхность фундаментальный вопрос, который лежит в основе всей дефиниционной проблемы. Вопрос звучит так: что является первичным источником легитимности экологического ограничения? Универсальный экологический императив или суверенная воля отдельного государства? Из этого философско-правового противоречия напрямую вытекает инструментальная фрагментация. Иными словами, разные ответы на поставленный вопрос порождают разные типы ограничений, которые трудно свести к общему знаменателю.

Показанная выше многоуровневая фрагментация создает серьезные препятствия для выработки общеобязательной дефиниции «экологических ограничений» в их классическом, сущностном понимании. В такой ситуации более продуктивным оказывается не поиск универсального определения, а операционализация понятия – через его функции и конкретные правовые формы. Классификационный подход позволяет систематизировать явление, обходя те противоречия сущностного толкования, которые на данном этапе практически непреодолимы. В этом – его главное преимущество. Важно подчеркнуть: приведённые примеры (EUDR и британский закон) – лишь единичные случаи в глобальном масштабе. В мире насчитывается около 200 суверенных государств, и каждое из них вправе разрабатывать и внедрять собственные меры экологического регулирования. Именно это многообразие национальных подходов, их методологическая и нормативная неоднородность и объясняют, почему сформировать универсальное и общепризнанное понятие экологических ограничений в международной торговле, мягко говоря, непросто.

Следовательно, дефиниционная неопределенность не является признаком второстепенности явления, а, напротив, выступает прямым отражением его сложного, гибридного и многоуровневого характера. Она укоренена в объективных различиях экономических моделей, структуре государственного управления, разнообразии регуляторных инструментов и текущем состоянии международно-правовой системы, для которой фрагментация остается актуальным вызовом [88]. Если прямое дефинирование наталкивается на системную фрагментацию, то для изучения феномена необходим иной, операциональный метод. Таким методом, получившим признание в

международной практике (например, в работах ЮНКТАД), является классификационный подход, который позволяет систематизировать конкретные правовые формы, минуя тупик сущностного определения. Выявление конкретных форм, подобных описанным Леал-Аркасом, требует перехода от теоретического конфликта к операциональной классификации, которая позволила бы систематизировать этот комплексный правовой феномен» [89]. Такой переход предлагается в докладе ЮНКТАД «Нетарифные меры от А до Я», где «экологические ограничения в торговле рассматриваются в рамках общего понятия нетарифных мер» [90]. Однако стоит отметить, что ЮНКТАД не предлагает отдельного, строгого юридического определения именно «экологических ограничений» как таковых. Организация использует классификационный подход, основанный на таксономии нетарифных мер (НТМ). В рамках этой таксономии определяются те категории, которые преследуют цель охраны окружающей среды либо для которых экологический мотив является основным. В тексте доклада экологическое ограничение представлено как регуляторное предписание нетарифного характера, устанавливаемое государством или интеграционным объединением, которое связывает возможность трансграничного оборота товара (импорта, экспорта или обращения на внутреннем рынке) с выполнением специфических экологических стандартов, требований или процедур. Его правовая природа определяется через двойственную функцию: с одной стороны, оно выступает инструментом реализации экологической политики и международных обязательств (например, в рамках Парижского соглашения по климату или Конвенции о биологическом разнообразии), с другой – формирует обязательное условие для участников внешнеэкономической деятельности, создавая издержки соответствия [90, с. 27]. Таким образом, определение ЮНКТАД служит концептуальным мостом, позволяя перейти от констатации абстрактного конфликта к анализу его конкретных регуляторных проявлений, но делает это на уровне классификационной абстракции, а не формально-юридической дефиниции.

Этот переход к операциональному уровню находит свое отражение в базовом доктринальном определении, выработанном при участии ЮНКТАД. В указанной классификации под нетарифными мерами понимаются регуляторные инструменты, отличные от таможенных пошлин. Такие меры воздействуют на международную торговлю, меняя либо объёмы перемещаемых товаров, либо их стоимость. Сущностной характеристикой данной категории мер является их нейтральная правовая природа: само по себе определение не предполагает оценки их легитимности или направленности торгового эффекта, который может носить как ограничительный, так и стимулирующий характер, например, за счет повышения доверия потребителей к сертифицированной продукции.

Согласно классификации ЮНКТАД, все нетарифные меры делятся на две большие категории. Первая – это традиционные инструменты торговой политики: квоты, лицензирование, контроль цен. Они напрямую меняют условия конкуренции и то, как движутся товарные потоки. Ко второй категории относятся технические меры, включающие санитарные и фитосанитарные требования, а

также технические барьеры. Указанные меры имеют нерегулятивную (внешнеторговую) природу: их введение обусловлено не целями регулирования торговли, а необходимостью защиты здоровья людей, животных и растений, равно как и окружающей среды. Хотя протекционизма в них изначально нет, на деле такие требования сильно ограничивают доступ на рынок и задают жёсткие рамки для поставщиков.

В контексте данной классификации «экологические ограничения» не являются автономной правовой категорией, а представляют собой смысловой концепт, объединяющий подмножество нетарифных мер, в которых охрана окружающей среды выступает доминирующим или со-доминирующим публично-правовым интересом. Именно поэтому ЮНКТАД акцентирует внимание на функциях. Для целей настоящего исследования этот подход ценен тем, что он позволяет операционализировать ключевые признаки экологических ограничений (нетарифность, императивность, наличие чёткой цели), выводя их из плоскости абстрактного конфликта режимов в плоскость анализа конкретных регуляторных форм, что полностью соответствует логике предлагаемой многоуровневой модели.

Применение функционально-классификационного подхода к реальным регуляторным инструментам подтверждает его практическую ценность. В исследовании Соважа «Строгость экологического регулирования и торговля экологическими товарами» нетарифные природоохранные меры трактуются как набор регуляторных средств, которые, определяя жёсткость экологических требований, формируют внутренний спрос на экотовары и услуги, а также влияют на направление торговых потоков. Автор разделяет эти средства на две категории. Первая – командно-административные (предписывающие) меры: стандарты выбросов, нормативы качества окружающей среды, технологические требования и разрешительные системы. Вторая – рыночные инструменты, основанные на экономических стимулах: налоги и сборы за загрязнение, системы торговли квотами на выбросы, целевые субсидии для корректировки экстерналий [9, pp.17-20]. При этом сам Соваж не пытается дать универсальное определение экологических ограничений. Вместо этого он измеряет степень жёсткости конкретных регуляторных инструментов и тем самым придаёт экологическим ограничениям операциональный смысл. Более того, он демонстрирует наличие прямой причинно-следственной связи между такими ограничениями, с одной стороны, и формированием рыночного спроса и международных торговых потоков – с другой. Из этого следует эмпирическое подтверждение тезиса, выдвинутого в настоящем исследовании: путь, предполагающий анализ через функции и эффекты в рамках классификационной схемы, оказывается не только теоретически состоятельным, но и практически результативным. Приведенный пример показывает, что классификационный подход не сводится к чисто теоретическим построениям, а выступает рабочим инструментом для конкретного экономико-правового анализа.

Переходя от анализа точечных примеров к более сложным, комплексным явлениям, следует отметить, что аналогичную роль играет операциональный

подход. Он позволяет анализировать меры, которые затрагивают одновременно несколько уровней фрагментации. Особенно наглядно это демонстрирует исследование Рафаэля Леаль-Аркаса [89]. Анализируя экстерриториальные климатические меры, он по существу применяет логику многоуровневой модели. В результате становится видно, как конкретная правовая форма (инструментальный уровень) превращается в площадку столкновения режимов (горизонтальный уровень) в условиях расхождения национальных политик (вертикальный уровень). Тем самым подтверждается познавательная ценность избранного в диссертации интегративного подхода.

Обобщая анализ, проведенный в настоящей главе, можно зафиксировать следующие положения.

Первое. Дефиниционный вакуум – это не просто терминологическая лакуна. Он прямо отражает объективную многоуровневую фрагментацию современного международного права, в рамках которой сталкиваются суверенные, экономические и наднациональные экологические интересы.

Второе. Для преодоления этого вакуума не следует искать универсальную дефиницию. Более перспективным представляется операциональный, классификационный подход – по типу того, который реализован в системе ЮНКТАД.

Третье. Результативность такого подхода подтверждается его применением к анализу конкретных комплексных мер (например, экстерриториальных климатических ограничений).

На этой основе формулируется исходная позиция исследования: экологические ограничения в международной торговле – это не заранее заданный набор мер, а динамическое поле нормативного напряжения. Их сущность задаётся не внутренними свойствами, а взаимодействием трёх структурных уровней системной фрагментации международного права. Поэтому в диссертации используется рабочее определение, которое раскрывает суть явления через его связи и функции.

В рамках настоящего исследования в качестве рабочего принимается следующее операциональное определение: экологические ограничения в международной торговле – это императивные нетарифные меры, где охрана окружающей среды выступает доминирующим (первичным) правовым обоснованием. Правовой статус таких мер определяется тремя составляющими. Во-первых, это конфликт и взаимодействие норм торгового и экологического права (горизонтальный уровень). Во-вторых, способ трансформации этих норм в национальное законодательство (вертикальный уровень). В-третьих, реализация в конкретных правовых инструментах (инструментальный уровень). Отказываясь от изначального поиска универсального определения, данная работа концентрируется на системном изучении генезиса, юридического оформления и экономической результативности экологических ограничений. Эта триада вопросов образует предметную основу для анализа в последующих главах.

1.2 Генезис и институционализация экологической повестки в международной торговле

Противоречие между экономическим развитием и сохранением природной среды относится к числу фундаментальных проблем глобального регулирования. В сфере международной торговли это противоречие проявляется с особой остротой. Впервые эта проблема была обозначена в классических дискуссиях об экологических ограничениях экономического роста – достаточно указать на работы Т. Мальтуса на рубеже XVIII–XIX веков [91]. В эпоху глобализации данное фундаментальное противоречие приобрело конкретное институциональное измерение, сосредоточившись в постоянном конфликте между логикой либерализации торговли и императивом охраны окружающей среды. Мы считаем: этот конфликт не случаен, он системен. Его причина – исходная институциональная разобщённость: послевоенная система ГАТТ/ВТО была создана для решения задач экономического восстановления и роста, тогда как экологическое регулирование формировалось как ответ на порождённые этим же ростом негативные внешние эффекты. Это заложило модель «догоняющей» и подчиненной интеграции экологии в торговые правила, последствия которой ощущаются до сих пор.

Любая экономическая деятельность – включая международную торговлю – требует использования природных ресурсов и влечёт за собой изменение их состояния [92]. Эта базовая предпосылка порождает непримиримое противоречие в интерпретациях. С одной стороны, экологическое регулирование рассматривается как необходимое условие долгосрочной устойчивости самой торговой системы. Одни исследователи видят в экологическом регулировании условие долгосрочной устойчивости торговой системы. Другие – лишь дополнительные издержки и препятствия для свободного перемещения товаров, что ставит под сомнение его экономическую оправданность [93]. Именно это противоречие, теоретически предвосхищенное Мальтусом, материализовалось в XX веке, когда беспрецедентная либерализация мировой торговли привела к экспоненциальному росту трансграничных товаропотоков, многократно усилив масштаб и сложность их совокупного экологического воздействия и сделав проблематику «торговля и окружающая среда» одной из наиболее острых в международной повестке дня [94].

Попытки решить эту дилемму на международном уровне сталкиваются с серьезными институциональными и политическими барьерами. В многосторонних переговорах (например, по защите озонового слоя или климату) участвуют свыше 190 стран, а сам предмет обсуждения включает сложное сочетание научных, правовых, экономических и социальных факторов. Консенсус труднодостижим из-за расхождений в том, как формулируются сами проблемы и какими видятся их решения, а также из-за противоречий между национальными интересами разных государств [95]. Ключевым камнем преткновения становится вопрос справедливого распределения бремени, поскольку представления о равноправии и справедливости варьируются в

зависимости от уровня развития, исторической ответственности и экономических возможностей стран [96]. Сложности при формировании эффективных экологических режимов в современном мире – прямое следствие исторически укоренённого конфликта между экономической интеграцией и экологической безопасностью. Нарастающая острота этой дилеммы и политические тупики в ее разрешении напрямую связаны со стремительным усилением самого экологического кризиса, особенно изменения климата, которое приобрело характер глобальной угрозы.

Нарастающие масштабы глобального экологического кризиса, в первую очередь – изменение климата, делают поиск решений критически важным. В 2023 году концентрация основных парниковых газов в атмосфере оказалась максимальной за последние 800 тысяч лет, и эта тенденция сохраняется [97, с. 1]. По имеющимся оценкам, в 2000–2030 годах она возрастёт ещё на 25-90 %. Здесь обнаруживается парадокс: наибольший климатический ущерб и уязвимость, обусловленные ограниченными адаптационными возможностями, приходятся на развивающиеся страны. Их исторический вклад в выбросы невелик, однако нынешний рост эмиссий во многом связан с производством товаров для развитых экономик. В наибольшей степени от этого дисбаланса страдают беднейшие группы населения, для которых климатические угрозы множат уже существующие проблемы – от бедности до отсутствия продовольственной и водной безопасности [98, pp. 7-8.].

Поиск правовых механизмов согласования экономического развития и экологических требований ведётся давно. Стивен Чарновитц указывает, «что уже в 1920-е годы в международных договорах появлялись исключения для природоохранных и санитарных мер» [8, p. 2]. Более значимая веха – конец 1940-х годов. В Уставе Международной торговой организации (1948), который так и не вступил в силу, уже содержалась специальная «экологическая оговорка», создавшая правовой прецедент на будущее» [99].

Параллельно в тот же период зарождалось и глобальное природоохранное движение, отмеченное важными символическими событиями: созданием Международного союза охраны природы и природных ресурсов (1948) – первой в мире международной экологической организации, и проведением масштабной научной конференции по охране природы (1949). Однако между этими правовыми новациями и зарождающимся общественным движением, с одной стороны, и реальной политикой государств – с другой, существовал разительный разрыв. Решения конференции 1949 года остались нереализованными, а у мировых правительств не хватило политической воли для перехода от деклараций к действиям. В результате, несмотря на наличие первых институциональных и правовых основ, эффективный международный ответ на экологические вызовы был отложен на два десятилетия.

Существенные изменения произошли только в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Рост общественной озабоченности экологическими рисками, стимулированный докладами Римского клуба, начал трансформировать политическую повестку [100, с. 90]. Это привело к смене парадигмы: логика

противостояния «рост против среды» стала уступать место поиску модели устойчивого развития, предполагающей синергии экономических и экологических целей [101]. Именно в этот период, как следствие, происходит институционализация международного экологического сотрудничества, выразившаяся в создании новых организаций, норм и стандартов [102]. Таким образом, если в середине века экология оставалась маргинальной темой, то к 1970-м годам глобальные экологические проблемы становятся все более заметными, а осведомленность об охране окружающей среды неуклонно расте [103].

Закономерным итогом этой новой политической реальности стало ее незамедлительное институциональное оформление. Отправной точкой здесь выступила Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г. в Стокгольме – первый международный форум подобного масштаба, который заложил основы для системного включения экологической проблематики в работу правительств по всему миру [100, с. 89]. Важно подчеркнуть, что отдельные международные экологические соглашения, в частности по вопросам морского загрязнения, заключались и до Стокгольмской конференции. Однако именно это первое крупное международное экологическое мероприятие послужило мощнейшим импульсом для качественной и количественной активизации деятельности на национальном и международном уровнях: государства и международные организации начали системно реагировать на возникающие вызовы экологического управления на всех уровнях [104].

К проведению этой конференции привели три взаимосвязанных фактора. Во-первых, на национальном уровне в 1960-е годы такие страны, как Швеция, Великобритания, США и Канада, начали создавать специализированные природоохранные учреждения и вносить соответствующие изменения в законодательство, что активизировало потребность в координации на международной арене. Например, европейские страны были озабочены проблемой кислотных дождей, а Япония – сокращением промышленных выбросов [105]. Во-вторых, мощным катализатором стало формирование глобального общественного мнения под влиянием научно-публицистических работ, таких как «Безмолвная весна» Р. Карсон о вреде пестицидов [106], труд М. Николсона о связи экологии и социальных проблем [107] и знаковый доклад Римского клуба «Пределы роста», содержавший тревожные прогнозы об истощении ресурсов [108]. В-третьих, серия экологических катастроф – от массового отравления ртутью в японском Минамате в 1956 году [109] до масштабного разлива нефти после аварии танкера «Торри Кэньон» в 1967 году [110] – наглядно продемонстрировала границы национального регулирования и острую необходимость глобального ответа. Дипломатическая инициатива по организации конференции, принадлежавшая шведским дипломатам, таким как И. Турссон и Б. Билльнер, удачно совпала с этой созревшей международной потребностью [100, с. 90].

Конференция, созванная в результате столь мощного стечения обстоятельств, не могла не иметь принципиальных последствий. Ее правовое и

институциональное значение является фундаментальным. Принятая на ней Стокгольмская декларация, состоящая из преамбулы и 26 принципов, впервые создала всеобъемлющие концептуальные рамки для заботы о глобальной окружающей среде, «выведя вопросы окружающей среды на уровень политического диалога». Хотя декларация не имела обязательной юридической силы и носила рекомендательный характер, ее следует рассматривать как ключевой источник современного международного экологического права, чьи базовые положения (например, принцип 21 о суверенитете над ресурсами и ответственности за трансграничный ущерб) впоследствии были инкорпорированы в многочисленные обязательные договоры и национальные законодательства [100, с. 91]. Главным институциональным итогом конференции стало создание Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) – постоянного органа системы ООН, которому поручено мониторинг состояния среды, оценка научных данных и координация международной природоохранной деятельности [55].

Для понимания того, как формировались экологические ограничения в торговле, важно следующее. Стокгольмская декларация впервые легитимировала право государств на экологические меры, даже если они вступают в противоречие с торговыми обязательствами. Тем самым был создан нормативный фундамент для будущих коллизий. Прямых торговых норм она не содержала, но санкционировала суверенное право на экологическую исключительность, противопоставив его логике недискриминации. Принцип 21 (суверенитет/ответственность) стал не просто основой, а «правом на исключение» – нормативной декларацией, оправдывающей односторонние меры, a priori подозрительные с позиции ГАТТ [55]. Таким образом, Декларация создала не основу для интеграции, а парадигму изначальной легитимности конфликта, материализовавшуюся в последующих спорах ВТО.

Параллельно этому процессу экологического пробуждения, но в значительной степени автономно от него, развивалась и мировая торговая система. Ее институциональное оформление международной торговли началось после Второй мировой войны с создания Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) в 1947 году. Важно отметить, что изначальная архитектура ГАТТ, фокусировавшаяся исключительно на снижении таможенных тарифов, вскоре начала испытывать давление извне со стороны зарождающегося экологического движения. Непосредственным катализатором для включения экологической темы в повестку ГАТТ стала подготовка Конференции ООН по окружающей среде человека (Стокгольм, 1972 г.). В 1971 году, в ответ на этот глобальный тренд, Совет представителей ГАТТ принял решение о создании Группы по экологическим мерам и международной торговле [111]. Ключевым стало закрепление оборонительной правовой парадигмы, при которой любая экологическая мера априори рассматривалась как потенциальное нарушение. Таким образом, вместо поиска синергии торговая система с самого начала институционализировала подход, в рамках которого экология выступала не

партнером, а подозреваемым, требующим оправдания в рамках жёстких процедурных рамок.

Примечательно, что данное решение закрепило обсуждение экологической проблематики в логике, где явно доминировали торговые интересы: оно исходило из того, что меры по защите окружающей среды могут оказывать влияние на торговлю, а целью провозглашалось обеспечение эффективности ГАТТ. Таким образом, хотя группа фактически не начала работу до 1991 года, сам факт её учреждения символизировал вынужденное признание экологии как фактора, с которым торговой системе придется считаться в правовом поле. Ключевым стало закрепление подхода, при котором любая экологическая мера априори рассматривалась через призму потенциального нарушения статей I (режим наибольшего благоприятствования), III (национальный режим) или XI (запрет количественных ограничений) ГАТТ, а бремя доказывания ее соответствия общему исключению по статье XX (b) или (g) возлагалось на страну-инициатора [2].

На начальном этапе торговая система демонстрировала приоритет коммерческих интересов, что фактически закрепило иерархию, в которой свобода торговли занимала доминирующее положение. Эта тенденция сохранялась и в следующее десятилетие. В качестве иллюстрации можно привести Токийский раунд многосторонних торговых переговоров (1973-1979 гг.), в ходе которого рассматривались ограничения, связанные с техническими регламентами [112]. Итогом стало принятие Соглашения по техническим барьерам в торговле. Указанный документ впервые установил особый правовой режим для технических регламентов, стандартов и процедур оценки соответствия. Помимо традиционных принципов недискриминации, Соглашение закрепило новые юридические обязанности: уведомление о проектах мер через национальные органы по стандартизации, обоснование таких мер на основе международных стандартов (статья 2.4), а также проведение оценки регулирующего воздействия [113].

Соглашение ТБТ формально допустило применение мер экологического характера, но подчинило их жёстким процессуальным требованиям. При этом реального согласования торговых и экологических интересов достигнуто не было. Акцент сместился с оценки цели меры (охрана окружающей среды) на её форму и процедуры, что позволило сохранить дисциплину в сфере торговли. В результате экологическая цель признавалась легитимной только при условии соблюдения установленных торговых процедур. Сложился механизм, в котором процессуальная безупречность (уведомление, обоснование со ссылкой на международные стандарты) могла иметь приоритет перед материальной экологической необходимостью. Таким образом, Соглашение ТБТ выполняло не функцию связующего звена между торговым и экологическим правом, а роль процессуального фильтра, позволяющего отклонять те экологические меры, которые по формальным основаниям признавались технически несовершенными.

Вместе с тем формально-процедурный компромисс не устранил глубинного содержательного конфликта между экологическими и торговыми регуляторными режимами. Токийский раунд стал важной вехой, однако активное обсуждение данной проблематики развернулось позднее – в 1980-е годы, когда концепция устойчивого развития, получившая импульс от Доклада Брундтланд (1987), начала оказывать системное влияние на международное регулирование. Этот концептуальный сдвиг напрямую отразился в эволюции повестки ГАТТ. Если ранние раунды были посвящены тарифам, то Уругвайский раунд (1986-1994) впервые на системном уровне обратился к нетарифным барьерам (НТБ), куда вошли и национальные экологические регламенты [114]. Именно в этот период накопленное напряжение между двумя логиками потребовало уже не процедурного, а содержательно-доктринального разрешения, которое было предоставлено не на переговорном, а на судебном уровне.

В 1991 году в споре между США и Мексикой по поводу тунца ГАТТ впервые четко сформулировало оборонительную логику. Суд установил два ограничения. Первое: статья XX(b) и (g) не позволяют защищать ресурсы за пределами национальной юрисдикции страны, вводящей меру (принцип экстерриториальности). Второе: меры, основанные на методах производства (PPMs), которые не влияют на свойства конечного продукта, не могут служить законным основанием для дискриминации подобных товаров. Стоит отметить, что сама статья XX ГАТТ является ключевым положением, формально позволяющим государствам применять экологические меры, даже если они противоречат иным обязательствам по ГАТТ [2]. В частности, пункты (b) и (g), непосредственно связанные с защитой жизни, здоровья и сохранением ресурсов, создают юридическую основу для таких исключений. Хотя термин «окружающая среда» в них прямо не используется, эти положения предоставляют государствам возможность обосновывать экологически мотивированные меры, вступающие в противоречие с нормами международной торговли [94, p. 26].

Однако интерпретация этих положений в деле о тунце привела к двоякому правовому эффекту. На доктринальном уровне решение создало фундаментальные барьеры для будущего климатического регулирования, такого как Механизм корректировки углеродного следа на границе (МУКГ), классически основанного на ненавязываемых PPMs и преследующего глобальные (экстерриториальные) цели. На системном уровне оно стало первым чётким оформлением инструментальной фрагментации международного права: был продемонстрирован примат торговой интерпретации ГАТТ над зарождающейся экологической логикой государств.

Таким образом, итогом прецедента 1991 года стало не разрешение конфликта, а его кристаллизация в виде правовых доктрин. Экологическое регулирование, с одной стороны, было де-факто признано значимым фактором, требующим учёта в торговых правилах, а с другой – было жёстко и субсидиарно поставлено под контроль торговой дисциплины. Это сделало системное противостояние явным и перенесло его в плоскость судебных толкований на десятилетия вперед.

Именно эта сложившаяся правовая напряженност к началу 1990-х годов сделала очевидной необходимость согласовать нарождающийся прагматизм торговой системы с новыми глобальными экологическими императивами. Кульминацией этого процесса концептуального синтеза стала Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992). Принятая на ней Декларация Рио зафиксировала фундаментальную нормативную двойственность, ставшую парадигмальной для последующих десятилетий. С одной стороны, Принцип 4 провозгласил интеграцию охраны среды в процесс развития, легитимируя экологические регуляторные цели. С другой – Принцип 12 прямо предостерег от использования таких мер в качестве скрытого протекционизма [115]. Эта противоречивая формула, с одной стороны, признавала право на экологическое регулирование, а с другой – ставила его под подозрение, создавая не разрешённый, а лишь отложенный конфликт.

Именно эта двойственность была заложена в архитектуру Всемирной торговой организации, созданной в 1995 году как итог Уругвайского раунда. Хотя ее миссия заключалась в обеспечении стабильности и предсказуемости правил, практическим следствием стало установление жёсткого процедурного фильтра для национального экологического регулирования. Унаследованная от ГАТТ и усиленная Соглашением ТБТ логика привела к тому, что любые подобные меры априори рассматривались как потенциальные торговые барьеры, требующие строгого обоснования. В результате система приобрела фундаментально асимметричный характер: она была прекрасно приспособлена для того, чтобы отсекать экологические меры, маскирующие протекционизм, но не создала позитивных правовых оснований для легитимации необходимых климатических мер [116].

Этот структурный дефицит наиболее остро проявился в отношении глобального изменения климата – вызова, который к моменту создания ВТО уже приобрел научную и политическую определенность, но так и не был интегрирован в ее правовое поле [117, p. 2]. Пробел был многомерным: от отсутствия явных ссылок на климатические цели в текстах соглашений до догматического толкования ключевых понятий в судебной практике. Попытка институционализировать диалог путём создания Комитета по торговле и окружающей среде (КТОС) не изменила ситуацию, поскольку его мандат оставался дискуссионным, а сам комитет не обладал нормотворческими полномочиями для адаптации правил ВТО [118].

Таким образом, исходный институциональный дизайн ВТО, сосредоточенный на предсказуемости и предотвращении протекционизма, оказался структурно не готов к интеграции масштабных трансграничных климатических задач. Это напрямую предопределило уникальную ситуацию конца XX века: параллельное и слабо скоординированное развитие двух систем глобального управления. С одной стороны, ВТО углубляла либерализацию торговли на основе принципа недискриминации. С другой – под эгидой ООН, на основе научных данных Межправительственного панеля по изменению климата (первый оценочный доклад, 1990) и в рамках запущенных переговоров по РКИК

ООН (1990-1992), начал формироваться независимый климатический режим, эволюционировавший от Киотского протокола к Парижскому соглашению [119]. Сложилась чёткая двойственная архитектура, где торговый и климатический режимы существовали параллельно, а их неизбежное взаимодействие, вместо конструктивного синтеза, стало постоянной площадкой для столкновения принципиально разных институциональных логик [94, p. 2].

Это противоречие, осознанное еще в 1970-е годы, не только не было разрешено, но и вышло на новый, системный уровень. Невозможность урегулировать конфликт на уровне принципов закономерно сместила его в сферу практического нормотворчества, где оно получило своё материальное выражение. Указанный раскол между правовыми режимами не остался в сфере абстрактных рассуждений. Он нашел свое материальное выражение в беспрецедентном увеличении объемов регулирования как на национальном, так и на наднациональном уровне. За три десятилетия сложилась плотная сеть государственных нормативных актов, напрямую влияющих на трансграничное перемещение товаров – от стандартов, ограничивающих выбросы, и правил упаковки до регламентов, касающихся химической безопасности, и мер по сохранению биологического разнообразия.

В этом массиве регулирования обнаруживается базовое институциональное противоречие. Логика ВТО нацелена на устранение барьеров ради максимизации торговых потоков. Логика экологической политики, напротив, объективно ведёт к созданию новых регуляторных рамок, которые нередко имеют протекционистский эффект де-факто. Именно это противостояние – между стремлением к открытым рынкам и необходимостью экологического контроля – лежит в основе современных торгово-климатических дилемм. Для экспортёров оно оборачивается ростом операционных сложностей. Государства-члены, даже при возникновении связанных с этим торговых барьеров, придерживаются приоритета собственных экологических стандартов, что неизбежно влечёт за собой юридические коллизии [116, p. 73]. Указанное фундаментальное противоречие обретает форму конфликта между императивом недискриминации (статьи I и III ГАТТ) и правом государства на регуляторный суверенитет, пределы которого очерчены общими исключениями (статья XX ГАТТ). Экологические меры зачастую находятся на грани нарушения режима наибольшего благоприятствования либо национального режима, а их правомерность требует прохождения строгих критериев, выработанных Органом по разрешению споров ВТО: теста на «необходимость» (necessity), теста на «связь с сохранением исчерпаемых ресурсов» (relating to the conservation), а также соблюдения требований о недопустимости «произвольной дискриминации» и «скрытого ограничения торговли» (вводная часть статьи XX) [2].

Историческая эволюция – от полного исключения экологических соображений из торгового регулирования через этап конфронтации к последующей коэволюции – не привела к устранению исходного противоречия, а лишь институционализировала его. Данное противоречие приняло форму

трехуровневой системной раздробленности. На горизонтальном уровне – коллизия между нормами ВТО и положениями климатических соглашений. На вертикальном – многообразие национальных и наднациональных экологических регламентов (насчитывающих тысячи). На инструментальном – противоборство двух регуляторных логик: учета процессов и методов производства против учёта свойств конечного продукта. В итоге фрагментация материализуется в конкретных правовых коллизиях. Такая регуляторная экспансия разворачивалась одновременно вглубь и вширь, приобретая трансграничный и глобальный масштаб. Многие экологические угрозы – от климатических изменений до утраты биологического разнообразия – по своей природе требуют скоординированных международных действий. Поэтому ряд многосторонних экологических соглашений включил торговые ограничения: либо для предотвращения «эффекта безбилетника», либо в силу того, что сам экологический ущерб напрямую связан с трансграничными товарными потоками [116, p. 74]. Наиболее же острые споры провоцируют инициативы отдельных, наиболее амбициозных в экологическом отношении государств, которые стремятся с помощью торговых мер (например, ограничений на продукцию с высоким углеродным следом) влиять на производственные практики за пределами своей юрисдикции. Подобные односторонние действия воспринимаются развивающимися странами как проявление «эко-империализма», в то время как в развитых государствах их нередко легитимируют как инструмент ответственного потребления и глобального стимулирования «зелёных» стандартов [116, p. 74].

В результате, параллельная и зачастую конфликтная экспансия двух режимов привела к глубокому противостоянию в подходах. С одной стороны, сторонники торговой либерализации стремятся поставить жесткие правовые пределы использованию экологических норм в качестве завуалированных протекционистских инструментов. С другой – экологические активисты и защитники прав потребителей видят в торговых соглашениях и решениях ВТО потенциальное препятствие для принятия необходимых, с их точки зрения, жестких регуляторных мер. Центральное место в этих дебатах занимает существенный для торгового сообщества правовой риск – возрастание числа случаев так называемого «эко-протекционизма», то есть систематического использования экологических аргументов в качестве обоснования для принятия дискриминационных торговых мер» [116, pp. 74-76].

К концу XX века сложилась устойчивая конфликтная архитектура: режимы ВТО и климатического регулирования оказались в состоянии постоянного противостояния. Причина этого дуализма – исходная институциональная разобщённость. Международное право так и не выработало единой надстройки, которая бы согласовывала эти две сферы.

Прямым следствием этого структурного дефекта выступает нормативная неопределённость («серая зона»), которая непосредственно вытекает из отсутствия в праве ВТО специального акта, целенаправленно регулирующего климатические меры. Когда возникает необходимость правовой квалификации

таких инструментов, как механизм углеродной корректировки на границе, перед юристом встаёт сложный выбор. Является ли данная мера внутренним налогом в смысле статьи III:2 ГАТТ? Допустимо ли рассматривать ее как пограничную налоговую корректировку? Или же она попадает под определение количественного ограничения? Кроме того, если климат трактовать как глобальный ресурс, то будет ли конструкция МУКГ соответствовать критерию «связи с сохранением ресурсов»? На все эти вопросы тексты соглашений ВТО не дают однозначных ответов. В итоге образуется пространство для споров, в котором политические и экономические доводы нередко преобладают над строгой юридической догматикой.

Указанное системное противостояние и порождаемая им правовая неопределённость приводят к следующему практическому выводу. Возможность ослабить данный конфликт прямо связана с тем, насколько институционально легитимными признаются климатические меры. Государства и бизнес-сообщество охотнее принимают ограничения, опирающиеся на многосторонний консенсус, чем на односторонние национальные решения. Причина в самой логике торгового права: меры, согласованные в рамках международных климатических договоров, в большей мере отвечают базовой задаче ВТО – обеспечивать предсказуемость и стабильность торговых отношений. Напротив, при отсутствии такого консенсуса любые односторонние торговые ограничения с климатическим обоснованием остаются в правовой «серой зоне», провоцируют наиболее острые споры и усиливают взаимное недоверие между участниками системы.

Современные регуляторные вызовы — в частности, внедрение механизма углеродной пограничной корректировки — с особой отчётливостью обнажают правовые коллизии, порождённые этим историческим расколом. Поэтому путь к правовой гармонизации лежит не через упразднение одного из двух режимов, а через целенаправленную разработку специализированного правового инструментария и создание стыковочных процедур и институтов. Такие институциональные решения должны обеспечить предсказуемость, легитимность и правовую определённость экологических мер в системе международной торговли. Дальнейшее развитие устойчивого развития зависит от того, сможет ли международное сообщество преодолеть противопоставление «торговля против экологии» и перейти к новому типу правовых норм, которые не просто констатируют, но и нормативно оформляют глубинную системную взаимосвязь этих двух сфер в условиях глобализации.

1.3 Многосторонние экологические соглашения как источники правовых ограничений в международной торговле

Международное экологическое право формировалось постепенно, а не создавалось как единый кодифицированный акт. В настоящее время действует более 200 многосторонних экологических договоров, находящихся в состоянии непрерывного обновления и взаимодействия друг с другом. Эти договоры

отражают эволюцию глобальных экологических проблем – от защиты отдельных видов до трансграничного загрязнения и изменения климата [1, pp. 6-7]. Этот нормативный массив воздействует на международную торговлю по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, МЭС, даже не содержащие явных торговых положений, формируют экологическую политику государств, что косвенно влияет на торговые потоки [4, p. 7]. Во-вторых, лишь часть соглашений сознательно использует торговые механизмы для достижения природоохранных целей – там, где требуется эффективное решение трансграничных и глобальных экологических проблем [120]. Именно эти соглашения, формирующие узкоспециализированную зону соприкосновения экономического оборота и экологической безопасности, представляют наибольший интерес для анализа. Отбор МЭС для анализа проводился по трём признакам: наличие юридически обязательного характера, присутствие мер, прямо влияющих на трансграничные товаропотоки, а также доказанная эффективность либо роль в становлении нового правового подхода.

В таблице 1 систематизированы ключевые МЭС, отвечающие данным критериям. Они представляют собой не просто исторические прецеденты, а прецедентный арсенал правовых конструкций. Анализ выстроен в порядке усложнения правового воздействия на торговлю. Начало – прямые императивные запреты (СИТЕС). Далее следуют процедурные механизмы, позволяющие поэтапно вводить ограничения (озоновый режим). Затем – процедурные барьеры, переводящие спор в процессуальную плоскость (Базельская, Картахенская). За ними – создание методической основы для ограничений, связанных с процессом производства. И, наконец, комплексные режимы, демонстрирующие эффект умножения нормативных коллизий (КБР). Такая логика позволяет проследить эволюцию не просто норм, а типов правового вмешательства в торговлю, которые затем реципируются современными экологическими ограничениями.

Таблица 1 – Основные многосторонние экологические соглашения и их правовые параметры

№	Название документа	Краткое описание	Правовой статус и значение
1	2	3	4
1	Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (3 марта 1973 г.) [48]	Устанавливает систему контроля за трансграничным перемещением образцов охраняемых видов через три приложения, дифференцирующие степень регулирования в зависимости от угрозы исчезновения. Регулирует экспорт, импорт, реэкспорт и интродукцию из моря	Юридически обязывающее соглашение (более 180 стран). Создало прецедент использования разрешительной системы и торговых ограничений для природоохранных целей. Ни один защищенный вид не вымер из-за торговли с момента вступления Конвенции в силу
2	Венская конвенция об охране озонового слоя (22 марта 1985 г.) [49]	Рамочное соглашение, закрепившее общие принципы международного сотрудничества, обязательства по научным исследованиям, мониторингу и обмену информацией. Не содержит конкретных мер по сокращению выбросов.	Юридически обязывающая рамочная конвенция. Сформировала институциональный и правовой фундамент для последующих протоколов. Универсальная ратификация (197 стран).

Продолжение таблицы 1.

1	2	3	4
3	Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (16 сентября 1987 г.) [50]	Конкретизирует обязательства Венской конвенции, устанавливая юридически обязательные графики поэтапного сокращения производства и потребления ОРВ. Содержит инновационные механизмы: дифференцированные обязательства для развивающихся стран, Многосторонний фонд, процедуры обеспечения соблюдения и торговые санкции в отношении неучаствующих сторон.	Юридически обязывающий протокол. Признан одним из самых успешных международных экологических договоров в истории. Продемонстрировал эффективность комбинации научного обоснования, гибких механизмов и торговых мер. Универсальная ратификация (197 стран).
4	Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (22 марта 1989 г.) [51]	Регулирует трансграничное перемещение опасных отходов на основе ключевого принципа предварительного обоснованного согласия страны-импортера. Стимулирует минимизацию образования отходов и экологически безопасное удаление на месте.	Юридически обязывающая конвенция. Направлена на защиту развивающихся стран от «экспорта загрязнения». «Базельский запрет» (поправка) полностью запрещает экспорт опасных отходов из стран ОЭСР в развивающиеся страны. 190 стран-участниц.
5	Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (3–14 июня 1992 г.) [52]	Провозглашает 27 принципов устойчивого развития, включая принцип предосторожности, принцип «загрязнитель платит», принцип общей, но дифференцированной ответственности и право на развитие.	Документ обладает политической силой без юридических обязательств, задавая концептуальные рамки глобальной экологической политики и нормативную основу для соответствующих положений.
6	Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) (9 мая 1992 г.) [53]	Конвенция стабилизирует парниковые газы, закрепляет общую, но дифференцированную ответственность и формирует институциональные механизмы для выработки и пересмотра обязательств сторон.	Конвенция не устанавливает количественных ограничений на выбросы парниковых газов – соответствующие обязательства фиксируются в дополнительных протоколах к ней. Участие в Конвенции носит универсальный характер: к настоящему времени её ратифицировали 197 государств.
7	Киотский протокол к РКИК ООН (1997 г.) [54]	Протокол установил для развитых стран и государств с переходной экономикой юридически обязательные количественные цели по сокращению выбросов парниковых газов. Введены международные рыночные механизмы: торговля квотами, механизмы чистого развития и проекты совместного осуществления.	Юридически обязывающий протокол. Создал прецедент глобального углеродного рынка и стимулировал развитие рыночных подходов к снижению выбросов. Его механизмы оказали значительное влияние на международную торговлю и инвестиционные потоки.
8	Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (29 января 2000 г.) [55]	Протокол устанавливает порядок трансграничного перемещения, транзита, переработки и применения живых изменённых организмов, базируясь на принципе предосторожности и требовании предварительного обоснованного согласия для первого импорта.	Юридически обязывающий протокол. Устанавливает комплексный международный режим биобезопасности. Затрагивает торговлю сельскохозяйственной продукцией и биотехнологиями, стремясь найти баланс между охраной окружающей среды и развитием торговли.
Примечание: составлено автором исследования			

Систематизированные в таблице 1 соглашения отражают эволюцию правовых форм воздействия на международную торговлю – от прямых запретов к процедурным механизмам и рыночным инструментам. Последующий анализ последовательно раскрывает правовую структуру каждой из этих моделей.

Начнем с СИТЕС. Конвенция СИТЕС вводит разрешительный порядок, который фактически означает, что любая операция с видами из приложений считается запрещённой, пока не получено специальное разрешение. В отличие от обычного режима свободной торговли (где товары перемещаются без предварительного разрешения), Конвенция выводит все виды, включённые в приложения, из свободного оборота [48]. Экспортер или импортер обязаны доказать правомерность каждой операции, получив разрешения от компетентных органов (ст. III, IV, V) [48]. Для видов Приложения I действует механизм «двойного ключа» – разрешения требуются и от страны-экспортера, и от страны-импортера (ст. III.2-3) [48]. Из описанной конструкции вытекает кардинальное изменение правового режима торговли. Экологическая должная осмотрительность, которая прежде могла оставаться добровольной практикой, в рамках Конвенции превращается в императивное условие доступа на рынок. Исследователи обращают внимание на двойственную роль национальных властей: они выступают одновременно как суверенные регуляторы и как агенты международного сообщества [121, с. 2]. Как следствие, возникает вертикальная фрагментация – разрешительные требования существенно разнятся от страны к стране, что создает для участников торговли зону неопределённости. Дополнительным элементом ограничительного режима служат санкционные механизмы, в том числе торговые эмбарго в отношении государств, систематически нарушающих установленные правила [122].

Перечисленные особенности, по нашему мнению, дают основание рассматривать СИТЕС как прецедентный пример самоисполняющегося экологического режима. Имеется в виду, что международное обязательство автоматически порождает на национальном уровне разрешительные системы, обязательные для частных субъектов. Эта модель, основанная на разрешительном порядке с презумпцией запрета, сегодня воспроизводится и в более новых экологических ограничениях – в частности, в Регламенте ЕС о продукции, свободной от обезлесения. Таким образом, Конвенция СИТЕС выполняет не только регулятивную функцию в отношении оборота редких видов. Как представляется, она также формирует принципиально иную правовую парадигму, в рамках которой экологическая должная осмотрительность превращается в императивное условие ведения коммерческой деятельности, а бремя доказывания правомерности и устойчивости использования биоресурсов перекладывается на самих участников рынка. Опыт применения Конвенции со всей очевидностью демонстрирует, что экономические и природоохранные интересы можно гармонизировать с помощью жёстких, но одновременно адаптивных рыночно-ориентированных механизмов. Вместе с тем, при всей эффективности данной модели применительно к конкретным товаропотокам, она оказалась непригодной для решения глобальных экологических проблем – таких,

как истощение озонового слоя или изменение климата. В этих случаях на первый план выходили не столько немедленные запреты, сколько институциональные механизмы, способные адаптироваться к меняющимся научным данным и обеспечивать коллективные действия без ущемления государственного суверенитета.

2. Венская конвенция 1985 года избрала другую стратегию: она не содержит ни запретов, ни разрешительных процедур в отношении торговли. Вместо этого Конвенция формирует институциональный механизм, предназначенный для последующего введения торговых ограничений. Статья 2 возлагает на стороны обязательство принимать «надлежащие меры» на основе «соответствующих научно-технических соображений» [49], но не определяет содержания этих мер. Юридически значимым здесь является не сам запрет, а процесс его выработки.

Центральную роль играет Конференция Сторон (COP). Она наделена полномочиями принимать дополнительные протоколы и поправки (ст. 6, 8, 9) [49]. COP превращается в постоянно действующий орган, который на основе обновляемых научных оценок разрабатывает конкретные обязывающие меры [123]. Юридически данная конструкция означает передачу государствами части нормотворческого суверенитета международному институту. В отличие от классического договорного порядка, при котором каждое изменение требует отдельной ратификации, Венская конвенция допускает ужесточение регулирования без нового согласования на высшем политическом уровне. Из этого вытекают два последствия. Во-первых, правила доступа на рынки могут корректироваться в обход длительных ратификационных процедур. Во-вторых, сам процесс изменений сохраняет институциональную предсказуемость, что снижает уровень правовой неопределённости. Таким образом, Венская конвенция создала прецедент легитимации торговых ограничений через процедурный механизм. В отличие от СИТЕС, она предложила институциональную платформу, допускающую поэтапное ужесточение норм. Такая модель оказывается наиболее пригодной в сферах, где научное понимание рисков складывается постепенно. Именно поэтому впоследствии она была воспроизведена в рамках климатического режима. При этом сохраняется ключевое отличие от прямых торговых санкций: в данной модели торговые ограничения являются производными от институционального процесса и не выступают первичным элементом самого договора.

3. Монреальский протокол 1987 года служит убедительным подтверждением эффективности указанной модели. Благодаря институциональной платформе, созданной Венской конвенцией, он был принят в рекордно короткие для международного права сроки. Протокол трансформировал процессуальную структуру рамочной Конвенции в систему конкретных торговых ограничений, снабжённую принудительным механизмом. Он предусматривает три типа ограничений, каждый из которых выполняет собственную функцию: запрет операций с озоноразрушающими веществами с государствами-неучастниками (статья 4), поэтапный запрет импорта и экспорта

продукции, содержащей такие вещества (статья 4A), а также обязательную маркировку (статья 4B) [50]. Юридическая конструкция этих трёх мер предопределяет их двойственное воздействие на международную торговлю. Запрет торговли с неучастниками создаёт режим экологического эмбарго, стимулируя государства к присоединению. Поэтапные же запреты обязывают участников рынка отслеживать не только действующие ограничения, но и динамику их последовательного ужесточения.

Адаптивность режима обеспечивает механизм регулярных научных оценок, позволяющий Конференции Сторон вносить ужесточающие поправки. Эффективность избранной правовой стратегии подтверждается эмпирическими данными. Производство ОРВ сократилось с 1,2 млн тонн (1986) до 23 тыс. тонн (2016) [124]; начавшееся восстановление озонового слоя напрямую связывают с исполнением Протокола [125]; предотвращены миллионы случаев заболеваний раком кожи [126]; отказ от ОРВ, являющихся мощными парниковыми газами, оказал большее влияние на смягчение климата, чем первоначальные обязательства по Киотскому протоколу [127]. Конкретным проявлением работы этого механизма служат поправки к Протоколу. Так, поправки, принятые в Лондоне (1990 г.), Копенгагене (1992 г.) и в последующие годы, расширили перечень регулируемых веществ почти до ста позиций [128]. Кигалийская поправка 2016 года подтверждает, что дальнейшая эволюция режима происходит в рамках заранее предусмотренных институциональных механизмов [129].

Значение Монреальского протокола не ограничивается его экологической эффективностью. С юридической точки зрения, он создает два важных прецедента. Во-первых, это легитимация торговых санкций против неучастников – конструкции, которая впоследствии активно обсуждается в контексте односторонних климатических мер (например, механизмов углеродной пограничной корректировки). Кроме того, Монреальский протокол показывает: жёсткие торговые меры, встроенные в относительно справедливую (Многосторонний фонд, статья 10) и адаптивную институциональную конструкцию, способны служить не только действенным средством глобальной экологической политики, но и прообразом для создания новых режимов. Таким образом, Протокол можно считать образцовой моделью включения торговых ограничений в международное экологическое право – моделью, в которой сочетаются императивные запреты, экстерриториальное действие и институциональная гибкость.

4. В области обращения с опасными отходами ситуация иная. В отличие от защиты озонового слоя, где прямые торговые санкции доказали свою эффективность, здесь полный запрет трансграничного перемещения отходов, на котором настаивали развивающиеся страны, оказался для промышленно развитых государств политически неприемлемым. Решением, найденным в Базельской конвенции 1989 года, стала не замена одного запрета другим, а создание нового типа правового ограничения – процедуры предварительного обоснованного согласия (ППОС). В отличие от прямого запрета, Конвенция устанавливает, что трансграничное перемещение опасных отходов возможно

только после письменного согласия государства-импортера, которое вправе отказать без объяснения причин (ст. 6) [51]. Тем самым опасные отходы выводятся из статуса обычного товара и превращаются в объект, подлежащий специальному разрешительному режиму [130]. Режим ППОС находит свое нормативное выражение в трех взаимосвязанных принципах. В совокупности они образуют логически завершённую цепочку ответственности, существенно перераспределяющую права и обязанности участников торговых отношений.

Первый принцип закреплен в статье 4.1 Конвенции – суверенное право государства на запрет ввоза отходов. Тем самым статус отходов меняется: импортёр получает возможность абсолютного вето. Второй принцип (статья 6) – это механизм самого ППОС. Он превращает право на запрет в обязательную процедуру, в которую вовлекаются государство-экспортёр и транзитные страны. Третий принцип (статьи 2.8, 4.8, 4.10) – экологически обоснованное управление отходами. Он запрещает перекладывать на импортирующую сторону ответственность за безопасное удаление отходов [51]. Для участников внешнеэкономической деятельности из такой конструкции вытекают конкретные юридические последствия. Экспортер не может опираться ни на принцип свободы договора, ни на общие правила торговли. Его обязанности включают заблаговременное уведомление всех заинтересованных государств, предоставление полной информации о характере отходов и маршруте перевозки. И только после получения письменного согласия отгрузка становится возможной [131]. Молчание импортера не приравнивается к согласию. В итоге возникает процедурный барьер, который на практике может означать запрет – если импортер откажет, даже не обосновывая своего решения.

Суть возможного спора о допустимости торговли опасными отходами смещается из содержательной плоскости в процессуальную. Вопрос теперь не в том, следует ли вообще запрещать такую торговлю, а в том, была ли соблюдена процедура ППОС. Данная модель впоследствии послужила концептуальным прообразом для современных «зеленых» торговых инструментов, например, для механизмов пограничной углеродной корректировки [132]. И в том, и в другом случае спор о правомерности меры переносится из плоскости ее целей в плоскость соответствия процедуре (методика расчета углеродного следа, порядок верификации). Позднее принятая «Поправка о запрете» лишь подтвердила траекторию, изначально заложенную в Конвенции: движение от регулирования к полному запрету [133]. Вместе с тем, как представляется, успех процедурной легитимации в сфере обращения с отходами не означал универсальности данной модели. Перед международным сообществом встала новая, более масштабная задача – изменение климата.

5. Принципиально иной подход потребовался для формирования климатического режима. В отличие от Базельской конвенции, где содержательные споры переводились в процессуальную плоскость, проблема изменения климата потребовала не просто процедурного согласования отдельных трансграничных перемещений, но и создания методической основы для измерения экологического воздействия, связанного с самим процессом

производства товаров. Именно в этой среде сформировался новый тип источников торговых ограничений – основанных не на физических свойствах продукта, а на углеродоемкости его производства.

Научная легитимация стала первым и необходимым условием формирования такого подхода. Научный консенсус, сложившийся к началу 1990-х годов вокруг антропогенной природы изменения климата, стал катализатором беспрецедентного международно-правового ответа [134]. Первый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата (1990 г.) предоставил авторитетную научную основу, объяснив вероятное повышение глобальной средней температуры и связанные с этим риски [135]. Этот консенсус вывел экологическую проблематику на новый политический уровень, кульминацией чего стала Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.), собравшая представителей 108 стран для выработки комплексных мер [136].

Политический консенсус, достигнутый в Рио, получил свое нормативное оформление в Декларации. Хотя она не является юридически обязывающей, Декларация сформировала нормативный арсенал для легитимации будущих торговых ограничений. Три принципа имеют ключевое значение: принцип предосторожности (принцип 15) обосновал допустимость проактивных торговых мер даже при отсутствии полной научной доказанности вреда; принцип «загрязнитель платит» (принцип 16) заложил основание для переложения экологических издержек на производителя; принцип общей, но дифференцированной ответственности (принцип 7) создал этическую основу для асимметричных требований к государствам [52], [56]. Указанные принципы, имея политически обязательный характер, впоследствии были включены в юридически обязывающие соглашения, где стали выполнять функцию нормативного легитимирующего источника. Непосредственным правовым воплощением этих принципов выступила Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН). РКИК ООН реализовала принцип общей, но дифференцированной ответственности через категоризацию сторон на три группы: страны Приложения I (развитые государства с количественными обязательствами), страны Приложения II (развитые государства, предоставляющие финансовую и технологическую помощь) и развивающиеся страны, не имеющие количественных обязательств [137]. Если Венская конвенция различала страны лишь по срокам введения запретов, то РКИК ООН закрепила неравенство самих обязательств – и это неравенство действует на постоянной основе. Вследствие этого сам дифференцированный режим стал источником потенциальных торговых конфликтов: меры, принимаемые странами Приложения I во исполнение своих обязательств, неизбежно влияют на конкурентоспособность импорта из государств, не связанных такими обязательствами. Следуя институциональной модели, впервые примененной в Венской конвенции, РКИК ООН учредила Конференцию Сторон (статья 7) как постоянно действующий нормотворческий орган, компетентный принимать новые протоколы [138].

6. Киотский протокол отличается от рассмотренных соглашений. Он не вводит прямых торговых ограничений, однако его вклад в формирование экологических ограничений носит методический и правовой характер. Протокол создал предпосылки для последующего появления односторонних торговых мер, в частности механизмов пограничной углеродной корректировки. Эти предпосылки включают три взаимосвязанных элемента.

Первый элемент – правовой мандат. Статья 2.3 Протокола прямо устанавливает связь между климатической политикой и международной торговлей. Стороны обязуются «стремиться… свести к минимуму» неблагоприятные последствия своих мер для торговли [53]. Сама по себе эта норма не создаёт многостороннего инструмента, однако она легитимирует проблему «утечки углерода» как предмет заботы сторон, тем самым допуская односторонние действия.

Второй элемент – методический аппарат. Протокол вводит рыночные механизмы гибкости: торговлю квотами (статья 17), Механизм чистого развития (статья 12), Совместное осуществление (статья 6). Кроме того, он устанавливает детальные требования к национальным системам учёта выбросов (статья 5.1) [53]. В результате институционализируется экономическая стоимость углерода, и она становится сопоставимой в международном масштабе. Тем самым создаётся база для расчёта «углеродного следа» товаров – параметра, без которого любые пограничные корректировки были бы невозможны.

Третий элемент – отсутствие встроенных многосторонних инструментов. Охват Протокола был ограничен: к 2012 году под его действие попадало лишь около 18% мировых выбросов [139]. Кроме того, существовал феномен «горячего воздуха» – избыточные квоты, образовавшиеся из-за экономического спада после распада СССР [140]. Эти обстоятельства создают объективные предпосылки для «утечки углерода». Европейский Союз, осознав эту угрозу, во втором периоде обязательств наложил политический запрет на покупку таких квот [141]. Тем самым было продемонстрировано: рыночные механизмы без жёсткого регулирования не способны решить проблему защиты конкурентоспособности.

В отличие от Монреальского протокола, Киотский протокол сознательно не включил прямых торговых санкций для выравнивания конкурентных дисбалансов [142]. Вместо этого он создал ситуацию, при которой амбициозная климатическая политика в одних юрисдикциях ведёт к переносу производств в другие, стимулируя тем самым развитие односторонних мер. Уже в середине 2000-х годов бизнес в странах Приложения I начал лоббировать введение пограничных корректировок. Эксперты, включая профессора Стиглица, открыто выступали за налогообложение импорта из стран, не имеющих обязательств [143].

Сочетание правового мандата, методического аппарата и отсутствия встроенных многосторонних механизмов порождает особый феномен – легитимацию торговых ограничений через методологическую проработку. Такой подход не сводится ни к прямым запретам, ни к процедурным барьерам. Киотский протокол заложил конкретную правовую и методологическую основу

для парадигмы, в которой экологическая и торговая политика оказались нераздельными элементами глобального управления. Опыт Протокола показывает: споры о легитимности односторонних климатических мер будут вращаться не столько вокруг абстрактного права на защиту окружающей среды, сколько вокруг соответствия технического дизайна меры критериям недискриминации, научной обоснованности и предотвращения скрытого протекционизма. Подводя итог, можно сказать, что климатический режим – от Рио-де-Жанейрской декларации через РКИК ООН к Киотскому протоколу – сформировал новый тип источника правовых ограничений. Он отличается как от прямых запретов СИТЕС, так и от процедурных барьеров Базельской конвенции. Суть этого типа не в установлении запретов и не в создании процедур согласования, а в предоставлении методического инструментария, позволяющего государствам в одностороннем порядке переводить экологические издержки в торговые ограничения.

7. Принципиально иная логика заложена в Конвенции о биологическом разнообразии (КБР) 1992 года. Если климатический режим сфокусировался на измерении «невидимых» экологических активов (углеродных единиц), то КБР поставила в центр регулирования природный капитал как таковой – с акцентом не столько на его охрану, сколько на перераспределение прав доступа и выгод от его использования.

Принятие Конвенции стало ответом на два обстоятельства. Во-первых, тревожные темпы утраты биоразнообразия, понимаемого как «изменчивость живых организмов» [144]. Во-вторых, растущий конфликт между промышленно развитыми странами – потребителями генетических ресурсов – и развивающимися государствами – их поставщиками [145]. В отличие от ранее рассмотренных соглашений, КБР не создаёт единого типа торгового ограничения. Вместо этого она формирует систему из трёх взаимосвязанных правовых механизмов, действующих одновременно и в совокупности. Это порождает принципиально новый феномен – мультипликацию коллизий на всех уровнях системной фрагментации.

Первый механизм – статья 15 Конвенции о биологическом разнообразии провозглашает суверенитет государств над их генетическими ресурсами. Любой доступ к этим ресурсам требует получения предварительного обоснованного согласия [145]. Юридическое значение этой нормы состоит в радикальной трансформации правового статуса биоресурсов: из режима «свободного достояния», который предполагал их свободное использование в коммерческих целях, они переходят в режим регулируемых договорных отношений, где страна-поставщик получает легальные рычаги контроля. Для участников международной торговли это означает, что экспорт товаров, произведённых с использованием генетических ресурсов (фармацевтическая, косметическая, сельскохозяйственная продукция), требует не только соблюдения таможенных процедур, но и заключения двусторонних соглашений о разделении выгод с государством происхождения ресурса.

Второй механизм – обязательства по передаче технологий. Статьи 16 и 19 КБР создают императив, согласно которому развитые страны обязаны обеспечивать доступ развивающихся стран к технологиям, связанным с сохранением и использованием биоразнообразия, на льготных и преференциальных условиях [145]. Эта норма вступает в прямую коллизию с режимом строгой защиты интеллектуальной собственности, закреплённым в Соглашении ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [45]. Статья 16(5) КБР прямо признаёт эту проблему, призывая к «совместимости» двух режимов, но не предлагая механизма её разрешения. Для участников торговли это создаёт ситуацию нормативной неопределённости: патент на биотехнологический продукт, признаваемый в рамках ТРИПС, может быть оспорен на основании того, что доступ к генетическому ресурсу не сопровождался передачей технологий в соответствии с требованиями КБР.

Третий механизм – превентивное регулирование ГМО, операционализированное в Картахенском протоколе (2000 г.). Этот протокол, развивая принцип предосторожности и процедурную логику PIC, вводит специальный режим для живых изменённых организмов, требующий предварительного согласия импортёра даже при отсутствии полных научных доказательств вреда [146].

Эти три типа ограничений действуют не изолированно, а кумулятивно. Для одного и того же товара – например, генетически модифицированных семян сои – могут одновременно требоваться: (1) ППОС по Картахенскому протоколу от страны-импортёра; (2) соглашение о разделении выгод со страной происхождения генетического ресурса, использованного для создания семян; (3) соблюдение национальных режимов доступа, которые существенно различаются по странам. В результате возникает явление, которое можно назвать мультипликацией коллизий. Оно охватывает все три уровня системной фрагментации одновременно.

На горизонтальном уровне складывается конкуренция между КБР и режимом ВТО, а также между КБР и Соглашением ТРИПС. На вертикальном уровне дают о себе знать различия в национальных подходах к имплементации механизма доступа и распределения выгод. Для экспортёров это оборачивается мозаикой разнородных требований, которые трудно привести к общему знаменателю. На инструментальном уровне возникает противостояние двух принципов: с одной стороны, принцип предосторожности, легитимирующий ограничения даже при наличии научной неопределённости; с другой стороны, принцип научной обоснованности, которого требует Соглашение ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам.

Опыт КБР, как представляется, свидетельствует о том, что наложение нескольких правовых режимов на одну сферу товарооборота ведет к экспоненциальному росту дефиниционной неопределённости. Представим ситуацию, где одна и та же торговая операция подпадает одновременно под действие трех автономных систем – КБР, ТРИПС и СФС. У каждой из них свои критерии легитимности и свои процедуры разрешения споров. В этих условиях

участник внешнеэкономической деятельности оказывается не в состоянии предсказать, какое из требований в конечном счёте будет признано приоритетным. Данный феномен – мультипликация коллизий – служит своего рода предупреждением. Он указывает на те проблемы, с которыми неизбежно столкнутся новые комплексные экологические ограничения. В первую очередь это Регламент ЕС о продукции, свободной от обезлесения, а также механизмы углеродного пограничного регулирования. Оба инструмента также находятся на пересечении нескольких правовых режимов, и опыт КБР позволяет прогнозировать аналогичные сложности.

Следовательно, КБР предлагает не просто корректировку действующих торговых норм, а качественно иной подход к регулированию. Она трансформирует политический конфликт «Север-Юг» в систему императивных юридических процедур (ППОС, доступ к технологиям, распределение выгод), создавая прецедент перераспределения в глобальной биоэкономике. Одновременно она институционализирует нормативное соперничество с режимом ВТО, последовательно расширяя область допустимых экологических изъятий из правил свободной торговли. Наконец, выступая в качестве прецедента специального правового режима, КБР демонстрирует способность автономных экологических режимов фактически устанавливать новые обязательные стандарты для целых отраслей международной торговли.

8. Картахенский протокол по биобезопасности (2000 г.) ознаменовал переход от общих декларативных принципов к работающему правовому механизму. Этот механизм позволяет государствам вводить торговые ограничения, ссылаясь на отсутствие полной научной определённости. Протокол опирается на институциональную основу, созданную КБР для регулирования доступа к генетическим ресурсам. Он был принят как реакция на быстрое развитие рынка генетически модифицированных организмов (ГМО) и на растущую в мире обеспокоенность возможными последствиями их использования для биологического разнообразия и здоровья человека [147].

В своей правовой конструкции Картахенский протокол синтезирует два источника: принцип предосторожности, закреплённый в Рио-де-Жанейрской декларации, и процедурную логику предварительного обоснованного согласия, впервые реализованную в Базельской конвенции. Протокол не ограничивается простым заимствованием названных элементов. Принцип предосторожности получает в нём статус самостоятельного правового основания для введения торговых ограничений. Тем самым расширяется сфера допустимого государственного вмешательства в международную торговлю. Статьи 10.6 и 11.8 Протокола закрепляют: государство-импортёр может запретить или ограничить ввоз живых изменённых организмов даже при отсутствии исчерпывающих научных доказательств вреда. Достаточным основанием служат обоснованные опасения риска для биоразнообразия или здоровья человека [54]. Из этой нормы следует принципиальное расхождение с подходами, заложенными в соглашениях ВТО. Соглашение по санитарным и фитосанитарным мерам требует, чтобы ограничения опирались на достаточные научные данные и сопровождались

оценкой риска (статьи 2.2 и 5.1). Картахенский протокол же допускает ограничения, основанные на научной неопределённости. Так возникает системное противоречие между превентивной логикой экологического права и доказательственной логикой торгового права.

Указанное противоречие воплощается в правовой структуре Протокола – системе дифференцированных процедур, которые ставят доступ товаров на рынок в зависимость от оценки потенциального вреда. Основные инструменты этой системы включают:

1. Обязательную процедуру предварительного обоснованного согласия для живых модифицированных организмов (ЖМО), преднамеренно вводимых в окружающую среду (статьи 7-10). Эта процедура создает разрешительный барьер: экспортер обязан предоставить полную информацию, импортер – провести научную оценку риска и принять суверенное решение. При этом молчание импортера не приравнивается к согласию.

– Упрощенный режим уведомления для ЖМО, используемых в качестве продовольствия, корма или для переработки (статья 11). Применительно к основным товарам (соя, кукуруза) этот режим заменяет предварительное разрешение обязательной публикацией решения через Центр обмена информацией по биобезопасности. Это обеспечивает прозрачность и дает другим странам участникам правовое основание для введения собственных ограничений. Требования к документации и идентификации (статья 18), которые превращают отслеживаемость ЖМО в постоянное административное условие для трансграничного перемещения [54].

Юридическое значение этих инструментов состоит в том, что они переводят спор о легитимности торговых ограничений из содержательной плоскости («вредны ли ГМО?») в процессуальную плоскость («соблюдена ли процедура ППОС?»). Эта стратегия процедурной легитимации, впервые апробированная в Базельской конвенции, получает в Картахенском протоколе своё наиболее полное развитие. Импортер, отказывая в согласии, не обязан доказывать наличие вреда; ему достаточно сослаться на недостаточность научных данных. Для экспортера это означает невозможность предсказать результат процедуры, поскольку решение принимается на основе не объективных критериев, а суверенной оценки риска импортирующим государством [148]. Практическая реализация описанного механизма подтверждается анализом разрешения споров [149]. В деле «ЕС – Биотехнологическая продукция» запреты ЕС на импорт ГМО были оспорены именно за несоответствие требованиям научной обоснованности по СФС [150]. Спор продемонстрировал, что один и тот же набор фактических обстоятельств может быть квалифицирован как законная мера предосторожности в рамках Картахенского протокола и как необоснованный торговый барьер в рамках ВТО. Нечеткость преамбулы Протокола (одновременное указание на взаимную поддержку и неизменность прав сторон) не разрешает противоречие между нормативными режимами, а лишь порождает конкуренцию юрисдикций.

Картахенский протокол устанавливает особый правовой режим в отношении живых изменённых организмов, основанный на принципе предосторожности и закрепляющий превентивный подход. Государствам, прежде всего развивающимся, предоставляется формально зафиксированное право вводить торговые ограничения в условиях научной неопределённости. Однако данная нормативная автономия вступает в системное противоречие с правопорядком ВТО, чья юрисдикция и механизмы принуждения сохраняют доминирующее положение. Протокол не разрешил фундаментального расхождения между экологическим правом (опирающимся на принцип предосторожности) и торговым правом (требующим эмпирических доказательств). Он лишь институционализировал это расхождение как устойчивый элемент глобального регулирования, являющийся примером конкуренции правовых режимов.

Таким образом, анализ восьми основных многосторонних экологических соглашений дает основание выделить четыре универсальные правовые модели. Каждая из них по-своему изменяет международную торговлю под влиянием экологических требований. Первая модель – прямого императивного регулирования. Ее типичный представитель – СИТЕС. Суть модели: устанавливается презумпция запрета и разрешительный порядок для конкретных товаров (например, образцов исчезающих видов). Правовая конструкция опирается на самоисполняющийся характер режима: международное обязательство автоматически порождает национальные разрешительные системы, обязательные для частных лиц. Ключевой элемент – механизм «двойного ключа» для видов, включенных в Приложение I (требуются разрешения и от страны-экспортёра, и от страны-импортёра). Тем самым доступ на рынок становится условным, а бремя доказывания правомерности торговли перекладывается на участника внешнеэкономической деятельности.

Вторая модель – рамочной конвенции с протоколами. Ее воплощение – озоновый режим (Венская конвенция и Монреальский протокол). Отличие от первой модели в том, что торговые ограничения вводятся не единовременно, а эволюционно, по мере достижения научного консенсуса и с учетом дифференцированной ответственности государств. Центральный институциональный механизм – Конференция Сторон, уполномоченная принимать дополнительные протоколы и поправки. Благодаря этому рамочная конвенция превращается из статичного документа в гибкий инструмент, способный ужесточать режим по мере накопления научных знаний. Монреальский протокол впервые применил торговые санкции против государств-неучастников как центральный механизм принуждения, создав прецедент экстерриториального воздействия экологического регулирования.

Третья модель – превентивного регулирования на основе процедуры предварительного обоснованного согласия. Она реализована в Базельской и Картахенской конвенциях. В отличие от императивных запретов, эта модель создает процедурные барьеры. Содержательный спор («запрещать или нет?») переводится в процессуальную плоскость («соблюдена ли процедура ППОС?»).

Правовая конструкция держится на трех принципах: суверенное право на запрет, механизм ППОС, экологически обоснованное управление. Для участников торговли это означает следующее: экспортер не может полагаться на свободу договора или общие правила торговли; он обязан получить письменное согласие импортера, причем молчание последнего не приравнивается к согласию. Картахенский протокол добавил к этой конструкции принцип предосторожности: импортёр вправе отказать даже при отсутствии полных научных доказательств вреда, что создаёт прямую коллизию с требованием научной обоснованности, закрепленным в Соглашении ВТО по СФС.

Четвёртая модель – косвенное регулирование. Она не запрещает торговлю напрямую, но создаёт правовые и методические предпосылки для будущих ограничений. РКИК ООН ввела принцип общей, но дифференцированной ответственности, разделив страны на группы с разным объёмом обязательств. Это вызвало проблему «утечки углерода». Киотский протокол добавил три элемента: правовой мандат (статья 2.3 – признание торговых последствий), методический аппарат (учёт выбросов и рыночные механизмы) и институциональный пробел (отсутствие многосторонних защитных мер). Последнее подтолкнуло к односторонним действиям, в том числе к механизмам пограничной углеродной корректировки.

Каждая из этих моделей меняет исходные правовые презумпции международной торговли. СИТЕС вводит презумпцию запрета там, где обычно действует презумпция свободы торговли. Монреальский протокол легитимирует торговые санкции против неучастников, создавая экстерриториальный эффект. Базельская и Картахенская конвенции превращают молчание импортера в отказ, меняя стандартное правило (разрешение предполагается, если прямо не запрещено). Киотский протокол придает экономическую стоимость экологическому активу (углеродной единице), делая возможными торговые ограничения, основанные на процессе производства, а не на свойствах конечного продукта.

Рассмотренные восемь МЭС в совокупности изменяют институциональную среду, в которой осуществляется международная торговля. Регуляторная эффективность этих соглашений подтверждена эмпирически. Ни один вид, защищенный СИТЕС, не вымер из-за торговли. Озоновый слой восстанавливается благодаря Монреальскому протоколу. Экспорт опасных отходов в развивающиеся страны значительно сокращён Базельской конвенцией. Однако развитие этих режимов непрерывно обостряет системные противоречия с универсальными правилами международной торговли.

Значение рассмотренных многосторонних экологических соглашений для настоящего исследования определяется двумя взаимосвязанными аспектами. Первый аспект – наличие в этих соглашениях проверенных правовых механизмов, которые позволяют государствам вводить обоснованные торговые ограничения для достижения природоохранных целей. Второй аспект – внутренняя нормативная неопределённость, присущая каждому из таких механизмов. Конкретные проявления этой неопределённости различны:

размытость критериев включения видов в приложения СИТЕС, отсутствие унифицированных стандартов научной оценки риска в Картахенском протоколе, расхождения в национальных разрешительных процедурах в рамках КБР, а также отсутствие общепризнанной методики расчёта углеродного следа в Киотском протоколе.

Указанная неопределенность напрямую воспроизводится в современных экологических ограничениях, таких как Регламент ЕС о продукции, свободной от обезлесения, или механизмы пограничной углеродной корректировки. Эти инструменты наследуют правовые модели, выработанные в рамках МЭС, и сталкиваются с теми же концептуальными трудностями. К числу последних относятся: разграничение законной экологической меры и скрытого протекционизма; согласование процедурной автономии экологических режимов с принципом недискриминации; обеспечение предсказуемости правоприменения в условиях фрагментации нормативного массива.

Дальнейшая эволюция международного права в этой сфере будет определяться характером взаимодействия (а нередко и конкуренции) между экологическими режимами и либеральными нормами торговой системы. Для поступательного развития необходимо решить три ключевые задачи. Первая – выработка легитимных критериев оценки односторонних климатических мер, затрагивающих торговлю. Вторая – устранение противоречия между принципом предосторожности и требованием научной обоснованности ограничений. Третья – снижение фрагментации правоприменительной практики и усиление координации между различными МЭС.

2 ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВЕ ВТО: КОЛЛИЗИИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

2.1 Экологические исключения в праве ВТО: коллизии норм и пределы прецедентного толкования

Проблема охраны окружающей среды нашла свое выражение не только в договорной международной практике государств. В последнее время усиливается развитие институционного механизма сотрудничества в этой сфере, что обусловлено пристальным вниманием международного сообщества к повышению активности и расширению компетенции международных организаций [16, с. 75]. Этот процесс, как объясняет А.С. Тимошенко, закономерен, поскольку «Глобальные и региональные проблемы, с которыми сталкивается международное сообщество, могут быть успешно разрешены только при условии совместных действий подавляющего большинства причастных стран. Уже более века государства используют международные организации в качестве международно-правового инструмента осуществления таких совместных действий» [17, с. 116]. Однако следует признать, что межгосударственная деятельность в области окружающей среды остается сложным и многосторонним процессом [16, с. 19].

Ярким примером такой сложности, а также эволюции роли международных институтов, является Всемирная торговая организация. Учрежденная в 1995 году как правопреемник ГАТТ, она представляет собой не только переговорный форум, но и универсальную правовую систему. Эта система, основанная на «едином пакете обязательств» ключевых соглашений (ГАТТ 1994 [2], ГАТС [44] и ТРИПС [45], охватывает 166 государств, на долю которых приходится около 98% мировой торговли [151]. Этот почти всеобъемлющий охват, по сути, превратил ВТО в законодателя и арбитра для подавляющей части мировой торговли. Как отмечает Томас Коттиер, «именно в силу этого глобального охвата ВТО эволюционирует, превращаясь из инструмента либерализации в институт с конституционными функциями» [18, p. 2]. Этот конституционный переход ставит перед организацией фундаментальный вызов: может ли система, созданная для либерализации торговли, интегрировать внешние по отношению к ней императивы, такие как охрана окружающей среды, не потеряв своей эффективности и легитимности? Анализ ниже показывает, что ответ носит парадоксальный характер: экология интегрируется не через принятие новых правил странами-членами, а через прецедентное толкование существующих соглашений в рамках механизма разрешения споров, что и раскрывает глубокие системные противоречия.

Первым и ключевым проявлением этой эволюции стало изменение повестки организации. В условиях глобализации, когда цепочки создания стоимости стали трансграничными, а последствия экономической деятельности – экологически ощутимыми по всему миру, в фокус ВТО неизбежно попали

вопросы, лежащие на стыке торговли и охраны окружающей среды. Наиболее важные «экологизационные» изменения были закреплены уже в момент создания организации – в Марракешском соглашении об учреждении ВТО 1994 года [151]. Ключевым нововведением стала преамбула Соглашения о ВТО, которая модернизировала текст преамбулы ГАТТ. Прежняя версия ГАТТ говорила о «полном использовании ресурсов». Новая редакция ставит во главу угла «оптимальное использование ресурсов» для устойчивого развития и защиты окружающей среды с учётом разного уровня развития стран. Изначально этой формулировке не придавали серьезного правового значения, однако, как показывает анализ практики ВТО, она приобрела существенную юридическую роль, и стороны по спорам стали активно на нее ссылаться [10, p. 4].

Однако подлинное значение этой новации раскрывается лишь в контексте уникальной правоприменительной архитектуры ВТО. На основе предыдущей практики ГАТТ, ВТО восприняла содействие устойчивому развитию в качестве своей основной цели, а защиту и поддержание окружающей среды – в качестве одной из главных задач [152, с. 109]. Сама по себе декларация в преамбуле осталась бы политическим заявлением, если бы не была встроена в действенный механизм правоприменения. Таким образом, цель устойчивого развития обрела реальную силу именно благодаря существованию обязательного механизма разрешения споров ВТО.

Этот механизм, закрепленный в Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров, является тем инструментом, который придает нормам ВТО прямое действие и обеспечивает их авторитет, выступая «верховным гарантом» соблюдения правил [19, p. 217]. Уникальность и эффективность правопорядка ВТО обеспечивается не только его масштабом, но прежде всего наличием этого обязательного и самодостаточного механизма. Его исключительность в международном праве заключается в обязательной юрисдикции и автоматическом принятии решений, что предотвращает блокировку процесса ответчиком и придает всей системе ВТО беспрецедентную эффективность. Если использовать метафору, преамбула задала вектор движения, а механизм разрешения споров стал двигателем, обеспечивающим неуклонное следование этому вектору.

Для того чтобы экологическая повестка в рамках ВТО обрела предсказуемость и направленность, требуется нечто большее, чем декларации. Нужен правовой маршрут – материальные нормы, которые наполняют экологические цели юридически обязательным содержанием. Такую роль выполняют специальные положения соглашений ВТО, и в первую очередь статья XX ГАТТ. Она предусматривает исключения из общих правил: пункт (b) позволяет принимать меры для защиты жизни и здоровья людей, животных и растений; пункт (g) – для сохранения исчерпаемых природных ресурсов [2]. Именно эти нормы служат правовой опорой, на которой стороны строят свою аргументацию в спорах, а механизм разрешения споров придаёт этой аргументации обязательную силу.

Три элемента – нормативное закрепление цели (преамбула), процессуальное принуждение (механизм разрешения споров) и материальные исключения (статья XX) – работают как единая система. В рамках этой системы ряд соглашений ВТО прямо признает экологические цели. Так, СФС в статьях 2 и 5 включает «экологические и природные условия» в критерии оценки риска и предписывает учитывать «экосистемы» [47]. Тем самым классическое понятие фитосанитарного риска расширяется – оно охватывает ущерб биоразнообразию и природным комплексам.

В преамбуле и пункте 2.2 статьи 2 Соглашения по техническим барьерам в торговле (ТБТ) охрана окружающей среды прямо отнесена к числу законных целей технического регулирования, наряду с обеспечением безопасности и здоровья [27]. В свою очередь, статья 27.2 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) предоставляет государствам возможность не допускать коммерческого использования изобретения, если такое использование способно причинить существенный экологический ущерб [45]. Упомянутое положение заслуживает внимания, поскольку в нём экологический интерес преобладает над коммерческой монополией – ситуация, которая встречается в праве ВТО относительно редко.

Иной подход прослеживается в ряде других соглашений, где охрана окружающей среды рассматривается не как самостоятельная ценность, а как сопутствующее благо при защите иных объектов. Статья XIV(b) Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) разрешает государствам отступать от обязательств ради мер, необходимых для охраны жизни или здоровья людей, животных и растений [2]. Однако, в отличие от ГАТТ, ГАТС прямо не упоминает исчерпаемые природные ресурсы. Это создаёт пробел в нормативном регулировании экологических аспектов торговли услугами.

Отдельного анализа заслуживает Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ССКМ) [154]. Его подпункт 8.2(c) придавал экологическим субсидиям статус «неподлежащих обжалованию» (неконтролируемых). Тем не менее, данное положение изначально было временным и прекратило действие в 2000 году, впоследствии не продлевалось. [155]. В этом факте проявилась системная проблема: экологические требования, рассчитанные на долгосрочные инвестиции, оказались привязаны к краткосрочным политическим договорённостям. В настоящее время аналогичные субсидии могут подпадать под категорию «запрещенных», что вступает в противоречие с целями устойчивого развития, закреплёнными в преамбулах соглашений ВТО.

Анализ материального права ВТО позволяет сделать следующие выводы. Экологическая составляющая в рамках Организации носит фрагментарный и несистемный характер. Речь идет не о целостном режиме, а о совокупности разрозненных положений, которые отличаются по юридической силе и нередко имеют лишь факультативное значение. Из этого вытекают два обстоятельства. Во-первых, экологические нормы присутствуют, но рассредоточены по разным соглашениям без единой логики. Во-вторых, их юридическая сила и

обязательность существенно различаются. Пример с временной нормой ССКМ, отменённой по политическим причинам, показывает неустойчивость и обратимость экологических исключений, а сам характер их встраивания в право ВТО – через разрозненные, подчинённые положения – выдает отношение Организации к экологии не как к системному императиву, равнозначному торговой либерализации, а как к досадному препятствию, которое приходится терпеть лишь точечно, чтобы поддержать легитимность системы. Подобная разрозненность нормативных предписаний, дополненная системными лакунами (отсутствие в ГАТС исключения для природоресурсных мер, аналогичная неполнота в Соглашении ТБТ), порождает прямое процессуальное последствие. Неопределённость материально-правовых норм означает, что даже наиболее обоснованные экологические инициативы государства могут столкнуться с неустранимыми процедурными препятствиями в рамках права ВТО.

Именно в такой ситуации нормативного пробела Орган по разрешению споров (ОРС) вынужденно принимает на себя функции, близкие к правотворческим. Поскольку развёрнутые и кодифицированные правила отсутствуют, основное бремя согласования торговых и экологических интересов переносится на уровень прецедентного толкования. Это придаёт ОРС квазинормотворческие полномочия. Обязательная юрисдикция ОРС, редкость для международного права, превращает его в центральную инстанцию по разрешению одного из наиболее острых современных конфликтов — между принципами торговой либерализации и регуляторным суверенитетом государств в сфере охраны окружающей среды. Процедура запускается по иску государства – члена ВТО, оспаривающего торговую меру другого участника. Далее ОРС контролирует весь ход разбирательства: от формирования экспертных групп (панелей) до мониторинга исполнения вынесенных решений [19, p. 217]. Таким образом, ОРС не просто технический арбитр, а институт, вынужденный де-факто создавать недостающие правовые стандарты, заполняя неопределенность и сглаживая противоречия, заложенные в самой структуре «экологизированных» соглашений ВТО.

Значение ОРС определяется не столько формальным разрешением споров, сколько тем, как он оценивает конкретные национальные меры, принятые ради экологических целей. Каждое такое решение создаёт прецедент. А прецедент, в свою очередь, устанавливает баланс между разными правовыми ценностями и определяет границы допустимого в глобальной торговой системе. На ОРС лежит двойная нагрузка. Его решения по экологическим спорам могут как расширять, так и сужать пространство для национальной экологической политики. В этом – ключевая напряженность. В системе ВТО возникает парадокс. Экологическая повестка признаётся на уровне целей (преамбулы соглашений). Но на уровне конкретных правил она сталкивается с фрагментарными нормами и пробелами. В результате образуется нормативный вакуум. ВТО заполняет его не через переговоры (политический процесс), а через правосудие (судебный процесс). ОРС фактически выполняет функцию, для которой он не был предназначен – становится институтом, вынужденным восполнять отсутствие ясных

экологических норм. Это и есть главное противоречие в процессе экологизации ВТО.

Осуществляя эту прецедентную политику, ОРС опирается на существующий правовой фундамент ВТО. Даже при отсутствии отдельных соглашений, посвящённых исключительно экологии, учредительные документы ВТО содержат нормы, прямо закрепляющие задачи устойчивого развития. Из этих норм следует принцип взаимной поддержки экономического роста и природоохранной деятельности: длительное экономическое развитие невозможно без сохранения ресурсной базы, а полученные в ходе роста средства (финансовые и технологические) позволяют финансировать природоохранные мероприятия [156].

Основным правовым инструментом, через который этот принцип и уравновешивающая роль Органа по разрешению споров находят практическое применение, служит статья XX ГАТТ 1994 года. Она предоставляет государствам-членам право отступать от стандартных обязательств Соглашения, в частности, ради защиты жизни и здоровья населения (подпункт «b») либо ради сохранения исчерпаемых природных ресурсов (подпункт «g») [2]. Именно на этой статье строится нормативная база рассмотрения экологических споров в ВТО. В ходе прецедентного толкования её положений Организация выработала универсальные критерии оценки законности национальных природоохранных мер – от полного запрета на импорт до механизмов пограничной углеродной корректировки. Пользование правом на отступление ограничено требованием вводной части: соответствующие меры не должны быть «произвольными или неоправданно дискриминационными». При этом, статья XX задает лишь общие правовые рамки, оставляя Органу по разрешению споров задачу выработки конкретных стандартов. Она не дает однозначных ответов на ключевые доктринальные вопросы: что считать «необходимой» мерой и где проходит граница «произвольной дискриминации»?

В условиях отсутствия целостного «экологического кодекса» и учитывая правотворческую миссию ОРС, ответы на эти вопросы формируются исключительно в судебной практике. Следовательно, для выявления механизма трансформации абстрактных принципов преамбулы и разрозненных норм в действующее право, а также для определения динамики соотношения торговых и экологических императивов, необходим анализ судебной практики (прецедентов). Именно в решениях ОРС происходит конкретизация и нормативное наполнение стандартов «необходимости» и «добросовестности».

Ключевую роль в применении статьи XX ГАТТ играет обязательная система урегулирования споров, созданная в рамках ВТО и закреплённая в Понимании о правилах и процедурах разрешения споров. Данный механизм позволил заменить практику разрешения разногласий, основанную на политическом и экономическом весе сторон, на систему, действующую на началах верховенства права [157]. Однако наполнение абстрактных положений статьи XX конкретным юридическим содержанием происходит исключительно за счёт прецедентной линии Органа по разрешению споров (ОРС). В рамках этой

практики выработан последовательный двухступенчатый анализ законности экологических мер. Первая ступень – проверка того, подпадает ли мера под одну из оговорок (например, является ли она «необходимой»). Вторая ступень – оценка соответствия способа применения меры требованиям вводной части статьи. Данный тест, разработанный в системе ВТО, по факту превратился в универсальный оценочный стандарт, к которому вынуждены обращаться государства при разработке природоохранных мер, затрагивающих международную торговлю.

Судебная практика ОРС свидетельствует: споры на стыке международной торговли и экологической политики относятся к числу наиболее сложных и быстро эволюционирующих в праве ВТО. Эту динамику удобно проследить, сопоставив две категории дел. С одной стороны, ранние разбирательства в рамках ГАТТ 1947 года – в частности, спор «США – Мексика» (тунец-дельфин, 1991 год) [158]. С другой стороны, современные процессы в ОРС ВТО, например, дело DS600 «ЕС и государства-члены – Меры, касающиеся пальмового масла и произведённого из него биотоплива» (начато в 2021 году, на 2024 год остаётся в производстве) [3]. Сопоставление указанных категорий споров позволяет заключить, что ОРС эволюционировал в направлении более гибкого подхода. В настоящее время ОРС стремится к сбалансированному учёту как принципов недискриминации в торговле, так и легитимных природоохранных задач.

Сложившийся двухступенчатый тест не может рассматриваться в качестве статичного правила. Это, скорее, динамичная конструкция, продолжающая развиваться посредством прецедентного толкования. Указанная динамика обусловлена как внутренними ограничениями самой статьи XX ГАТТ, так и переговорным тупиком между государствами – членами ВТО. В этих условиях ОРС фактически принимает на себя нормотворческие полномочия, восполняя отсутствие прогресса в переговорном процессе. Прецедентный механизм обеспечивает необходимую гибкость, однако сопряжён с рисками правовой неопределённости. Кроме того, он порождает вопрос о демократической легитимности судейского правотворчества в сфере, где политические интересы отличаются особой остротой.

Несмотря на указанную критику, именно формальная процедура придаёт легитимность и эффективность правотворческим решениям ОРС. Процесс рассмотрения споров структурирован и имеет четкие временные рамки, что обеспечивает предсказуемость.

1. Начальный этап – консультации (до 60 дней) – является обязательным для досудебного урегулирования спора. Если консультации не приводят к результату, стороны могут обратиться к Генеральному директору ВТО для посредничества.

2. Рассмотрение панелью экспертов (до 6 месяцев + 45 дней на формирование): если консультации не дали результата, создается независимая группа экспертов для разбирательства. Создание панели может быть заблокировано ответчиком только один раз.

3. Апелляционное разбирательство (60-90 дней): стороны могут обжаловать правовые выводы панели в Постоянном апелляционном органе, который пересматривает только вопросы права, а не фактические обстоятельства [159]. Однако в настоящее время Апелляционный орган не может рассматривать апелляции из-за продолжающихся вакансий. Срок полномочий последнего действующего члена Апелляционного органа истек 30 ноября 2020 года [160]. В итоге, формальная процедура, призванная обеспечивать легитимность, сама оказалась уязвимой и не завершенной. Несмотря на это структурное повреждение, накопленная правотворческая практика ОРС сохраняет своё фундаментальное значение. Через толкование абстрактных норм статьи XX в рамках этой самой процедуры сформировались конкретные доктрины и стандарты. Проиллюстрировать этот процесс и его текущие противоречия позволяет следующая таблица, систематизирующая ключевые прецеденты по четырём аналитическим категориям. Она демонстрирует, как через толкование абстрактных норм статьи XX формируются конкретные требования к экологическим мерам в практике ВТО.

Эволюция подходов ОРС хорошо прослеживается в делах, связанных с оценкой риска и добросовестностью применения мер. Фундамент современных стандартов был заложен в спорах о ГМО (DS291-293), где ключевым стал императив научной обоснованности. Дела ВТО DS291 [150], DS292 [161] и DS293 [162] («Европейские сообщества – Меры, затрагивающие одобрение и маркетинг биотехнологической продукции») представляют собой фундаментальный прецедент, определивший границы допустимых экологических ограничений в рамках права ВТО (таблица 2).

Таблица 2. – Эволюция прецедентного права ВТО в области экологических исключений: ключевые дела и их доктринальное значение

Ключевое дело	Спорный вопрос	Суть решения органа ВТО	Значение дела
1	2	3	4
DS291–293: ЕС – Биотехпродукция	Соответствуют ли односторонние запреты на ГМО (основанные на принципе предосторожности) требованиям ст. 2.2 и 5.1 Соглашения СФС о необходимости достаточных научных доказательств и оценки риска	Орган по разрешению споров установил, что меры не основывались на надлежащей оценке риска и, следовательно, не имели достаточных научных оснований, что является нарушением Соглашения СФС.	Чёткое разграничение между допустимой предосторожностью и произвольным ограничением торговли. Закрепление императива научной обоснованности как краеугольного камня правомерности любых санитарных и фитосанитарных мер.
DS332: Бразилия – Восстановленные шины	Допускает ли вводная часть (chapeau) статьи XX ГАТТ изъятия из экологического запрета, предоставленные лишь отдельным государствам (членам МЕРКОСУР), или такие изъятия образуют произвольную	Апелляционный орган подтвердил, что экологическая цель меры подпадает под пункт (b) статьи XX. Однако он указал: выборочный характер исключений (в пользу стран МЕРКОСУР) приводит к тому, что мера перестаёт быть	Создание «доктрины экологической добросовестности»: экологическая мера должна быть последовательной и внутренне непротиворечивой. Сформирован ключевой двухэтапный тест для ст. XX

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4
	либо неоправданную дискриминацию?	последовательной. Такая непоследовательность превращает её в средство неоправданной дискриминации, что запрещено chapeau.	(правомерность цели → проверка вводной части).
DS592: Индонезия – Никель	Сохраняет ли механизм ОРС ВТО способность обеспечивать обязательное и окончательное разрешение споров в условиях фактического паралича Апелляционного органа, когда спор затрагивает вопросы промышленной политики и «зелёного» перехода	Решение группы экспертов (признавшее нарушение ст. XI:1 ГАТТ) не может быть окончательным из-за невозможности рассмотрения апелляции Индонезии, что оставляет спор в состоянии правовой неопределённости.	Демонстрация структурного кризиса обязательности: дело обнажило фундаментальную уязвимость системы разрешения споров, которая ставит под сомнение её функциональность как гаранта верховенства права в сложнейших спорах на стыке торговли, экологии и развития.
WT/DS600 Европейский Союз – Малайзия	Подпадает ли регулирование выбросов парниковых газов, вызванных косвенным изменением землепользования (ILUC), под исключения, предусмотренные пунктами (b) («необходимость для охраны жизни или здоровья человека») и (g) («сохранение исчерпаемых природных ресурсов») статьи XX ГАТТ?	Группа экспертов впервые подтвердила, что климатические меры, основанные на моделировании ILUC, могут подпадать под защиту как п. (b), так и п. (g) ст. XX. Цели ЕС были признаны правомерными per se.	Расширение предметной сферы ст. XX: официальное признание климатических целей и мер, основанных на методах производства за рубежом, в качестве допустимых оснований для исключений. Легитимация комплексных научных моделей в торговых спорах.
Примечание: составлено автором исследования на основании данных ВТО и анализа прецедентной практики			

Предметом спора стал де-факто мораторий ЕС на одобрение новых генетически модифицированных организмов (ГМО), а также национальные запреты государств-членов ЕС на уже одобренные продукты, оспоренные США, Канадой и Аргентиной. Истцы утверждали, что эти меры, хотя и мотивированные принципом предосторожности и защитой биоразнообразия, не имеют надлежащего научного обоснования и представляют собой скрытый протекционизм, нарушающий ряд соглашений ВТО.

Группа экспертов ВТО в 2006 году, опираясь на нормы Соглашения по санитарным и фитосанитарным мерам, вынесла дифференцированное решение.

1. Во-первых, был признан факт существования общего моратория, который привел к неоправданным задержкам в административных процедурах, что является нарушением Статьи 8 и Приложения С(1)(a) Соглашения СФС [47].

2. Во-вторых, и это наиболее важно для экологического права, Группа установила, что запреты отдельных стран ЕС («защитные оговорки») нарушают

Статьи 2.2 и 5.1 Соглашения СФС, поскольку «не основаны на оценке риска» и, следовательно, поддерживаются «без достаточных научных доказательств».

Этим решением ВТО не оспорила право членов на строгую регуляцию, но установила четкий критерий: даже экологические меры, основанные на предосторожности, должны быть подкреплены соответствующей научной оценкой риска, а их применение не должно быть произвольным или дискриминационным.

Окончательное урегулирование споров в 2009-2010 гг. через взаимно согласованные решения (ст. 3.6 Договоренности ОРС) продемонстрировало переход от конфронтации к конструктивному диалогу. Вместо принудительного изменения законодательства ЕС стороны создали постоянные двусторонние консультативные механизмы (например, Диалог ЕС-Аргентина по биотехнологиям в сельском хозяйстве). Согласно решению по делу DS293 [162], названные форумы решают три задачи: обмен данными, недопущение «асинхронных авторизаций» (ситуации, при которой продукт разрешён в одном государстве, но задержан в другом) и предотвращение избыточных торговых барьеров на стадии разработки нормативных актов. Тем самым подтверждается способность ВТО служить площадкой для процедурного урегулирования сложных коллизий на пересечении торгового и экологического права.

Из споров по ГМО вытекает важный прецедент: Соглашение СФС и иные акты ВТО признают природоохранные цели, однако требуют, чтобы связанные с ними торговые ограничения опирались на научные данные, соблюдали прозрачность и не сопровождались неоправданными задержками. В принятых решениях приоритет отдан процедурным правилам и принципу добросовестности, а не одностороннему применению принципа предосторожности. Последующее создание диалоговых платформ отражает эволюцию системы ВТО в направлении балансирования интересов, при котором согласование экологических требований и торговых прав обеспечивается через институционализированное сотрудничество, а не только через судебное разбирательство. Если дела о ГМО установили общий императив научной обоснованности, то следующее знаковое дело – «Бразилия – Восстановленные шины» (DS332) – сфокусировалось на тонкостях применения экологических исключений. Дело «Бразилия – Восстановленные шины» (DS332), инициированное Европейскими Сообществами в 2005 году, представляет собой классическое применение процедуры Органа по разрешению споров ВТО для оценки правомерности односторонних экологических мер [163]. Предметом спора стал импортный запрет Бразилии на восстановленные шины, оспоренный ЕС как нарушение ст. XI:1 ГАТТ (запрет количественных ограничений). Бразилия, защищая меру, сослалась на ст. XX(b) ГАТТ, утверждая, что запрет «необходим» для защиты жизни и здоровья населения от рисков, связанных с утилизацией шин (распространение болезней через комаров, загрязнение от сжигания). Группа экспертов и Апелляционный орган, следуя устоявшейся двухэтапной методологии, на первом этапе согласились с Бразилией, признав, что сокращение отходов шин является легитимной целью, а сам запрет в

принципе может рассматриваться как «необходимая» для ее достижения мера, поскольку менее торгово-ограничивающих альтернатив представлено не было.

На втором этапе проверки (соответствие требованиям вводной части статьи XX) Апелляционный орган пришёл к выводу, что на практике применение запрета носило «произвольный и неоправданно дискриминационный» характер. Нарушение состояло в системном характере изъятий. Бразилия разрешала ввоз тех же самых восстановленных шин из стран МЕРКОСУР на основании решений регионального арбитража. Кроме того, национальные суды допускали импорт изношенных шин, которые создавали аналогичные экологические риски. Указанные исключения не согласовывались с заявленной целью охраны здоровья и окружающей среды, что повлекло признание меры, не соответствующей правилам ВТО. Из этого решения следует: сама по себе экологическая цель, даже будучи обоснованной, не может служить оправданием для дискриминационного или непоследовательного правоприменения. Такая непоследовательность подрывает действенность природоохранных усилий и создаёт риск скрытого протекционизма.

Это решение сыграло ключевую роль в формировании правовой среды на стыке торговли и экологии. ОРС ВТО выступил в качестве арбитра. Он не просто признал суверенное право стран проводить жёсткую экологическую политику. Он также установил высокие процессуальные требования к её реализации: добросовестность и непротиворечивость. Бразилия исполнила решение. Ей пришлось отменить дискриминационные исключения и привести в порядок внутреннее правоприменение. Приведённый пример иллюстрирует, как механизм разрешения споров насыщает конкретным нормативным содержанием абстрактные положения статьи XX ГАТТ. Защита окружающей среды признаётся в качестве императивного требования. Вместе с тем способы ее достижения должны опираться на научные данные, быть внутренне непротиворечивыми и не использоваться в качестве прикрытия для дискриминации в торговле. Такой подход укрепляет как эффективность, так и легитимность регулирования – и экологического, и торгового. Дело DS332 представляет собой не столько предел для национальной экологической политики, сколько её легитимацию в правопорядке ВТО. Фактически Орган по разрешению споров сформулировал доктрину экологической добросовестности. Суть этой доктрины сводится к следующему: охранительная цель сама по себе не вызывает сомнений, однако её реализация не должна быть противоречивой либо дискриминационной. Указанный прецедент задал параметры оценки любых односторонних экологических мер. Решающее значение приобретают внутренняя логика и последовательность меры, а не только её формальная согласованность с нормами.

Принципиальная новизна следующего этапа эволюции заключается в том, что проверка «как именно» достигается цель, достигла новой стадии в споре о пальмовом масле (DS600), где предметом оценки стали комплексные климатические меры, основанные на прогностическом моделировании. Этот спор впервые напрямую поставил перед ВТО вопрос о совместимости торговых

правил с наиболее продвинутыми инструментами климатической политики, требующими оценки не прямого, а косвенного (и часто трансграничного) экологического эффекта.

Разбирательство WT/DS600 («Европейский союз и отдельные государства-члены – Определённые меры, касающиеся пальмового масла и биотоплива из масличной пальмы») было начато 15 января 2021 года на основании запроса Малайзии, адресованного Европейскому союзу и его странам-участницам. В центре спора оказались технические параметры энергетического законодательства ЕС, которые на практике ограничивали использование пальмового масла при производстве биотоплива на территории Союза. Юридическим обоснованием этих ограничений послужила разработанная ЕС концепция косвенного изменения землепользования [164]. Согласно данному подходу, для всех видов биотоплива, сырьё для которого возделывается на сельскохозяйственных землях, устанавливается расчётный коэффициент выбросов ILUC. Этот коэффициент отражает потенциальный объём парниковых газов, образующихся в результате глобального расширения посевных площадей под потребности европейского рынка. Указанные расчётные выбросы подлежат обязательному учёту в отчётности, что вело к значительному снижению конкурентоспособности пальмового биотоплива по сравнению с альтернативными видами, не имеющими столь высокого коэффициента [164].

С юридической точки зрения Малайзия оспорила эти критерии как нарушающие фундаментальные принципы ВТО: принцип национального режима (ст. III:4 ГАТТ 1994) и принцип режима наибольшего благоприятствования (ст. I:1 ГАТТ 1994), а также положения Соглашения по техническим барьерам в торговле (ТБТ). ЕС, в свою очередь, защищал меры, ссылаясь на общие исключения статьи XX ГАТТ, в частности, на необходимость защиты жизни и здоровья людей (п. (b)) и сохранения исчерпаемых природных ресурсов (п. (g)), обосновывая их климатическими целями [2]. Дело DS600 демонстрирует, как ВТО приспосабливает традиционные правовые инструменты (в частности, статью XX ГАТТ 1994) к оценке качественно иных регуляторных мер – ограничений, которые опираются на не связанные с самим товаром производственные процессы и на глобальные косвенные эффекты этих процессов. С юридической точки зрения решение Группы экспертов ВТО, принятое в марте 2024 года, носит двойственный, но предельно определённый характер.

С точки зрения материального права, принятое решение фиксирует сдвиг прежнего подхода: эксперты констатировали, что меры, направленные на сокращение выбросов, порождаемых косвенными изменениями в землепользовании, подпадают под действие пунктов (g) и (b) статьи XX ГАТТ – как «относящиеся к сохранению исчерпаемых природных ресурсов» и «необходимые для защиты жизни и здоровья человека» соответственно [164]. Тем самым ВТО впервые напрямую легитимировала климатические цели и моделирование ILUC в качестве допустимых оснований для торговых ограничений, фактически признав экстерриториальное измерение

экологического регулирования. Организация подтвердила свою роль главного международного форума, определяющего допустимость и границы климатических мер (включая механизмы углеродного пограничного регулирования). В процедурном аспекте эксперты пришли к выводу, что Европейский союз реализовал свою политику с серьёзными процедурными изъянами, которые привели к дискриминации. Констатировано нарушение статей I и III ГАТТ, а также норм Соглашения по техническим барьерам в торговле – вследствие недостаточной прозрачности и несвоевременного пересмотра научных данных.

По нашему мнению, двойственный характер решения не случаен: он отражает системное противоречие, заложенное в основаниях ВТО. С одной стороны, Орган по разрешению споров совершил шаг, который можно квалифицировать как прогрессивное правотворчество, расширив толкование статьи XX на новые экологические реалии. С другой стороны, выступая в роли стража принципа недискриминации, ОРС был вынужден применить к этим реалиям прежние, достаточно жёсткие процессуальные стандарты. Указанное несоответствие проявилось со всей очевидностью: прогрессивная цель получила нормативное одобрение, однако методы её достижения оказались под сомнением. Бремя доказывания и технического совершенства фактически перекладывается на государство – инициатора экологических мер. Такой подход, безусловно, предотвращает риск «зелёного протекционизма», но одновременно создаёт угрозу замедления любой сложной экологической политики – особенно в развивающихся странах, располагающих меньшими административными и научными ресурсами.

Дело DS600 продемонстрировало потенциал системы ВТО при условии функционирования механизма правоприменения [165]. Однако способность балансировать торговлю и экологию становится бесполезной без базовой предпосылки – действующего и авторитетного правоприменительного механизма. Данное условие оказалось под вопросом в деле «ЕС – Никель» (DS592) [166]. Спор WT/DS592 воспроизводит классическое противоречие между суверенным правом государства на экономическое развитие (Индонезия ограничила экспорт никеля, чтобы нарастить мощности собственной перерабатывающей промышленности) и обязательствами по торговой либерализации. Группа экспертов признала введённые Индонезией меры несовместимыми со статьей XI:1 ГАТТ, тем самым подтвердив приоритет правил свободной торговли. Однако данный спор вскрыл внутреннюю коллизию самой «зелёной» повестки: никель необходим для производства аккумуляторов и снижения углеродного следа, но его переработка в Индонезии сопровождалась значительным экологическим ущербом из-за использования угольной энергетики. Если в деле DS600 система пыталась найти баланс между торговлей и экологией, то в деле DS592 столкнулась с конфликтом двух экологических императивов – глобального (декарбонизация) и локального (загрязнение среды). Причём этот конфликт разрешался исключительно в рамках торговых правил.

Главное отличие дела DS592 – институциональный паралич. Индонезия подала апелляцию в декабре 2022 года, но Апелляционный орган ВТО, чья деятельность приостановлена с 2019 года, не смог рассматривать жалобу. Решение группы экспертов осталось в состоянии правовой неопределённости, а сам спор – неурегулированным. Сложившаяся ситуация обнажила системную уязвимость: верховенство права в ВТО оказалось условным и зависимым от политической воли государств-членов.

Сопоставление дел DS600 и DS592 выявляет структурный раскол в современном праве ВТО. DS600 демонстрирует максимум возможностей системы: прецедентное правотворчество ОРС, легитимацию новых экологических целей, выработку процессуальных стандартов – при функционирующем механизме разрешения споров. DS592, напротив, фиксирует фундаментальный дефект: паралич ключевого института делает любое юридически безупречное решение потенциально неисполнимым. Система теряет предсказуемость и обязательность.

Статья XX ГАТТ 1994 предоставляет правовые основания для отступления от базовых правил ВТО ради охраны окружающей среды, оставаясь фундаментальной основой для разрешения экологических споров. Каждое дело на этом стыке уникально – будь то защита биоразнообразия или регулирование косвенных выбросов. Государства-члены не могут достичь консенсуса относительно чётких материальных норм, поэтому ОРС ВТО, толкуя абстрактные положения статьи XX через прецедентное право, выступает единственным квазисудебным органом, где страны могут легитимно оспаривать меры друг друга и получать обязательные решения. ВТО, несмотря на изначально торговую миссию, превращается в центральный институт, определяющий границы допустимого экологического регулирования в условиях глобализации. ОРС выполняет вынужденную правотворческую функцию, формируя через двухэтапный тест (преамбула и перечисление исключений) стандарты «необходимости» и «добросовестности» экологических мер.

Судебная активизация, достигшая пика в деле DS600, столкнулась с системным институциональным коллапсом. Паралич Апелляционного органа (на примере дела DS592) подорвал принципы обязательности и правовой определённости. Уникальный арбитражный потенциал ВТО девальвируется. Если государства-члены не найдут политического консенсуса для реформы правоприменительного механизма, система рискует утратить свою центральную роль. На ее место придет фрагментированное регулирование через односторонние меры – такие как Механизм углеродной пограничной корректировки, что маргинализирует ВТО как гаранта единых правил игры. Восстановление полноценной роли ВТО в регулировании экологических ограничений требует не только реформы правоприменительного механизма, но и возвращения организации статуса глобального арбитра на стыке торговли и экологии.

2.2 КТОС ВТО: правовая природа «мягкого права» и пределы гармонизации

Всемирная торговая организация – центральный многосторонний институт, регулирующий международную торговлю. Сегодня она вынуждена адаптировать свои правовые инструменты к новым глобальным вызовам. Один из самых сложных вопросов – как встроить экологические требования в ткань торгового права. Здесь возникает фундаментальная институциональная дилемма. С одной стороны, экологическое регулирование часто носит императивный и односторонний характер. С другой – базовые принципы ВТО (многосторонность, недискриминация, режим наибольшего благоприятствования, национальный режим, консенсус) требуют иного подхода. Нужно найти баланс.

В поиске этого баланса в рамках ВТО появился специализированный форум – Комитет по торговле и окружающей среде. Учреждение КТОС – не законодательный шаг, а процедурно-управленческий. Противоречие не устраняется, но переводится в диалоговое русло. КТОС не блокирует экологическую повестку, а институционализирует её конструктивно. Благодаря этому потенциальные конфликты между экологией и торговыми правилами направляются в структурированные обсуждения. Риски для целостности правовой системы ВТО снижаются.

Однако данный компромиссный институт не возник спонтанно. Его создание было обусловлено не конъюнктурными соображениями, а объективной правовой необходимостью, сформировавшейся в ходе заключительной фазы Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров. КТОС был официально учрежден Генеральным советом ВТО 31 января 1995 года на основании специального Решения Министров, принятого в Марракеше 15 апреля 1994 года [79]. Это решение, ознаменовавшее создание постоянного органа, стало кульминацией более чем двадцатилетней институциональной эволюции. Непосредственным предшественником КТОС выступила Группа по экологическим мерам и международной торговле (ГЭММТ), созданная в рамках ГАТТ еще в 1971 году. Ключевую же роль в подготовке его мандата сыграло возобновление работы ГЭММТ в 1991 году, которое в преддверии Саммита Земли в Рио-де-Жанейро заложило содержательные основы будущей деятельности Комитета [21, p. 18].

Создание КТОС само по себе являлось лишь начальным шагом. Реальное значение и порядок работы этого органа определяются двойственным (дуалистическим) мандатом, который был закреплён в учредительном решении 1994 года. Указанный мандат юридически оформил компромисс, достигнутый изначально. С одной стороны, он безоговорочно признал правомерность экологических целей в рамках торговой системы. С другой – установил процедуру их проверки на соответствие основополагающим принципам ВТО, а именно принципу недискриминации и требованию не допускать скрытых ограничений торговли. Таким образом, с момента учреждения Комитет получил мандат, сочетающий в себе две линии. Первая – декларативная: изучение связей

между торговой и экологической политикой в интересах устойчивого развития. Вторая – практическая: правовая оценка и согласование через переговоры постоянно растущего массива национальных природоохранных мер. Заложенный в основу компромисс породил ключевую проблему, которая сохраняется в деятельности КТОС до сих пор: как добиться экологической трансформации, одновременно сводя к минимуму связанные с ней торговые издержки.

С точки зрения теории международных организаций, такой мандат создает классическую проблему «агент–принципал». КТОС, как «агент», получил от государств-членов («принципалов») расплывчатые и потенциально конфликтующие инструкции. Это не дефект, а запланированная особенность, позволяющая Комитету выступать в роли «стратегической неопределенности»: он не уполномочен принимать обязывающие решения, но его процедуры создают издержки для односторонних действий, вынуждая членов ВТО соизмерять национальные экологические меры с ожидаемой реакцией многостороннего форума [24, p. 29]. Таким образом, реальная сила КТОС основана на сдерживании. Она обеспечивается не правом издавать правила, а созданием системы, в которой односторонние меры влекут за собой обязательные процедуры отчётности и риск урона репутации. Это усложняет и замедляет такие действия, вынуждая страны заранее оценивать их последствия в рамках многостороннего форума. Поэтому миссия КТОС – не решить дилемму «торговля против экологии», а сделать её игнорирование дорогостоящим и неудобным.

Этот изначальный компромисс напрямую отразился на организационной модели Комитета. Для реализации этого сложного мандата была сознательно выбрана модель открытой, инклюзивной, но строго формализованной дискуссии, призванная смягчить отмеченные выше противоречия между развитыми и развивающимися странами. КТОС функционирует как комитет открытого состава, где равный доступ имеют все члены ВТО, а более двадцати межправительственных организаций участвуют в качестве наблюдателей [167]. Данная структура, призванная предотвратить формирование закрытых клубов и обеспечить учет интересов развивающихся стран, строится на регулярных заседаниях, где официальный обмен позициями формирует «общее понимание» допустимых границ регулирования [167].

Уже к 1996 году участники ВТО обсудили все пункты рабочей программы. Даже первый ежегодный отчёт КТОС стал предметом серьёзных переговоров [22, p. 472]. Для упорядочения работы деятельность Комитета разделили на два тематических кластера: (1) доступ на рынки и (2) взаимосвязь между многосторонней торговой системой и охраной окружающей среды [168]. Эта кластерная структура позволила реализовать двойной мандат КТОС. Первый кластер акцентирует базовые принципы ВТО через анализ торговых последствий экологической политики. Второй фокусируется на экологических императивах и согласовании обязательств по МЭС [25, p. 32]. Содержательная направленность второго кластера часто отражает стандарты развитых стран. Это вызывает

беспокойство у развивающихся государств: издержки на имплементацию высоки [24, p. 28-30]. Значит, изначальная институциональная дилемма КТОС остается актуальной.

Процедурный уровень работы КТОС – лишь одна сторона. За рамками процедурного диалога подлинная аналитическая и нормативно-формирующая функция Комитета реализуется иначе. КТОС выступает институциональным центром конвергенции и легитимации экологических стандартов. Это механизм опосредованного нормотворчества. Комитет заслушивает презентации от специализированных учреждений ООН (например, ЮНЕП) и секретариатов МЭС (например, РКИК ООН). Деятельность Комитета по торговле и окружающей среде ВТО выполняет функцию, которую можно охарактеризовать как «техническая легитимация». КТОС отличается от прочих органов ВТО тем, что сложные научные и экологические категории (методики расчёта углеродного следа, критерии устойчивости) переводятся здесь на язык торговой политики. Указанные категории проверяются на наличие дискриминационного эффекта и на согласованность с принципами Соглашения по техническим барьерам в торговле. Спорные вопросы – например, допустимость регулирования методов производства – выводятся из плоскости политических дебатов о толковании статьи XX ГАТТ в плоскость обсуждения технических стандартов. Тем самым КТОС способствует формированию прецедента толкования. Формально подобные дискуссии не порождают юридических обязательств, однако они вырабатывают общее понимание среди государств – членов ВТО. Впоследствии это понимание может быть использовано экспертными группами в рамках Органа по разрешению споров, а также лечь в основу будущих переговорных процессов.

В то же время КТОС функционирует не столько как инструмент предотвращения споров, сколько как коммуникационный канал между государствами. Политические противоречия переводятся в формат бесконечных технических обсуждений, что на деле становится способом легитимации односторонних мер наиболее сильных участников. Речь не идёт о подготовке к кристаллизации норм (то есть к правотворчеству), а о стратегии их постоянного откладывания. Декларируемая взаимная поддержка торговли и охраны окружающей среды на практике сталкивается с фундаментальным парадоксом, который и составляет суть роли КТОС. В итоге Комитет демонстрирует уникальную модель мягкого влияния в условиях кризиса многосторонности. КТОС не обладает нормотворческими полномочиями, однако черпает силу в создании системы взаимного сдерживания и многостороннего надзора. Эффективность КТОС зависит от добровольного участия ключевых игроков, что делает данный механизм уязвимым в эпоху роста одностороннего протекционизма под экологическими лозунгами.

Осознавая это системное ограничение, члены ВТО предприняли попытку вывести дискуссию на новый уровень. В 2001 году в рамках Дохийского раунда была учреждена Специальная сессия КТОС (КТОС СС). Её мандат включает переговоры по конкретным аспектам взаимосвязи торговли и окружающей

среды. Однако переговорный процесс в рамках КТОС СС идёт крайне медленно. Одна из причин — расхождение в приоритетах и возможностях между развитыми и развивающимися странами. Последние зачастую не имеют равного доступа к необходимой экологической экспертизе для полноценного участия в дискуссиях [169].

Низкая эффективность переговорного процесса не отменяет того обстоятельства, что само существование КТОС и КТОС СС подтверждает интеграцию экологической проблематики в правовое пространство ВТО. Более того, действующие соглашения ВТО содержат инструменты, позволяющие государствам-членам проводить экологическое регулирование. Так, Соглашение по техническим барьерам в торговле и Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер закрепляют за членами право устанавливать национальные экологические стандарты – включая те, которые касаются процессов и методов производства. Указанное право может служить юридическим основанием для ограничения оборота экологически опасных товаров. Кроме того, ориентация правил ВТО на международные стандарты побуждает экологическое сообщество концентрировать усилия на разработке единых универсальных норм.

Таким образом, деятельность КТОС демонстрирует, что, несмотря на институциональные трудности, существующие в рамках ВТО форматы взаимодействия по вопросам торговли и окружающей среды (КТОС и его Специальная сессия) сохраняют значение платформ, позволяющих включать экологическую экспертизу в контекст международного торгового регулирования. Они служат потенциальными точками входа для взаимодействия экологического сообщества с торговой повесткой дня [170]. Функциональным воплощением этой центральной, но специфической роли КТОС и ключом к пониманию ее практической реализации являются пять взаимосвязанных направлений деятельности, формирующих его уникальный механизм «мягкого» влияния. Эти направления раскрывают, каким образом Комитет на практике осуществляет легитимацию, согласование и предотвращение конфликтов. КТОС выполняет функцию главного форума для уведомлений и обсуждения национальных экологических мер, затрагивающих торговые интересы, в целях недопущения скрытого протекционизма. В рамках данного процесса члены ВТО обязаны обеспечивать транспарентность, представляя подробные технические брифинги по таким инициативам, как механизм углеродного корректирования на границе или Регламент ЕС о сведении к нулю обезлесения. Когда члены ВТО коллективно обсуждают экологические меры, выявляются риски дискриминации, нарушения пропорциональности, а также чрезмерного бремени для малого бизнеса и развивающихся стран. Так КТОС работает как механизм превентивного контроля. Страна, предлагающая меру, вынуждена заранее её обосновать и, возможно, скорректировать. Вероятность будущих споров в ОРС снижается.

КТОС – еще и главная площадка для многостороннего диалога по гармонизации «зеленой» торговли. Комитет ведет структурированные переговоры: ищет консенсус по климатическим торговым мерам, их дизайну и

взаимодействию. В рамках дискуссий, проводимых в КТОС ВТО, государства-члены предлагают меры, направленные на сближение методик измерения выбросов, обеспечение совместимости различных систем углеродного регулирования, а также выработку общих принципов, призванных минимизировать искажения в торговле. Благодаря этому КТОС приобретает функцию своеобразного «испытательного полигона» для будущих универсальных правил: регулирование постепенно переходит с двустороннего на многосторонний уровень.

Кроме того, КТОС стремится обеспечить правовую согласованность между системой ВТО и иными международными режимами, в первую очередь – многосторонними природоохранными соглашениями. В данном качестве Комитет действует как институциональный «мост». Он на регулярной основе заслушивает брифинги секретариатов Рамочной конвенции ООН об изменении климата, Конвенции о биологическом разнообразии и участвует в обсуждении новых соглашений (например, глобального договора по борьбе с пластиковым загрязнением). Указанный механизм позволяет на ранней, доконфликтной стадии выявлять и обсуждать возможные коллизии между торговыми и экологическими нормами. В результате КТОС трансформируется в буферную зону, в рамках которой разрешаются системные противоречия между принципом недискриминационной торговли, с одной стороны, и императивами климатического регулирования – с другой.

КТОС также координирует множество параллельных плюрилатеральных инициатив – например, Структурированные дискуссии или Диалог по пластиковому загрязнению. Комитет заслушивает отчёты, проводит консультации, обеспечивает инклюзивность процессов, прозрачность для неучаствующих членов и синхронизацию усилий (чтобы избежать дублирования). Самое важное: КТОС отбирает наиболее проработанные правовые концепции, выработанные в малых группах, и выносит их на многостороннее обсуждение. Это легитимирует такие концепции и создаёт основу для их возможной будущей универсализации. Наконец, КТОС служит платформой для обмена правовыми практиками и наращивания потенциала. Тематические сессии, обсуждение программ технической помощи (например, инициатива ACT) помогают распространять экспертные знания, методики и регуляторный опыт. Развивающиеся страны получают возможность не только аргументированно критиковать чужие меры, но и разрабатывать собственные экологические политики, совместимые с нормами ВТО, а также адаптироваться к новым требованиям ключевых рынков. В итоге снижаются правовые и коммерческие риски [170].

В совокупности все эти функции КТОС создают противоречивую регуляторную модель. КТОС выступает операционализацией концепции «мягкого права», где правовое воздействие обеспечивается не императивными предписаниями, а процедурными механизмами, генерирующими легитимность через многосторонний диалог и экспертизу. Однако процессуальный характер деятельности КТОС обуславливает ее факультативную эффективность:

результативность работы Комитета как переговорной площадки и механизма превентивного урегулирования поставлена в зависимость от добровольной правовой позиции государств-членов и их готовности к консенсусу. В контексте возросших экономических ставок экологической трансформации, связанных с внедрением таких унилатеральных мер, как Механизм углеродного корректирования на границе ЕС, добровольный и консенсусный характер данной модели ставит под вопрос ее устойчивость. Таким образом, современная функция КТОС эволюционирует от задачи сбалансированного учета интересов к задаче институционального удержания экологического протекционизма в рамках многосторонних процедур ВТО, что сопряжено с нарастающими трудностями по мере увеличения числа и сложности односторонних мер.

Реализация этих функций и проверка их действенности возможны лишь при наличии конкретных рабочих инструментов. Практическим воплощением и основой для их реализации служат документы КТОС. Ярким примером является ежегодный отчет Секретариата ВТО WT/CTE/EDB/22 [171]. Этот документ, подготовленный во исполнение рекомендации КТОС 1996 года (WT/CTE/1), представляет собой операционализацию обязательства по транспарентности. При этом в нем прямо оговаривается, что он составлен под ответственность Секретариата и не наносит ущерба позициям, правам и обязательствам членов ВТО. Таким образом, база данных EDB носит сугубо информационный, а не нормативный характер, выполняя функцию систематизации и публичного раскрытия данных об экологически значимых мерах, что является материальной основой для диалога в Комитете.

Статистика уведомлений за 2022 год, приведенная в отчете, эмпирически подтверждает растущую активность членов ВТО в использовании торговой политики для экологических целей. Из 5 959 общих уведомлений 768 (12,9%) были идентифицированы как экологически значимые, содержащие 1349 отдельных мер. С точки зрения применимых соглашений ВТО, подавляющее большинство уведомлений (456) поступило по Соглашению по техническим барьерам в торговле, что указывает на преобладание инструментов технического регулирования для достижения экологических целей и подтверждает, что именно такие меры становятся главным предметом обсуждения в КТОС. Значительное число мер уведомлено также в рамках Соглашения по сельскому хозяйству – 264 меры. Ещё 217 мер зафиксировано в уведомлениях о количественных ограничениях. Такой спектр инструментов объективно требует многостороннего контроля.

Для юридической квалификации мер в EDB применяется гармонизированная система категорий. В нее входят 25 экологических целей, 31 тип мер и 11 секторов экономики. В 2022 году чаще всего преследовались такие цели: управление химическими и опасными веществами (26,4%), выполнение многосторонних природоохранных соглашений (16,8%), защита животных (10,8%). По типам мер лидировали технические регламенты и спецификации (40,7%), импортные лицензии (19,6%), запреты (15,4%). Такая классификация даёт аналитическую базу для оценки совместимости мер с нормами ВТО

(например, проверки критерия «необходимости» по статье XX ГАТТ 1994). Она же структурирует дискуссии в КТОС, переводя их в техническую плоскость.

К данным уведомлений полезно добавить сведения из Обзоров торговой политики. За 2022 год в 15 рассмотренных ОТП выделено 1364 записи об экологической политике. Часто там описываются меры, которые не попадают под формальные уведомления, но заметно влияют на торговлю. Так EDB усиливает механизм коллегиального рассмотрения в ВТО, давая более полную картину. Тем самым реализуется функция КТОС по всестороннему мониторингу. Чтобы показать, как EDB помогает гармонизации и мониторингу МПС, в документе подробно разобран лесной сектор. С 2013 по 2022 год государства – члены ВТО направили уведомления о 672 мерах, затрагивающих экологически связанные секторы. Наибольшая доля таких мер приходится на сферу действия Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам (38,2% от общего объёма) и Соглашения по сельскому хозяйству (28,9%). Среди этих мер преобладают прямые выплаты и гранты (43%), а также импортные лицензии (12%).

Использование базы данных по окружающей среде (EDB) позволяет отслеживать, как члены ВТО реализуют свои природоохранные инициативы, и фиксировать потенциальные нормативные коллизии. Одна из них – расхождение между мерами, направленными на сохранение лесов, и правилами ВТО, в частности запретом экспортных ограничений, закреплённым в статье XI ГАТТ.

Следовательно, EDB служит основным инструментом обеспечения функций КТОС. База формирует эмпирический фундамент для диалога, превентивного контроля и согласования общих подходов. Вместе с тем юридическая сила данного инструмента ограничена: отсутствуют квалифицированные оценки соответствия мер правилам ВТО, а эффективность базы данных в значительной степени зависит от добросовестности уведомлений со стороны государств-членов. Указанное ограничение отражает общую парадигму «мягкого права», в рамках которой функционирует КТОС. Тем не менее накопленные в EDB данные служат важной доказательственной базой и выступают индикатором системных тенденций – в частности, роста «зелёного» протекционизма. В конечном счёте это формирует повестку для дальнейшей работы КТОС. Непосредственным ответом на выявленные системные тренды, такие как рост климатических мер, и стало развитие в рамках Комитета технико-правовых рамок. Ярким примером этой нормотворческой функции «мягкого права» является работа по согласованию методологий измерения углеродного следа [172] напрямую опирается на стандарты и методологии, разработанные под эгидой Международной организации по стандартизации (МОС) и в рамках процессов РКИК ООН. Анализ торговых аспектов будущего соглашения по пластиковому загрязнению ведется в КТОС при активном участии Секретариата ЮНЕП. Таким образом, КТОС служит «сборочным цехом», где экологические требования, сформулированные в одних форумах, проверяются на совместимость, пропорциональность и непротиворечивость с правом ВТО, прежде чем они могут быть инкорпорированы в национальные меры, влияющие на торговлю. Эта функция делает КТОС незаменимым звеном в обеспечении

когерентности глобального управления. Этот документ – политико-юридический ответ на растущую угрозу фрагментации международной торговой системы. Угроза возникает из-за односторонних климатических мер, которые члены ВТО вводят в отношении трансграничного перемещения товаров. Примеры таких мер: механизмы углеродной корректировки на границе, «зеленые» госзакупки, экологическая маркировка. По своей правовой природе документ относится к «мягкому праву». Его положения заявлены как необязательные, неисчерпывающие и непредписывающие. Конкретная цель – предотвратить необоснованные барьеры в торговле. Для этого продвигаются принципы транспарентности, пропорциональности и ориентации на международные стандарты (в частности, стандарты МОС). Такой подход соответствует духу и букве соглашений ВТО, например Соглашению по техническим барьерам в торговле. Пункт 1.5 прямо указывает: документ не создаёт и не умаляет прав и обязательств членов ВТО, а также не оценивает соответствие каких-либо мер правилам Организации. Следовательно, это сугубо факультативный инструмент для добровольного сближения регуляторных практик.

Документ WT/CTE/W/269 (и последующая редакция WT/CTE/W/269/Rev.4) отражает стратегический компромисс между двумя противоборствующими группами государств-членов ВТО. Развитые члены (например, Европейский союз со своим механизмом углеродной корректировки на границе) стремятся легитимизировать собственные односторонние меры, одновременно демонстрируя гибкость и открытость к диалогу. Развивающиеся страны, напротив, усматривают в новых климатических требованиях непропорциональное бремя. Для них указанный документ становится инструментом давления в переговорном процессе. Формально в нём закреплены принцип специального и дифференцированного режима, необходимость учёта потребностей развивающихся стран в области технического сотрудничества, а также возможность применения упрощённых процедур.

Как свидетельствует проведенный анализ, подобный компромисс является типичным для ВТО. С одной стороны, это тактический успех, позволяющий снять сиюминутную напряжённость. С другой стороны, на стратегическом уровне фиксируется системный тупик. Дискуссия переводится из политической плоскости (вопросы справедливости и распределения усилий) в техническую (методологии, шаблоны). В указанном сегменте развитые государства сохраняют за собой экспертные преимущества. Документ WT/CTE/W/269 иллюстрирует, как КТОС, выполняя координирующую функцию, закрепляет неурегулированный политический конфликт в форме технических деталей. Это типичный для ВТО приём управления неразрешимыми противоречиями.

С практической и процессуальной точек зрения документ нацелен на институционализацию обсуждения климатических мер в пределах мандата КТОС. При этом значимость тематики переводится из плоскости теоретических дискуссий в область выработки конкретных практических рекомендаций. Приложение-шаблон для уведомлений о национальных методологиях формирует механизм сбора и обмена информацией, что представляет собой начальный этап

возможной будущей конвергенции и взаимного признания. Указанный подход противопоставляется более радикальным вариантам (например, созданию новых юридически обязательных норм). ВТО избирает эволюционный, а не революционный путь адаптации торговой системы к экологическим вызовам. Успех документа будет измеряться не его юридической силой, а степенью добровольного принятия членами ВТО и влиянием на дизайн будущих национальных регуляторных актов.

В контексте будущего ВТО и климатической повестки документ WT/CTE/W/269/Rev.4 следует рассматривать как прецедент. Если он будет принят на Министерской конференции MC14 в 2026 году (даже в качестве необязательного решения), это станет первым конкретным многосторонним результатом ВТО в сфере регулирования торгово-климатического интерфейса [172]. Вместе с тем ограниченность документа очевидна: добровольность, технический фокус, игнорирование более фундаментальных вопросов (справедливое распределение углеродного бюджета, масштабная финансовая помощь). Указанные ограничения свидетельствуют о глубокой и непреодоленной поляризации государств-членов Организации. В долгосрочной перспективе возможны два сценария. Либо документ станет основой для формирования более твёрдых норм «зелёной» торговли. Либо останется символическим жестом, если ключевые игроки (как развитые, так и развивающиеся страны) продолжат действовать в одностороннем порядке, игнорируя выработанные в ВТО «мягкие» руководства.

Документ WT/CTE/W/269 представляет собой механизм создания презумпции соответствия национальных мер правилам ВТО посредством их добровольной гармонизации с заранее согласованными многосторонними методологиями. Ключевая норма (пункт 1.5), устанавливающая отказ от оценки на соответствие нормам ВТО, является не пробелом, а целенаправленной юрисдикционной оговоркой (оговоркой о неподсудности) [172]. Данная конструкция позволяет КТОС фокусироваться на техническом обсуждении, элиминируя политически конфликтные дебаты о правомерности механизмов углеродной корректировки на границе или иных мер в контексте толкования статьи XX ГАТТ. Следовательно, документ выступает инструментом процедурного иммунитета от разрешения субстантивного спора, что демонстрирует институционально-функциональные пределы КТОС в условиях правовой и политической поляризации. Помимо технических инициатив, в КТОС вносятся предложения по институциональному развитию. Одно из них – документ Китая (WT/CTE/W/270) [173]. Он предлагает упорядочить обсуждение углеродных стандартов в рамках ВТО на институциональном уровне. Японский документ (WT/CTE/W/269) сосредоточен на технических методологиях. Китайское предложение нацелено на мезоуровень. Речь идёт о создании системных механизмов анализа, диалога и координации между комитетами ВТО. Главная задача – сдержать фрагментацию национальных стандартов. Фрагментация увеличивает операционные издержки и порождает неопределенность в международной торговле, особенно для экспортеров и

импортеров. Этот подход вписывается в более широкий тренд «обходных путей» в современной ВТО. Когда многосторонние переговоры КТОС СС заходят в тупик, члены Организации создают плюрилатеральные инициативы. Добившись прогресса в малых группах, они стремятся вернуть выработанные концепции на многосторонний уровень КТОС – уже для легитимации. Так Комитет превращается в точку конвергенции, где идеи «многосторонализируются».

Предложение Китая строится вокруг трех направлений. Первое – систематический обзор и усиление обмена информацией. Предлагается поручить Секретариату и комитетам (КТОС и КТФТ) подготовить сводные документы по существующим стандартам и практикам. Второе – усиление обсуждений и сотрудничества. В этих целях организуются тематические семинары и укрепляются формальные связи ВТО с международными организациями по стандартизации (Международная организация по стандартизации, Международная электротехническая комиссия). Третье направление – устранение проблем развивающихся государств. Для этого проводятся профильные обсуждения, применяются инструменты специального и дифференцированного режима, активизируются программы по наращиванию потенциала.

Реакция государств-членов на заседании КТОС 4 ноября 2025 года носила сдержанный и прагматичный характер. Более 20 участников высказались по обсуждаемому документу; многие приветствовали акцент на рисках фрагментарности регулирования. В ходе дискуссий, однако, были сделаны существенные оговорки. Центральным вопросом стало требование чёткого разграничения компетенций и недопущения дублирования работы – в первую очередь с КТБТ, который уже обладает мандатом на обсуждение стандартов. Многочисленные делегации также указали, что любая новая деятельность должна учитывать различные уровни развития и возможности членов ВТО, что фактически подтверждает позицию китайского предложения о значимости аспекта развития [173].

Сдержанная реакция членов ВТО указывает на более глубокую проблему – институциональную усталость Организации. Участники признают: фрагментация существует. Но они опасаются, что любые новые дискуссионные форматы лишь воспроизведут старые противоречия и не дадут прорывных решений. Предложение Китая выглядит не столько попыткой решить проблему, сколько тактикой контроля над повесткой – замедлить имплементацию неудобных чужих стандартов. Это предложение стоит рассматривать как дипломатическую инициативу, направленную на формирование переговорной повестки. Оно отражает озабоченность Китая и других стран по поводу потенциальных торговых барьеров, которые создают новые климатические меры развитых государств. Цель – перевести дискуссию в русло медленных институциональных процедур (обзоры, семинары, обмен информацией). Перспективы рассматриваемого предложения обусловлены его дальнейшей интеграцией с параллельными процессами – в частности, со структурированными обсуждениями по торговле и экологической устойчивости.

В рамках указанных обсуждений работа по климатическим мерам уже ведётся, и некоторые государства-члены выдвигали предложения о переносе данной деятельности в Комитет по торговле и окружающей среде.

В совокупности три документа – База данных по окружающей среде как инструмент мониторинга, руководство WT/CTE/W/269 (технический стандарт) и китайское предложение WT/CTE/W/270 (институциональная инициатива) – дают основания для оценки деятельности и роли КТОС. В анализируемом комплексе документов фиксируется устойчивое противоречие между двумя операционными функциями Комитета. КТОС, с одной стороны, инициирует диалог и совместную выработку подходов, направленных на согласование экологических требований с нормами торгового права. С другой стороны, он вынужден констатировать глубокие политические расхождения и придавать им процедурную форму, сводя к серии технических компромиссов. Указанная двойственность определяет особый институциональный статус КТОС: он одновременно фиксирует системный кризис многостороннего механизма ВТО и остаётся платформой, на которой в условиях фрагментации апробируются потенциально применимые решения.

Представляется, что дальнейшая эволюция КТОС связана не с радикальным изменением его правотворческих полномочий, а с закреплением за ним узкой специализированной ниши. Исторически сложившаяся задача Комитета – техническое обоснование мер в формате многостороннего диалога – сохранит значение в качестве институционального резервуара легитимных практик и прецедентных толкований. Однако выработка новых материальных правил «зелёной» торговли, вероятнее всего, сместится в сторону более гибких форматов с ограниченным кругом участников либо на новые переговорные площадки. Следовательно, центральная нормотворческая роль КТОС, которая гипотетически могла бы реализоваться в эпоху достижимого консенсуса, эволюционирует в функцию поддержания дискурсивной связности и процедурной преемственности – функцию важную, но не доминирующую в условиях новой климатической геополитики.

Ретроспективный анализ свидетельствует, что КТОС изначально не предназначался для роли классического нормотворческого центра. Реальная эволюция Комитета состояла в переходе от позиции формального арбитра к функции институциональной фиксации непреодолимых противоречий. КТОС сложился не как орган гармонизации права, а как механизм процедурного закрепления и сохранения фундаментальной институциональной неопределённости. Поэтому упадок КТОС в качестве законодательной площадки – не институциональная неудача, а логическое завершение миссии по легализации и процедурному оформлению перманентного конфликта между торговой либерализацией и экологическим императивом. Историческая роль КТОС заключалась в том, чтобы придать этому конфликту легитимные процедурные формы, позволив системе ВТО функционировать в условиях проблемы, не имеющей решения в рамках её текущих правовых инструментов. Итоговое наследие КТОС – не свод материальных норм, а институциональный

протокол системного противоречия, заложенного в архитектуру современной многосторонней торговой системы.

2.3 Соглашение ТБТ: коллизия экологических целей и принципа недискриминации

Правовым инструментом, опосредующим баланс между экологическим регулированием и свободой торговли в рамках Всемирной торговой организации, выступает Соглашение по техническим барьерам в торговле [46]. Его нормативная эффективность уходит корнями в институциональную эволюцию: являясь частью «единого пакета обязательств» ВТО с 1995 года, оно универсализировало правовой режим, заменив плюрилатеральный Кодекс стандартов 1979 года [174]. Данный переход к универсальному многостороннему формату обеспечил создание единого нормативного пространства, основанного на фундаментальных принципах недискриминации, предсказуемости, а также на положениях о технической помощи и специальном и дифференцированном режиме. Указанная эволюция привела к формированию чётких правовых рамок, в которых признание безусловного регуляторного суверенитета государств (включая право на защиту окружающей среды) было сознательно уравновешено дисциплинарными механизмами, призванными исключить протекционизм. Вместе с тем формально-юридический анализ данных рамок оставляет за скобками вопрос о реальном распределении власти в процессе их применения.

Для исследования данной динамики настоящая работа обращается к политэкономическому подходу и концепции регуляторного гегемонизма [26, p. 231]. В рамках указанного подхода правовые конструкции, подобные рассмотренным выше, анализируются не только как формальные нормы, но и как инструменты реализации интересов в условиях структурного неравенства. Данный подход созвучен теории «регуляторного капитализма», согласно которой технические стандарты и процедуры становятся ключевой «валютой» власти в глобальной экономике. Борьба за их установление смещается с политических переговоров в технико-юридическое поле, что ставит в неравное положение участников с разным административным и научным потенциалом. Исходя из этой перспективы, в работе выдвигается гипотеза о том, что имманентное напряжение Соглашения ТБТ между правом на регулирование и свободой торговли в контексте экологического перехода преодолевается не столько через нейтральный арбитраж, сколько через формирование системы многоуровневого управления. В этой системе правовые принципы выполняют двойную роль. С одной стороны, это универсальный язык диалога. С другой – инструмент легитимации. Практическая эффективность системы во многом зависит от того, насколько ведущие экономики могут продвигать свои регуляторные модели и технические стандарты. Поэтому экологическая повестка рискует стать новым полем торговой геополитики. Формальное

равенство сторон, закреплённое в Соглашении, вступает в противоречие с реальным дисбалансом регуляторного влияния.

Главная арена, где эта динамика становится наблюдаемой, – Комитет по техническим барьерам в торговле. Он учреждён статьёй 13 Соглашения ТБТ [46]. Комитет – не просто административный орган, а центральный форум для многосторонних консультаций. На его регулярных заседаниях с участием всех членов ВТО абстрактные правовые принципы сталкиваются с конкретными национальными мерами. Декларируемое равенство проверяется в условиях реального структурного дисбаланса регуляторных возможностей [175]. КТБТ выступает практической лабораторией, где теоретическое «имманентное напряжение» Соглашения получает институциональное разрешение.

Статья 2 Соглашения ТБТ задаёт нормативное поле, в котором напряжение между регуляторным суверенитетом и свободой торговли обретает конкретные юридические очертания. Она формирует детализированный правовой тест. В экологическом контексте центральный элемент – принцип соразмерности («тест необходимости») из пункта 2.2 [175]. Эта норма прямо признаёт охрану окружающей среды правомерной целью. Но устанавливает двойное условие: мера не должна создавать излишних препятствий торговле и должна быть соразмерна уровню риска. Предполагается обязательный поиск менее ограничительной альтернативы.

Применение этого теста усложняется из-за взаимодействия с принципом недискриминации (пункт 2.1), который запрещает дискриминацию между «подобными товарами». Центральный спор в рамках Соглашения по техническим барьерам в торговле касается критерия «подобия» применительно к процессам и методам производства. Вопрос состоит в следующем: допустимо ли дифференцировать товары, идентичные по конечным характеристикам, но различающиеся по степени экологического воздействия? В рамках данной дилеммы тест необходимости, предусмотренный пунктом 2.2, выполняет функцию критического фильтра. Даже если товары признаются «подобными», дифференцированный режим может быть оправдан исключительно при условии соблюдения критериев соразмерности и легитимности экологической цели [27].

Статья 2 Соглашения ТБТ не предлагает однозначных ответов, но задаёт рамки для высокотехнического правового диалога, в котором ключевое значение приобретают интерпретации понятий «риск», «доступная альтернатива» и «научная обоснованность». Ввиду сложности применения перечисленных материальных норм Соглашение ТБТ дополняет их процедурной архитектурой, предназначенной для урегулирования конфликтов. Первым элементом этой архитектуры выступает презумпция соответствия международным стандартам, закреплённая в пунктах 2.4 и 2.5; она создаёт «безопасную гавань» для государств-членов и тем самым стимулирует унификацию требований. Вторым элементом служат механизмы превентивной транспарентности, предусмотренные статьями 2.9-2.12 и статьёй 10, которые обеспечивают заблаговременное уведомление о проектах мер и проведение консультаций до их принятия. Третьим элементом являются принципы взаимного признания и

эквивалентности, установленные в статье 6; они направлены на устранение избыточных барьеров в торговле. Указанные инструменты объединены общей логикой: институционализировать диалог и перевести потенциальные политические споры в русло технико-юридических консультаций [46].

Однако эта тщательно выстроенная процедурная рациональность сталкивается с системной проблемой – структурным дисбалансом. Формальное юридическое равенство сторон, закреплённое в нормах о транспарентности и научном обосновании, маскирует глубинное неравенство регуляторных возможностей. Государства-члены ВТО, обладающие развитым научно-техническим и административным потенциалом, де-факто устанавливают референтные стандарты доказывания (какие данные считаются достаточными, какие стандарты – «уместными»). В результате на развивающиеся страны-экспортёры ложится непропорциональное бремя контраргументации: они вынуждены оспаривать сложные технические досье, не располагая сопоставимыми ресурсами. С точки зрения концепции регуляторного гегемонизма, контроль над процедурами становится ключом к контролю над исходом дискуссий, что рискует превратить нейтральные механизмы в инструмент нормативной асимметрии.

Для смягчения указанного структурного дисбаланса и служит Комитет по техническим барьерам в торговле (КТБТ). Он функционирует как ключевая арена многосторонней медиации, где описанные выше нормы и процедуры проходят оперативную апробацию. Через свой центральный инструмент (КТБТ) механизм конкретных торговых озабоченностей (МКТО) (КТБТ) КТБТ создаёт пространство для квазисудебного диалога. В рамках МКТО, опираясь на детальный анализ соответствия мер статьям 2.1 и 2.2 Соглашения, стороны вынуждены публично обосновывать свои позиции, что формирует прецедентное поле «мягкого права» и оказывает превентивное дисциплинирующее воздействие.

Помимо «точечного» реагирования, Комитет ведёт стратегическую работу, направленную на создание общих регуляторных подходов. Девятый трёхлетний обзор (2021 год) зафиксировал следующие приоритеты: институционализация надлежащей регуляторной практики и продвижение регуляторного сотрудничества [176]. Указанные меры направлены на превентивное сближение стандартов и снижение потенциала для конфликтов. Данная функция способствует выравниванию регуляторных возможностей посредством распространения лучших практик.

Одним из главных инструментов диалога выступает механизм уведомлений о новых мерах. В 2023 году число уведомлений превысило 4000, что представляет собой рекордный показатель и свидетельствует об активном использовании платформы для предварительных консультаций. Участники получают возможность корректировать проекты регламентов ещё до их принятия [177]. Данный механизм является наиболее прямым каналом для влияния на формирование мер на ранней стадии и доступен всем членам ВТО. Сфера действия Соглашения ТБТ определена в его Приложении 1. Из нее

исключены санитарные и фитосанитарные меры (они регулируются Соглашением СФС), а также меры в сфере услуг и госзакупок. Это подчёркивает специализированную миссию ТБТ – регулирование технических регламентов, стандартов и процедур оценки соответствия. Так минимизируются нормативные коллизии в системе ВТО.

КТБТ работает как динамичный механизм многостороннего управления. Комитет трансформирует потенциальную нормативную гегемонию в пространство постоянных переговоров. Он создаёт площадку, на которой сложные вопросы – от признания производственных методов до взаимного приёма «зеленых» сертификатов – проходят проверку в диалоге. Путём взаимных разъяснений, коллективного давления и обучения Комитет достигает процедурной легитимации экологического регулирования. Постепенно абстрактный баланс между регуляторным суверенитетом государств и свободой торговли наполняется реальным содержанием. Указанный вывод подтверждается в регулярной работе Комитета. Для детального анализа обратимся к Протоколу заседания от 25-27 июня 2025 года под председательством Стивенса (G/TBT/M/96). В этом документе зафиксированы многочисленные конкретные торговые озабоченности [178]. Приведённые в протоколе случаи демонстрируют, как экологические и связанные с ними технические меры воздействуют на международную торговлю, а также как на практике применяются рассмотренные выше принципы. Ниже представлена систематизация ключевых кейсов, поднятых на указанном заседании.

Для проверки выдвинутой гипотезы проведен качественный сравнительный анализ шести конфликтов, отобранных по критериям репрезентативности и разнообразия предмета регулирования (см. таблицу 3). Представленные кейсы образуют единый аналитический ряд, последовательно раскрывающий, как правовая аргументация в КТБТ выявляет лежащие в ее основе отношения регуляторной власти: от базового теста на соразмерность до вопроса о праве крупных рынков определять глобальные стандарты.

Проведенный сравнительный анализ шести конфликтов позволяет выявить три основных типа регуляторного дисбаланса, проявляющихся в рамках КТБТ:

– Ресурсный дисбаланс: Неравенство в научно-технических и административных возможностях для обоснования мер или контраргументации (Кейсы 1, 3, 5).

– Дисбаланс нормативной привлекательности: Способность крупных рынков делать свои стандарты де-факто глобальными, вынуждая других адаптироваться (Кейсы 2, 4, 6).

– Эпистемический дисбаланс – конфликт между различными подходами к оценке риска (например, принцип предосторожности Европейского союза versus анализ фактического воздействия), в рамках которого доминирующая методология предопределяет исход спора (кейсы 3, 5).

Последовательный анализ конкретных споров в указанной логике позволяет выявить, каким образом правовая аргументация в рамках Комитета по

техническим барьерам в торговле одновременно маскирует и реализует лежащие в её основе отношения регуляторной власти.

Таблица 3. – Примеры конкретных торговых озабоченностей (СТО), связанных с экологическим регулированием

Страна-инициатор и объект регулирования	Заявляемая правомерная цель	Ключевые озабоченности и потенциальные нарушения ТБТ	Требуемые действия / Запросы
Австралия: Ограничение антипирена DBDPE	Защита окружающей среды от стойких органических загрязнителей	Нарушение принципа необходимости (ст. 2.2): Чрезмерная строгость; отсутствие доступных технически выполнимых альтернатив.	Продление переходного периода; уточнение критериев оценки альтернатив.
Иордания: Технический регламент на текстиль	Защита здоровья людей и окружающей среды	Риск недискриминационного барьера: Отдельные требования строже международных стандартов без научного обоснования (ст. 2.4).	Гармонизация с международными стандартами для предотвращения новых барьеров.
Кувейт: Регламент о биоразлагаемых пластиках	Сокращение пластикового загрязнения	Нарушение принципа необходимости и научности (ст. 2.2): Неточность; продвижение оксоразлагаемых пластиков, спорных с научной точки зрения.	Уточнение сферы применения; исключение спорных требований.
ЕС: Правила эко-дизайна для электроники	Сокращение отходов, поддержка циркулярной экономики	Нарушение принципа необходимости (ст. 2.2): Чрезмерно строгие и обременительные требования (сроки поставки запасных частей), сдерживающие инновации.	Увеличение переходного периода; смягчение логистических требований.
ЕС: Переклассификация масла чайного дерева как токсина	Защита здоровья потребителей	Нарушение принципа необходимости и научности (ст. 2.2): Обоснование на нерелевантных исследованиях; непропорциональные торговые последствия.	Отсрочка для дополнительных исследований, релевантных фактическому использованию.
Китай: Обновление стандарта RoHS для электроники	Защита здоровья людей и окружающей среды	Запросы по транспарентности и предсказуемости (ст. 2.9-2.12): Уточнение правового статуса, сроков и достаточности переходного периода.	Чёткое уведомление о сроках принятия и вступления в силу меры.
Примечание: составлено автором исследования на основании данных Протокол заседания КТБТ за 2025 г.			

Например, кейс связанный с ограничением антипирена DBDPE (Австралия – Республика Корея) [179] иллюстрирует применение теста необходимости (статья 2.2 Соглашения ТБТ) к экологической мере. Австралия, исполняя обязательства по Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях, уведомила о запрете опасного антипирена DBDPE (уведомление G/TBT/N/AUS/181). Республика Корея не оспаривала экологическую цель австралийской меры. Корейская сторона, возражая, сослалась на нарушение принципа пропорциональности: для отраслей, имеющих критическое значение, не существовало технически и коммерчески доступных альтернатив. При таких обстоятельствах введённый запрет превращался в чрезмерное ограничение торговли. В ходе диалога в рамках Комитета по техническим барьерам в торговле

Австралия согласилась пересмотреть переходные периоды, что позволило частично снять возникшие торговые озабоченности. Итог этого эпизода демонстрирует, что КТБТ через механизм Специальных торговых озабоченностей (СТО) выполняет функцию площадки для превентивного урегулирования. Потенциальный спор переводится в русло конструктивного обсуждения менее обременительных альтернатив, а мера корректируется ещё до её вступления в полную силу.

Более сложный вопрос – нормативную легитимность и гармонизацию требований в соответствии со статьёй 2.4 Соглашения ТБТ – затрагивает конфликт, зафиксированный под номером G/TBT/N/JOR/56 [178, p. 15]. Иордания разработала регламент на основе строгих норм ЕС (REACH), а не международных стандартов ISO. Китай оспорил это как создание непредсказуемого барьера. Производители, ориентированные на глобальные стандарты, вынуждены адаптироваться к новому региональному эталону. Обсуждение в рамках КТБТ выявляет, с одной стороны, право государства-члена устанавливать высокий уровень защиты, а с другой – обязанность минимизировать торговые издержки посредством гармонизации. Комитет превращается в форум, где экологическая цель сталкивается с задачей сохранения предсказуемости мировой торговли.

Кейс [178, p. 17] акцентирует критерий научной обоснованности, который неразрывно связан с тестом необходимости (статья 2.2 Соглашения ТБТ). Кувейт предложил меры по продвижению биоразлагаемых пластиков (уведомление G/TBT/N/KWT/698). Европейский союз раскритиковал данную меру ввиду её внутренней противоречивости: предложение включало продвижение оксоразлагаемых пластиков, экологическая безопасность которых уже была научно опровергнута. В итоге диалог переместился с обсуждения самой цели (борьбы с загрязнением) на оценку качества доказательной базы. Комитет по техническим барьерам в торговле через механизм конкретных торговых озабоченностей реализует дисциплинирующую функцию: государство, вводящее регулирование, обязано обеспечить научную обоснованность и правовую определённость принимаемых экологических мер.

Спор, зафиксированный на странице 21 протокола [178], демонстрирует качественный сдвиг: здесь речь идёт уже не об отдельном техническом барьере, а о системообразующем регуляторном режиме. Правила Европейского Союза, в частности Регламент 2023/1670 [180], предписывают длительную (многолетнюю) доступность запасных частей. Индия оспорила эти правила (уведомление G/TBT/N/EU/918), сочтя их чрезмерно обременительными и непропорциональными поставленной цели, что противоречит статье 2.2 Соглашения ТБТ. По существу, указанные нормы диктуют условия организации глобальных производственно-сбытовых цепочек. Вопрос, вынесенный на обсуждение в КТБТ, вышел за рамки оценки конкретного товара и затронул распределение издержек, связанных с экологическим переходом, а также роль ведущих рынков в установлении глобальных производственных стандартов.

Комитет становится редкой площадкой для открытой дискуссии о границах регуляторного воздействия во взаимосвязанной экономике.

Кейс [178, p. 23] представляет собой методологический конфликт на стыке принципа предосторожности и теста необходимости. Австралия и другие страны не оспаривали экологическую цель ЕС. Они оспорили научную методологию, по которой масло классифицировали как токсин. Ключевой аргумент: применённый принцип предосторожности основан на исследованиях, нерелевантных для реальных условий использования. Тем самым он вступил в противоречие с требованием наименее ограничительной альтернативы (статья 2.2). ЕС занял жёсткую позицию, апеллируя к собственному «научному консенсусу». Это продемонстрировало пределы диалога в КТБТ, когда спор касается фундаментальных расхождений в эпистемологических и регуляторных подходах к оценке риска.

В отличие от конфликтных сценариев, кейс, зафиксированный в уведомлении G/TBT/N/CHN/1952 [178, p. 29], демонстрирует стратегию легитимации через гармонизацию и процедурную безупречность. Китай уведомил об ужесточении национального стандарта, гармонизировав его с нормами Европейского союза (RoHS/REACH). При этом были предусмотрены длительные переходные периоды. В итоге запросы других членов ВТО свелись к уточнению процедур транспарентности (статьи 2.9–2.12 Соглашения ТБТ), а не к оспариванию содержания меры. КТБТ, в свою очередь, легитимирует меры, которые, будучи строгими, встраиваются в существующий глобальный тренд стандартизации. Эффективная экологическая политика в рамках ВТО достигается здесь не через конфронтацию, а через стратегическую конвергенцию с доминирующими регуляторными подходами. Соблюдение процедур Соглашения ТБТ становится ключевым фактором снижения торговой напряженности.

Правовой каркас, опосредующий напряжение между экологическим императивом и свободой трансграничного движения товаров, составляет Соглашение ВТО по техническим барьерам в торговле. Его нормативное значение заключается не в запрете экологического регулирования, а в его легитимации посредством процедурной рационализации. Соглашение (особенно статья 2) превращает акт национального регуляторного суверенитета в предмет структурированного международно-правового диалога. Оно устанавливает юридические критерии: необходимость, научную обоснованность, недискриминацию и транспарентность. В результате создаётся не статичный набор правил, а динамичное правовое пространство, в котором любая экологическая мера может быть проверена на предмет скрытого протекционизма, а её цель – защищена как правомерная.

Институциональным двигателем описанной системы выступает Комитет по техническим барьерам в торговле. Он функционирует в качестве площадки для многостороннего превентивного управления, сочетая три взаимосвязанные функции. Первая – квазисудебное разрешение конкретных торговых озабоченностей. Вторая – стратегическое сближение национальных стандартов.

Третья – обеспечение превентивной транспарентности. Указанный триединый механизм позволяет оперативно проверять на практике применимость абстрактных нормативных положений.

Сравнительный анализ кейсов, рассмотренных в рамках КТБТ, свидетельствует, что система работает как критический фильтр. С одной стороны, она выявляет и корректирует меры, нарушающие баланс интересов – например, чрезмерную строгость при запрете DBDPE или методологически необоснованную классификацию масла чайного дерева. С другой стороны, она легитимирует меры, гармонизированные с международными подходами, как в случае китайского стандарта RoHS. При этом данный фильтр не является абсолютно проницаемым, его работа носит структурированный характер. Он эффективно узаконивает меры, следующие доминирующему (как правило, западноевропейскому) тренду гармонизации. Одновременно он создаёт высокий барьер для мер, отклоняющихся от этого тренда и не подкреплённых сопоставимыми научно-техническими ресурсами, что наглядно демонстрируют регламенты Иордании и Кувейта. Итоговый баланс представляет собой не статичный компромисс, а динамичный процесс нормативной конвергенции под влиянием наиболее мощных регуляторных юрисдикций.

Таким образом, институциональная инфраструктура Соглашения ТБТ и КТБТ служит не столько нейтральным арбитром, сколько ареной и инструментом конкурентного формирования глобальных экологических стандартов. Проведённый анализ позволяет прогнозировать, что по мере ужесточения экологической повестки КТБТ столкнётся с растущим числом споров эпистемологического характера (подобных делу о масле чайного дерева), в рамках которых правовые нормы будут использоваться для защиты не конкретных мер, а целых регуляторных философий. В этих условиях перспектива устойчивого баланса будет зависеть от развития в рамках Комитета не просто диалога, а инклюзивных механизмов совместной выработки стандартов и признания эквивалентности различных научных подходов. В противном случае процедурная рационализация Соглашения ТБТ может превратиться в инструмент новой формы экологического нормативного протекционизма, ведущего к фрагментации системы многосторонней торговли.

2.4 Соглашение СФС: границы научной обоснованности экологических мер

Защита жизни и здоровья человека, животных и растений представляет собой неотъемлемое право и обязанность государств в рамках их суверенной юрисдикции. Во исполнение указанной обязанности государства принимают нормативные акты, направленные на защиту населения и биологических ресурсов от рисков, возникающих при обращении пищевой и сельскохозяйственной продукции. Согласно типологии, предложенной Превостом и Босше, меры, призванные охранять здоровье людей и животных (санитарные) либо здоровье растений (фитосанитарные), объединяются под

общим наименованием санитарных и фитосанитарных мер и характеризуются значительным многообразием конкретных форм [28, p. 233].

Это разнообразие находит свое конкретное воплощение в широком спектре инструментов: от установления предельно допустимых уровней остатков токсинов, процедур одобрения пищевых добавок и карантинных требований до специфических правил маркировки, регулирования процессов производства, а также требований к инспекции, сертификации или прямых запретов. Все они подпадают под расширительное толкование СФС-мер, совместно формируя многослойный и потенциально обременительный регуляторный периметр, который неизбежно влияет на трансграничное движение товаров.

Однако данный регуляторный периметр не является статичным. Его динамика развития в последние десятилетия характеризуется экспоненциальным ростом числа СФС-мер. Как отмечают эксперты, данная тенденция является следствием действия трех взаимосвязанных факторов. Во-первых, это объективное усложнение профиля рисков, обусловленное, с одной стороны, технологическими инновациями в агросекторе (пестициды, ГМО, добавки), а с другой – ростом импорта из регионов с менее развитой контрольно-надзорной инфраструктурой. Во-вторых, ключевую роль играет субъективный фактор – растущие запросы информированных потребителей в развитых странах на максимально безопасные продукты. В-третьих, невозможно игнорировать политико-экономический драйвер – давление национальных агропромышленных лобби, стремящихся использовать регуляторику как инструмент конкурентной борьбы в условиях либерализованной торговли [28, p. 233].

Совокупное действие этой триады факторов имеет далеко идущие последствия. Непосредственным следствием становится не только усложнение, но и всё более ощутимая политизация доступа на рынки. Это превращает национальные СФС-регуляторы в привратников глобальных рынков, чьи решения балансируют на грани законной осторожности и скрытого протекционизма. СФС-регулирование оказывает все более значимое, а зачастую и решающее воздействие на глобальные товаропотоки, что особенно критично в контексте растущих объёмов и географического разнообразия мировой торговли продовольствием. В результате возникает ключевая институциональная и аналитическая дилемма, заключающаяся в необходимости проведения тонкой границы между законными мерами, продиктованными искренней заботой о здоровье, и скрытым протекционизмом, маскирующимся под благие цели. Перед мировым сообществом встала задача возвести правовую и институциональную архитектуру, которая, признавая суверенный фундамент санитарной защиты, не не позволяла бы ему превращаться в неоправданное ограничение торговли.

Именно для разрешения этого фундаментального противоречия между неоспоримым регуляторным суверенитетом и принципами свободной торговли в рамках ВТО и было разработано специальное Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер, выступающее центральным правовым

каркасом для данной сферы. При этом важно отметить, как указывает С. Суппан, что «Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер было разработано прежде всего с целью содействия международной торговле, а не в качестве соглашения в области охраны общественного здоровья. В совокупности с Соглашением по техническим барьерам в торговле оно направлено на поиск баланса между необходимостью применения стандартов и предотвращением их использования в форме скрытого протекционизма»[47]. Следовательно, Соглашение СФС призвано выполнять функцию правового механизма, обеспечивающего равновесие между регуляторным суверенитетом государств и свободой торговли. Вместе с тем сам по себе правовой каркас не разрешает конфликт, а лишь определяет его границы и процедурные правила ведения.

Для понимания природы споров, порождаемых Соглашением СФС, и реальной динамики их разрешения необходимо обратиться к анализу его внутренней архитектуры и институциональных механизмов. Анализ данной архитектуры целесообразно начать с её концептуального отграничения от родственного режима ТБТ, которое было проведено в предыдущем параграфе. Если Соглашение ТБТ охватывает широкий спектр технических регламентов и стандартов, включая меры общей экологической направленности, то Соглашение СФС фокусируется на узкой, но критически значимой области – защите жизни и здоровья человека от конкретных биологических и химических рисков, связанных с продукцией.

Эта специализация определяет уникальный, более жёсткий и научно-ориентированный правовой режим СФС. Именно внутренние особенности этого режима и формируют тот самый «напряжённый баланс интересов». Конструкция этого баланса раскрывается в нескольких ключевых принципах Соглашения. Каждый из них призван служить «процедурным фильтром», отсеивающим произвол, но при практическом применении обнаруживает собственную противоречивость и становится новой точкой напряжённости:

1. Абсолютизация научного обоснования как «золотого стандарта» легитимности

В Соглашении СФС действует иная логика, чем в ТБТ. Статьи 2.2 и 5.1 не допускают гибкого теста соразмерности. Научная обоснованность здесь возведена в ранг абсолютного требования [47]. Любая мера должна опираться на научные принципы. Без достаточных доказательств она не может быть поддержана.

Этот высокий порог легитимации создаёт системные проблемы. Главный вопрос: что считать «достаточными» доказательствами, когда научная неопределённость сохраняется? Оценка риска (статья 5) – ключевая процедура. Формально она должна учитывать экологические условия (пункт 5.2). На практике же оценка риска часто превращается в поле методологических споров.

Временное решение предусмотрено в пункте 5.7 – это принцип предосторожности. Но он сформулирован как исключение. Тем самым подчёркивается жёсткость основного правила [47]. Наука провозглашена

объективным арбитром. Однако на деле она сама становится предметом стратегических споров и инструментом нормативного давления.

2. Гармонизация посредством международных стандартов: модель «безопасной гавани» с возможностью изъятий. Соглашение СФС создаёт сильный импульс к унификации правил: меры, соответствующие стандартам Комиссии «Кодекс Алиментариус» [181], Всемирной организации по охране здоровья животных (ВОЗЖ) [182] и Международной конвенции по карантину и защите растений (МККЗР) [183], признаются de jure правомерными (пункт 3.2). Главный узел противоречий, однако, сосредоточен в пункте 3.3, который предоставляет государствам право устанавливать более высокий уровень защиты [47]. Загвоздка в следующем: реализация этого суверенного полномочия требует научного обоснования, которое по своей доказательной силе нередко превосходит то, что заложено в основу самих международных стандартов. Вследствие этого «безопасная гавань», создаваемая гармонизацией, на практике стимулирует сближение подходов, тогда как право на отступление превращается в юридически рискованный и затратный инструмент, доступный преимущественно развитым экономикам. Возникает противоречие: механизм, ориентированный на единообразие, одновременно узаконивает и регламентирует отход от него, закрепляя преимущество за теми, кто способен финансово и экспертно обеспечить обоснование таких отступлений.

3. Эквивалентность и региональность: принципы, признающие разнообразие, но требующие доказывания

Принцип эквивалентности (статья 4) и принцип адаптации к региональным условиям (статья 6) на первый взгляд выглядят прогрессивно. Они учитывают экологическое и эпидемиологическое разнообразие [47]. Но на практике реализация упирается в асимметрию. Доказывать эквивалентность своей меры или статус «свободной зоны» обязана страна-экспортёр. Для развивающихся стран это непропорциональное бремя. У них нет сопоставимого научно-административного ресурса. Формально принципы справедливы, но фактически могут усугублять структурное неравенство.

4. Четкое, но проницаемое разграничение с ТБТ: проблема «двойной подсудности»

Статья 1.4 проводит формальную границу. Меры против рисков здоровью – сфера СФС. Меры, касающиеся качества, этикеток, экологии – сфера ТБТ. На практике возникает серая зона «двойной подсудности». Пример: регулирование остатков пестицидов можно трактовать и как меру защиты здоровья, и как аспект экологической маркировки. У сторон спора появляется стратегическая возможность выбирать более удобный правовой режим. Это подрывает предсказуемость системы.

Как точно отмечает Суппан, Соглашение СФС существенно ужесточило дисциплину по сравнению с ГАТТ, введя требование «достаточных научных доказательств» (ст. 2.2) [184]. Однако, как показывает анализ, ключевой вызов лежит не в тексте норм, а в практике их применения. Требование основывать более строгие меры на оценке риска (ст. 5) на деле трансформировалось в

чрезвычайно высокий доказательный порог, установленный практикой ОРС. В итоге, СФС-Соглашение, будучи образцом технократического подхода, не смогло полностью нейтрализовать политико-экономическую подоплеку торговых конфликтов. Оно лишь перенесло спор из плоскости открытого протекционизма в более изощренную плоскость научной методологии и оценки риска.

Для управления этим перманентным конфликтом интерпретаций и был создан Комитет по санитарным и фитосанитарным мерам. Соглашение СФС закрепило статичные нормативные рамки, тогда как Комитет по санитарным и фитосанитарным мерам (КСФМ) был создан в качестве постоянно действующей площадки, на которой абстрактные правовые нормы проходят апробацию, подвергаются оспариванию и наполняются практическим содержанием. Вместе с тем, как уже отмечалось, эта площадка не свободна от асимметрии. Развитые государства, обладая экспертной гегемонией, фактически определяют критерии «добросовестной науки». Тем самым КСФМ превращается не только в форум для диалога, но и в институт, через который осуществляется нормативное влияние [185].

Указанная ситуация хорошо согласуется с теорией режимной сложности. В рамках единого правопорядка ВТО формальное равенство государств-членов декларируется, однако реальное доминирование принадлежит тем акторам, которые через смежные режимы (например, Кодекс Алиментариус, Международное эпизоотическое бюро) задают содержание ключевых норм – в частности, критерии того, что следует считать «добросовестной наукой». Вместе с тем эффективность Комитета как превентивного механизма напрямую зависит от качества информации.

Ключевой элемент здесь – режим прозрачности, построенный на обязательных уведомлениях (нотификациях). Уведомления не просто информируют. Они структурируют повестку самого Комитета. Благодаря этому Комитет из реактивного органа трансформируется в институт, способный превентивно выявлять тенденции и точечно управлять рисками. Кроме того, поток уведомлений выполняет не только техническую, но и сигнальную функцию, в реальном времени отражая глобальные регуляторные тенденции и зоны напряжённости. В 2024 году зафиксировано рекордное число уведомлений – 2147. Резко выросла доля развивающихся стран, особенно африканских (28%). Указанные данные свидетельствуют о двух взаимосвязанных процессах. Первый: страны, которые ранее были пассивными участниками системы, активно интернализируют нормы СФС-режима. Второй: растёт регуляторный потенциал этих стран, что меняет традиционную динамику, в рамках которой инициатива исходила преимущественно от развитых экономик.

Анализ уведомлений позволяет выявить приоритеты глобального регулирования. Безопасность пищевых продуктов доминирует в регулярных уведомлениях (66%) – это область постоянного нормотворческого процесса и конкурентного установления стандартов. Здоровье животных, напротив, составляет 93% экстренных уведомлений: здесь реакция на кризисы является

оперативной и зачастую политизированной. Указанная дихотомия формирует двухуровневую карту рисков. Первый уровень – долгосрочные, системные вызовы безопасности цепочек поставок. Второй – острые, конъюнктурные эпизоотические угрозы. Прозрачность через уведомления не просто информирует, но и структурирует поле потенциальных конфликтов, позволяя Комитету фокусировать диалог на наиболее проблемных точках, выявленных эмпирически.

Непосредственным полем, в котором информация преобразуется в разрешение споров, выступает обсуждение конкретных торговых проблем (КТП). В 2024 году на Комитет вынесено рекордное количество КТП – 80, из них 23 новых. Это свидетельствует о центральной роли Комитета как первичной и предпочтительной арены для урегулирования разногласий. КТП представляет собой ключевой оперативный инструмент КСФМ по деэскалации конфликтов, действующий в формате досудебной медиации. Под коллективным давлением и при содействии Председателя стороны могут достичь компромисса, избежав дорогостоящих и конфронтационных разбирательств в Органе по разрешению споров.

С 1995 года 58% КТП сообщаются как урегулированные или частично урегулированные, что подтверждает эффективность диалогового формата по сравнению с официальным механизмом разрешения споров. Категории вновь заявленных конкретных торговых озабоченностей (безопасность пищевых продуктов, здоровье животных) соответствуют основным предметным областям уведомлений о мерах, направляемых государствами-членами в Комитет по СФС во исполнение требований о транспарентности Указанное обстоятельство замыкает функциональный цикл, состоящий из следующих последовательных стадий: во-первых, государства реализуют нормотворческую деятельность путём направления уведомлений; во-вторых, на основе этих уведомлений возникают конкретные торговые озабоченности, фиксирующие наличие коллизии; в-третьих, стороны вступают в диалог и предпринимают меры по поиску решения [186].

Система, учреждённая Соглашением СФС, представляет собой многоуровневый механизм управления конфликтами, отличающийся сложностью и устойчивостью. Её основу составляет не статичная совокупность нормативных предписаний, а динамический процесс. Правовые коллизии — между требованием научной обоснованности и регуляторным суверенитетом, между гармонизацией и правом на исключения — разрешаются через практику взаимодействия в рамках Комитета. Фундаментом данного процесса служит прозрачность (система уведомлений), а инструментом снятия напряжённости — институционализированный диалог (механизм конкретных торговых озабоченностей).

Формализованным выражением указанной логики выступает многоступенчатый набор процедур, находящийся в распоряжении Комитета (Таблица 4). Указанные процедуры образуют гибкую систему последовательного наращивания мер реагирования: от технических

консультаций к политическому давлению и, в крайнем случае, к судебному разбирательству. Система, представленная в Таблице 4, является не абстрактной схемой, а действующим операциональным механизмом. Он активируется и обретает форму в процессе разрешения конкретных торгово-экологических конфликтов. Анализ практики (в частности, протоколов заседаний, например, отчёта G/SPS/R/117) подтверждает: каждая процедура служит специфическим инструментом для управления «системной фрагментацией». Речь идёт о глубоких различиях в научных оценках, регуляторных подходах и процедурных требованиях, которые лежат в основе большинства экологических ограничений в торговле [187].

Таблица 4. – Многоступенчатая система процедур Комитета

Процедурная цель	Правовая основа	Применение, функция и эффект
1. Запрос информации / комментариев (Запрос в контрольную точку, комментарий к уведомлению)	Ст. 7, Прил. B Соглашения СФС; Рек. процедуры (G/SPS/7)	Досудебный, технический; первый этап для прояснения и обеспечения прозрачности. Снижает информационную асимметрию и вертикальную фрагментацию, устраняет конфликты, вызванные непониманием меры.
2. Двусторонние консультации (Встречи на полях Комитета, технические переговоры)	Общая практика; Ст. 4.2, 12.2 Соглашения СФС	Досудебный, дипломатический; гибкий формат для поиска взаимоприемлемого решения. Содействует горизонтальной координации режимов, предотвращает публичную эскалацию конфликта.
3. Многосторонние консультации в Комитете СФС (Поднятие Конкретной торговой озабоченности (STC), обсуждение в рамках спец. повестки)	Регламент Комитета (G/SPS/1); Процедуры по СФС (G/SPS/61)	Публично-политический; создает коллективное давление через прозрачное обсуждение. Материализует столкновение интерпретаций, легитимизирует или оспаривает позиции стран, усиливая нормативное напряжение.
4. Фасилитация Председателя Комитета («Добрые услуги»)	П. 6 Регламента Комитета (G/SPS/1); Процедура (G/SPS/61)	Медиационный, неформальный; способствует диалогу между сторонами. Институциональный инструмент для преодоления системной фрагментации, помогает находить мост между конфликтующими правопорядками.
5. Обращение к международным стандартам и органам (Запрос эквивалентности, признание региональности, медиация МККЗР/ВОЗЖ)	Ст. 3, 4, 6 Соглашения SPS; Стандарты Кодекс, МККЗР, ВОЗЖ	Технико-экспертный; апелляция к внешнему научному и нормативному авторитету. Гармонизирует спорные положения, переводит конфликт из политической плоскости в научно-техническую.
6. Обращение в Орган по разрешению споров ВТО (Консультации, создание группы экспертов)	Договорённость о правилах и процедурах; Ст. 11 Соглашения SPS	Судебно-правовой, обязательный; окончательная арбитрация спора. Снимает неопределенность через судебное решение, но может усилить системные противоречия между правопорядками.
Примечание: составлено автором исследования на основании данных КСФМ ВТО за 2025 г.		

Эта система проявляет гибкость, предлагая различные комбинации инструментов в зависимости от типа и остроты конфликта, что раскрывает динамичную и адаптивную природу всего механизма. Эффективность этой «лестницы процедур» проверяется на практике. Анализ конкретных торговых споров показывает, на каком уровне (научном, процедурном, ценностном)

возникает фрагментация и какие именно инструменты из арсенала Комитета привлекаются для ее смягчения или, как часто бывает, почему они оказываются недостаточными.

Практические примеры демонстрируют проявления фрагментации на различных уровнях и способы ее преодоления с помощью процедур Комитета. Первый случай – длительный спор об ограничениях на ввоз пищевых продуктов после аварии на АЭС «Фукусима-1» [188]. Конфликт, возникший на основании права на временные предупредительные меры (статья 5.7 Соглашения СФС), впоследствии трансформировался в разногласие относительно постоянных барьеров, которые, по утверждению Японии, лишены надлежащего научного обоснования (статьи 2.2 и 5.1 Соглашения СФС). В этом деле проявился фундаментальный аспект фрагментации – расхождение в оценке рисков и в интерпретации научных данных. Для разрешения спора Япония последовательно использовала следующие процедуры: направление запросов о предоставлении информации, обращение к авторитету Международного агентства по атомной энергии (с целью перевода дискуссии в техническую плоскость) и, в крайних случаях, задействование механизма Органа по разрешению споров. Указанный пример показывает, как процедурный механизм Комитета работает с коллизиями, обусловленными эпистемологической неопределённостью и различиями в подходе к принципу предосторожности [186, p. 6]. Таким образом, рассмотренный спор иллюстрирует функционирование системы процедур Комитета при фрагментации, возникающей на уровне научных оценок и подходов к риску.

Японский кейс показывает фрагментацию на уровне научных парадигм. Конфликт между Гватемалой и Китаем (ID 605) из-за фитосанитарных сертификатов на кофе обнажает иной срез проблемы – системный разрыв на инструментальном и процедурном уровнях имплементации права. В данном случае техническая формальность сама превратилась в барьер. Гватемала утверждала: Китай ввёл новые требования к фитосанитарным сертификатам на кофе без своевременного уведомления. Тем самым нарушены принципы прозрачности (статья 7 и Приложение B Соглашения СФС). Кроме того, мера оказалась более ограничительной для торговли, чем необходимо (статья 5.6).

Двусторонние консультации результата не дали – ответа от Китая не последовало. Гватемале пришлось эскалировать спор. Она вынесла его на публичное обсуждение в Комитет по СФС в формате конкретной торговой проблемы (СТО). Этот случай обнажает системную уязвимость: малые экономики вынуждены прибегать к публичной конфронтации, чтобы восстановить соблюдение элементарных процедурных правил [186, p. 9]. Таким образом, кейс иллюстрирует фрагментацию не в сфере научных стандартов, а в области повседневных административных практик и их взаимного признания, когда рутинная фитосанитарная формальность становится точкой напряженности, требующей вмешательства Комитета по СФС для восстановления элементарных правил процедуры.

Третий тип конфликтов выводит фрагментацию на уровень регуляторных философий и ценностных установок. Ярким примером служит спор, в котором Индия оспаривала превентивные меры Таиланда по контролю содержания афлатоксина в арахисе и другим требованиям. Индия утверждала, что, несмотря на формальное соответствие предельным уровням, установленным Кодексом Алиментариус (20 мкг/кг), данные меры создают неоправданные барьеры за счёт обременительных процедур (например, требования к экспортёрам предоставлять свидетельства о контроле на уровне каждого производителя)[186, p. 10].

Правовая позиция Индии основывалась на том, что указанные меры не имеют адекватного научного и экономического обоснования, являются более ограничительными для торговли, чем необходимо, и, следовательно, нарушают статьи 2.2 и 5.6 Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер. Таиланд, в свою очередь, защищал свои меры как недискриминационные и основанные на оценке риска для защиты здоровья человека. Данный спор, в рамках которого обсуждение конкретных торговых проблем (КТП, или STC) служило лишь ареной для столкновения принципиально различных подходов – «ориентированного на риск» (risk-based) и «ориентированного на опасность», – выявляет системные пределы процедурного механизма ВТО, а именно неспособность последнего разрешить ценностные расхождения в условиях кризиса системы обязательного разрешения споров [189].

Масштабный конфликт по поводу политики Европейского союза в области максимальных уровней остатков пестицидов (ID 448 и связанные с ним конкретные торговые озабоченности) наглядно демонстрирует ценностную фрагментацию. Этот конфликт вышел за пределы технических расхождений и обнажил принципиальное разногласие в толковании Соглашения СФС.

Коалиция государств во главе с Бразилией, США и Индией заявила о следующих нарушениях со стороны ЕС. Первое нарушение: снижение максимальных уровней остатков до предела обнаружения при отсутствии законченной оценки риска. Это противоречит требованию научного обоснования, установленному статьями 2.2 и 5.1 Соглашения СФС. Второе нарушение: отказ гармонизировать указанные уровни с действующими стандартами Кодекса Алиментариус. При этом ЕС не представил научных доказательств недостаточности этих стандартов. Такие действия нарушают принцип гармонизации, закреплённый в статьях 3.1 и 3.3 Соглашения СФС. Третье нарушение: установление чрезмерно жёстких норм, которые несоразмерны выявленному риску. Это делает меры более обременительными для торговли, чем необходимо, что противоречит статье 5.6 Соглашения СФС.

Особую правовую неопределенность вызывает использование максимальных уровней остатков в экологических целях (например, для защиты опылителей). Оппоненты расценивают такие меры как экстерриториальное применение норм, выходящее за пределы целей, разрешённых Приложением А к Соглашению СФС. По мнению истцов, подобная практика создаёт прецедент «зелёного протекционизма».

В ответ Европейский союз апеллирует к своему суверенному праву устанавливать более высокий уровень защиты (статья 3.3) и ссылается на принцип предосторожности. При этом прямое применение данного принципа в рамках Соглашения СФС ограничено условиями статьи 5.7. В данном конфликте сталкиваются две регуляторные философии: подход, основанный на оценке риска, и подход, ориентированный на опасность. В результате площадка Комитета по санитарным и фитосанитарным мерам перестает быть форумом для диалога и превращается в арену нормативной конфронтации. Каждая из сторон использует процедуру КТП не для поиска компромисса, а для легитимации собственной правовой позиции. Европейский союз отвечает ссылками на длительные внутренние переоценки (например, по тиаклоприду – до 2027 года). Тем самым правовой тупик институционализируется.

Кризис Апелляционного органа ВТО лишает истцов эффективного механизма принудительного разрешения спора. Европейский союз сохраняет оспариваемые меры, а малые экономики несут непропорциональное бремя адаптации[186, p. 14]. Указанный пример демонстрирует, что когда конфликт достигает уровня ценностных расхождений и отсутствия политической воли к компромиссу, процедурные механизмы оказываются недостаточными и лишь фиксируют наличие тупиковой ситуации.

Соглашение СФС и его институциональный механизм представляют собой сложную систему управления перманентным конфликтом. Указанный конфликт порождается столкновением суверенного права государств на защиту здоровья человека с принципами свободы международной торговли. Многосторонняя система не устраняет глубинных противоречий, но институционализирует их: противостояние переносится из политической области в сферу технических консультаций и научных дискуссий.

Соглашение СФС, при всей сложности его нормативной конструкции, внутренне непоследовательно. Ключевые принципы этого документа – безусловный приоритет научной обоснованности, гармонизация, сопряжённая с правом на отступление, а также эквивалентность – на практике создают напряжённый баланс. Зачастую такой баланс оборачивается асимметрией. Высокие стандарты доказывания и ресурсоёмкие процедуры фактически благоприятствуют государствам с развитой экономикой, поскольку только они располагают необходимым научно-административным потенциалом. Тем самым в рамках мировой торговли воспроизводится структурное неравенство.

Центральным элементом рассматриваемой системы выступает Комитет по санитарным и фитосанитарным мерам, который выполняет функцию многоцелевого механизма управления конфликтами. Режим прозрачности (система уведомлений) в сочетании с диалоговой площадкой (механизм конкретных торговых озабоченностей) позволяет на превентивной основе выявлять точки напряжённости и вырабатывать взаимоприемлемые компромиссы. Многоступенчатая система процедур – от запросов информации до «добрых услуг» председателя – демонстрирует гибкость и адаптивность. Конфликты, вызванные непониманием или техническими расхождениями,

успешно смягчаются. Также эффективность этой системы ограничена. Она сталкивается с глубокой системной фрагментацией – принципиальными расхождениями в научных парадигмах, регуляторных философиях и ценностных установках. Кейсы с предупредительными мерами (Фукусима), экстратерриториальным применением экологических норм (политика ЕС по пестицидам), разными подходами к оценке риска (афлатоксин) обнажают границы компетенции механизма ВТО. В условиях кризиса системы обязательного разрешения споров Комитет по СФС часто превращается в арену для легитимации конфликтующих позиций, а не для их разрешения. Тупиковые ситуации консервируются.

Система СФС/КСФМ воплощает извечное противоречие либерального миропорядка. С одной стороны, космополитическая цель – свободная торговля как общее благо. С другой – коммунитарная практика: защита своего сообщества как высший приоритет суверена. Система не разрешает это противоречие. Она делает его предметом постоянных, ритуализированных переговоров. Перспективы системы зависят от её способности эволюционировать. Нужна большая инклюзивность, учёт возможностей развивающихся стран, поиск механизмов для легитимного урегулирования конфликтов. Речь о конфликтах, которые проистекают не из злоупотреблений, а из подлинных различий в допустимом уровне риска и регуляторных приоритетах.

3 ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ЕС, ШОС И ЕАЭС

3.1 Модель Европейского Союза: наднациональное правопринуждение и экстерриториальное действие экологических стандартов

Европейский Союз, будучи крупнейшим торговым блоком мира с долей в мировой торговле около 16%, обладает уникальной способностью формировать глобальные нормативные тренды [31, p. 4]. Эта нормативная сила коренится в его тройственной природе: ЕС одновременно является крупнейшим в мире единым рынком, значительной торговой державой и самопровозглашенным глобальным «зеленым лидером», обладающим развитой экологической стратегией. Данный статус институционально подкреплен распределением компетенций: Союз обладает исключительной компетенцией в сфере торговой политики и совместной компетенцией в сфере экологической политики, причем последняя была «коммунитаризирована» в такой степени, что «более 80 %» внутреннего экологического законодательства его 27 государств-членов в настоящее время инициируется на наднациональном уровне [29, p. 210]. Однако эта же институциональная монолитность создает «демократический дефицит» экстернализации: нормы, выработанные в сложном диалоге европейских институтов, предстают для внешних партнеров как безальтернативные диктаты, что подпитывает обвинения в нормативном империализме.

Такой подход ЕС не является следствием единичной политики, а представляет собой логическое развитие его уникальной позиции на мировой арене. Именно сочетание экономического веса, регуляторного единства и политических амбиций позволило Евросоюзу выработать наиболее комплексный в мире подход к управлению взаимосвязью экологии и торговли, систематически используя торговую политику для продвижения так называемых «неторговых интересов» [30, p. 624]. Данный подход можно назвать стратегией «регуляторного экстернализма». Внутренние политические приоритеты (например, European Green Deal) целенаправленно превращаются в обязательные условия для участия в международной экономике. По масштабу и глубине у этой стратегии нет аналогов среди других крупных региональных объединений. В НАФТА экологические аспекты остаются в рамках параллельных соглашений. В МЕРКОСУР они носят декларативный характер. ЕС же создал целостную правоприменительную экосистему.

Раньше эта стратегия позволяла превращать экологические стандарты ЕС в де-факто глобальные нормы. Партнеры стремились сохранить доступ к единому рынку – это был ключевой стимул [32, p. 631]. Однако в последние годы механизм качественно изменился. Прежде гармонизация часто происходила добровольно. Новые инструменты, такие как Механизм углеродной корректировки на границе, представляют собой целенаправленную и принудительную экстернализацию стандартов. Произошел переход от

пассивного «притяжения» рынка к активной «нормативной гегемонии» [32, p. 631]. Это закономерно вызывает сопротивление партнеров и обвинения в «зелёном протекционизме». Споры регулярно выносятся в Орган по разрешению споров ВТО.

Современная климатическая политика крупных экономик, включая ЕС, часто сочетает амбициозные цели с требованиями местного содержания и масштабными внутренними субсидиями. По оценкам МВФ, такие меры могут противоречить принципам недискриминации ВТО. Параллельное внедрение трансграничных углеродных механизмов (механизм углеродной корректировки на границе, МУКГ, в Европейском союзе) усиливает восприятие таких мер в качестве потенциального протекционистского инструмента [190]. Основной ареной, на которой осуществляется поиск баланса между охраной окружающей среды и либерализацией торговли, выступает сама системная напряжённость между односторонним регулированием ЕС и многосторонней торговой системой. Данная напряжённость обусловлена ключевой асимметрией в восприятии: для Европейского союза его стандарты представляют собой закономерный результат внутреннего демократического и правового процесса; для торговых партнёров они зачастую являются императивом, навязанным извне. Указанный подход игнорирует принцип «общих, но дифференцированных обязанностей» и создаёт непропорциональное бремя для развивающихся стран.

Отмеченная сложная динамика обусловливает растущий интерес к критическим подходам в анализе торговой политики ЕС и её способности содействовать достижению целей устойчивого развития [33, p. 215]. Выводы соответствующих исследований во многом согласуются с заключением Хэйла и др. [34, p. 18] о том, что «положения соглашений о свободной торговле ЕС нередко отдают приоритет содействию торговле в ущерб охране окружающей среды». Высказанная критика высвечивает изначально заложенное противоречие между экономической интеграцией и экологическими императивами. Чтобы определить, является ли данное противоречие неустранимым (квалифицируемым как системный дефект) либо представляет собой имманентную особенность, опосредованную правовыми механизмами, необходимо обратиться к историческим истокам правового оформления рассматриваемой стратегии. Иными словами, для выяснения юридической природы этого противоречия – коллизионного порока или институциональной характеристики, смягчаемой правовыми средствами, – требуется ретроспективный анализ его генезиса. Такой анализ раскрывает процесс постепенной трансформации экологической проблематики из периферийного элемента политики в сквозной конституционно-правовой принцип. Качественный правовой поворот произошел в 1970-е годы, когда правопорядок Европейских Сообществ начал институциональную синхронизацию с формирующейся глобальной экологической повесткой. Парижский саммит 1972 года стал ответом на Стокгольмскую конференцию ООН. Тогда впервые была провозглашена необходимость общей экологической политики. В последующие десятилетия этот политический курс последовательно включался в правовую

систему Союза через ключевые договоры. Так сложилась уникальная иерархическая архитектура регулирования. Именно она сегодня обеспечивает ЕС статус «нормативной силы».

Систематизация указанной архитектуры представлена в Таблице 5, позволяет конкретизировать природу рассматриваемого противоречия. Данное противоречие не является статичным; оно постепенно институционализируется и опосредуется правовыми механизмами. Так называемый «жёсткий компромисс» встроен в архитектуру Европейского союза. Примат единого внутреннего рынка выступает одновременно движущей силой и основным ограничителем экологизации. Иерархия архитектуры (см. Таблицу 5) отражает растущую интеграцию экологических требований в право ЕС. Каждый договорный этап не просто вводил новые положения, но формировал правовые механизмы, превращавшие экологию из объекта регулирования в один из верховных принципов, а также в источник легитимации внешнего воздействия.

Таблица 5. – Эволюция правовых основ торгово-экологической политики ЕС

Наименование правового акта	Ключевая роль документа	Связь с современной торгово-экологической политикой ЕС
1	2	3
Первичное право (учредительные договоры)		
Единый европейский акт (1986/1987) [57]	Включил экологию в учредительные договоры ЕС и закрепил правовую базу для гармонизации стандартов в рамках единого рынка.	Создал конституционную основу для единых экологических требований как условия свободного передвижения товаров.
Маастрихтский договор (1992/1993) [58]	Наделил экологическую политику статусом самостоятельной «политики Сообщества» (ст. 130r-130t ДЕС); ввёл принцип интеграции экологических требований во все сферы политики ЕС.	Заложил юридический фундамент для включения экологических целей в торговую политику; без данного принципа невозможны такие инструменты, как МУКГ.
Амстердамский договор (1997/1999), учредительные договоры [59]	Усилил принцип интеграции; конституционализировал цель устойчивого развития в числе основных задач ЕС.	Институционализировал обязательность экологической оценки всех мер ЕС, задав вектор для «озеленения» торгового регулирования.
Лиссабонский договор (2007/2009), учредительные договоры	Закрепил в качестве целей ЕС «высокий уровень охраны окружающей среды» и «борьбу с изменением климата» (ст. 3(3) ДЕС, ст. 191 ДФЕС).	Предоставил высшую правовую легитимацию для амбициозных климатических инициатив, включая Европейский зелёный курс и МУКГ.
Вторичное право (директивы, регламенты)		
Директива 2003/87/ЕС (Система торговли выбросами ЕС, EU ETS) [64]	Ключевой рыночный инструмент климатической политики ЕС, устанавливающий цену на углерод для энергетики и промышленности	Создаёт основу внутреннего углеродного ценообразования. Регламент МУКГ является прямым внешним дополнением EU ETS. Отмена бесплатных квот в EU ETS (2026-2034) синхронизирована с поэтапным вводом МУКГ.
Регламент REACH (1907/2006) [65]	Комплексное регулирование регистрации, оценки, авторизации и ограничения химических веществ в целях защиты здоровья человека и окружающей среды.	Устанавливает ограничительные требования к допуску на рынок продукции, содержащей опасные вещества. Служит прецедентом и нормативной базой для отраслевых ограничений.
Регламент (EU) 2021/1119 [66]	Закрепляет на законодательном уровне обязательную цель достижения климатической нейтральности ЕС к 2050 году, а также промежуточную цель по сокращению чистых выбросов.	Создаёт юридически обязательную рамочную основу для всех последующих отраслевых стратегий и законодательных инициатив в рамках Европейского зеленого курса.

Продолжение таблицы 5

1	2	3
	парниковых газов как минимум на 55% к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года.	правовым императивом, который обуславливает и легитимизирует принятие жестких торговых мер, таких как МУКГ, для обеспечения достижения установленных целей и предотвращения «утечки углерода».
Регламент (ЕС) 2023/955 (о включении морского транспорта в EU ETS)	Распространяет систему торговли выбросами на сектор морских перевозок, обязывая судовладельцев сдавать квоты за выбросы CO_2.	Прямо влияет на цепочки международной логистики, повышая стоимость морских перевозок и стимулируя их декарбонизацию для доступа на рынок ЕС.
Регламент (ЕС) 2023/956 (Механизм углеродной пограничной корректировки, МУКГ) [67]	Торговый инструмент, устанавливающий углеродную плату на импорт для предотвращения «утечки углерода» и выравнивания условий конкуренци	Практическая реализация принципа экологической интеграции (Маастрихт) и климатических целей (Лиссабон) во внешней торговле. Технически привязан к цене квот EU ETS
Регламент об обезлесении (2023/1115) [68]	Запрещает размещение на рынке ЕС товаров (соя, говядина, древесина и др.), связанных с вырубкой лесов после 31.12.2020, требуя проведения должной осмотрительности.	Вводит обязательную прослеживаемость происхождения сырья для ключевых сырьевых товаров, трансформируя глобальные цепочки поставок и создавая новый класс торговых требований.
Регламент о батареях (2023/1542) [69]	Устанавливает всеобъемлющие требования к устойчивости, безопасности, маркировке и управлению отходами на протяжении всего жизненного цикла всех категорий батарей.	Создаёт комплексный нетарифный барьер, формируя новые глобальные стандарты для отрасли. Включает элементы, аналогичные REACH (ограничения веществ) и регламенту об обезлесении (должная осмотрительность в цепочке поставок).
Рамочные политические стратегии		
Европейский зелёный курс (2019) [70]	Комплексная политическая стратегия, провозглашающая цель достижения климатической нейтральности ЕС к 2050 году	Конкретизирует цели Лиссабонского договора и задаёт политический вектор для разработки всего климатического и торгового законодательства, включая пакет «Fit for 55»
Стратегия «От фермы к столу» (2020)	Политическая инициатива в рамках Зелёного курса по формированию устойчивой продовольственной системы.	Влияет на будущие стандарты в сфере аграрной торговли и может служить основой для последующего законодательного регулирования.
Примечание: составлено автором исследования		

Указанная иерархия правовых актов формирует не только нормативно-правовой каркас, но и, в рамках региональной интеграции, создаёт механизм двухуровневого принуждения, который является уникальным по своему характеру. Внутри Европейского Союза данный механизм функционирует на основе двух элементов: принципа верховенства права и системы наднационального контроля. Их эффективность – критическое условие для того, чтобы ЕС мог проецировать свои стандарты вовне. Способность Союза последовательно экстернализировать регулятивные нормы прямо зависит от того, насколько он сам является единым и эффективным внутренним регулятором.

Таким образом, установленная иерархия норм – от учредительных (конституционных) принципов до отраслевых регламентов – не является умозрительной конструкцией. Она представляет собой оперативный механизм

нормативно-правовой гегемонии, реализующийся посредством конкретных правовых инструментов и порождающий совокупный трансформационный эффект в сфере международной торговли.

Указанный эффект не сводится к установлению ограничений; его суть заключается в системной рекалибровке правового режима на условиях Европейского Союза. Нормы ЕС, интегрированные в данную архитектуру, функционируют как взаимосвязанная система мер, реализующая своё влияние через три взаимодополняющих канала:

– условия доступа на внутренний рынок ЕС.

– экстерриториальное действие регулятивных стандартов.

– гармонизацию международных правовых норм.

Посредством указанных каналов достигается последовательная трансформация глобальных цепочек создания стоимости.

В то же время страновые отчеты ЕС по экологической политике показывают, что основные проблемы и наиболее серьезные пробелы в реализации в государствах-членах по охране окружающей среде сосредоточены в таких областях политики, как управление отходами, охрана природы и биоразнообразия, качество воздуха, шум, а также качество и управление водными ресурсами [191].

Три выделенных канала образуют эволюционную лестницу влияния, где эффекты накапливаются и усиливают друг друга. Базовым уровнем является создание технологического фильтра. Средний, системный уровень – это перераспределение конкурентных преимуществ.

Первый канал воздействия состоит в трансформации регулирования в технологический и административный барьер, повышающий издержки доступа на рынок. В качестве примеров можно привести Регламент ЕС об обезлесении (2023/1115) [68] и Регламент о батареях (2023/1542) [69]. Оба нормативных акта устанавливают требования к полной прослеживаемости и должной осмотрительности, которые по своему объёму не имеют прецедентов. Для экспортёров это означает необходимость создавать системы верификации, обеспечивать цифровое отслеживание сырья (вплоть до фиксации географических координат) и проводить аудит всей цепочки поставок, что влечёт за собой значительные финансовые затраты. Европейский союз не просто вводит правила, но фактически обязывает иностранных производителей адаптировать свои бизнес-процессы к технологическим стандартам, разработанным внутри ЕС. Механизм цифрового паспорта продукта для батарей служит наглядной иллюстрацией этой тенденции: он превращается в обязательный глобальный стандарт в области данных. В данном контексте экологическая цель служит инструментом для утверждения технологического доминирования, а соблюдение регуляторных требований превращается в существенную статью операционных расходов, изменяя саму экономику международной торговли.

Этот канал показывает эволюцию. Раньше борьба шла с «отрицательными экстерналиями» (загрязнением). Теперь речь об управлении «положительными экстерналиями» (данными, прозрачностью). Конкуренция смещается на уровень

цифровой инфраструктуры и доверия к информации. ЕС стремится стать здесь безусловным лидером. Возникает новый класс неявных торговых барьеров. Они связаны не с самим продуктом, а с метаданными о его происхождении. Требования цифровой прослеживаемости (как в Регламенте об обезлесении) де-факто означают: страны-экспортёры должны внедрять сложные системы управления данными, сопоставимые по сложности с европейскими. Для многих юрисдикций это нетривиальная задача. Такой барьер носит структурный характер. Он ставит в заведомо невыгодное положение производителей и страны без развитой цифровой и административной инфраструктуры. Экологические требования превращаются в инструмент косвенной дискриминации. Бремя адаптации ложится не на виновника экологического ущерба в классическом смысле, а на того, у кого нет доступа к дорогостоящим технологиям верификации. Особенно это затрагивает малые и средние предприятия (МСП) и развивающиеся экономики.

Однако влияние нормативной системы ЕС не ограничивается пассивным повышением издержек для зарубежных производителей. Существует второй канал воздействия, который перераспределяет конкурентные преимущества в пользу развитых экономик и крупного капитала. В отличие от первого канала, где рост издержек выступает следствием регулирования, во втором случае нормативные требования формируются таким образом, чтобы изменить структуру глобальной конкуренции, экспортируя не только стандарты, но и саму логику европейского регулирования. Основой данного процесса стала Директива 2003/87/ЕС, учредившая Систему торговли квотами на выбросы (EU ETS) [64]. Будучи внутренним рыночным инструментом, она установила цену на углерод в границах ЕС, что породило риски «углеродной утечки» и поставило вопрос о конкурентоспособности европейской промышленности. Необходимость защиты собственных производителей при сохранении климатических обязательств послужила импульсом для разработки Механизма углеродной пограничной корректировки [67]. Формально позиционируемый как инструмент выравнивания условий конкуренции и предотвращения углеродной утечки, МУКГ де-факто выполняет более сложную функцию: он экстернализирует внутреннюю ценовую политику ЕС, навязывая ее третьим странам. Импортеры оказываются перед стратегической дилеммой: либо инвестировать в декарбонизацию (зачастую с использованием европейских технологий и консалтинга), либо уплачивать пограничный углеродный сбор. В обоих сценариях их ценовая конкурентоспособность на рынке ЕС снижается, тогда как европейские производители, уже адаптировавшиеся к СТКВ, получают системное преимущество.

Эта логика нормативного протекционизма последовательно воспроизводится и в других регуляторных инициативах ЕС. Регламент REACH [65], возлагающий бремя доказательства безопасности химической продукции на производителя, создает асимметрию рыночных возможностей: крупные транснациональные корпорации обладают ресурсной базой для проведения дорогостоящих исследований и регистрационных процедур, тогда как малый и

средний бизнес из третьих стран вытесняется с рынка не столько из-за несоответствия экологическим стандартам, сколько из-за непропорционально высоких административных и финансовых барьеров входа.

Реакция международного сообщества, особенно стран с формирующимися рынками, подтверждает, что данная стратегия считывается именно как протекционистская. Наиболее показательной является позиция Китая, который последовательно выступает против углеродных тарифов с момента их предложения. Китайский подход аргументирован не только защитой национальных экономических интересов, но и системными соображениями: во-первых, углеродные тарифы квалифицируются как нарушение установленного порядка международной торговли; во-вторых, они рассматриваются как фактор, препятствующий глобальному посткризисному восстановлению; в-третьих, подчеркивается их несовместимость с принципом общей, но дифференцированной ответственности, закрепленным в Рамочной конвенции ООН об изменении климата [192]. Показательно, что критика исходит не только от вовлеченных экспортеров, но и от аналитиков, фиксирующих структурную асимметрию такого регулирования.

Таким образом, второй канал воздействия обнажает фундаментальный парадокс современного экологического регулирования в торговле. Инструменты, декларируемые как нейтральные механизмы выравнивания условий конкуренции и защиты глобальных общественных благ (борьбы с изменением климата), на практике воспроизводят и закрепляют нормативную и технологическую иерархию. Нормативный потенциал и технологическая база развитых экономик априори становятся критерием легитимности рыночного доступа, а экологическая повестка инструментализируется для защиты и продвижения конкретных экономических интересов. Это подтверждается и лоббистскими усилиями европейской промышленности, которая последовательно поддерживает такие меры, как МУКГ, руководствуясь не только (а зачастую и не столько) экологическими, сколько явными конкурентными соображениями.

Из изложенного вытекает сложная дилемма, имеющая как правовое, так и этическое измерение. Меры, которые обосновываются ссылками на необходимость обеспечения глобальных публичных благ, на деле превращаются в изощрённые нетарифные барьеры, получившие своего рода «экологическое оправдание». В связи с этим возникают закономерные сомнения в совместимости таких инструментов с нормами ВТО – в частности, с требованиями пропорциональности и недискриминации, закреплёнными в статье XX ГАТТ. Одностороннее распространение регуляторных требований за пределы государственной юрисдикции вступает в противоречие с принципом общей, но дифференцированной ответственности, который образует нормативный фундамент международного климатического права. Следовательно, меры, направленные на защиту глобального общественного блага, реализуются средствами, которые закрепляют и воспроизводят мировое неравенство.

Указанное обстоятельство требует пересмотра как теоретических подходов к экологическим ограничениям, так и правоприменительной практики.

Европейский союз устанавливает де-факто глобальные стандарты, что непосредственно способствует укреплению его стратегической автономии. Благодаря масштабу единого рынка и высокой регуляторной силе Союза возникает феномен, известный как «эффект Брюсселя»: соответствие регламентам ЕС становится необходимым условием доступа на этот рынок. При этом ЕС экстернализирует свои нормы, вынуждая иностранных производителей по всему миру адаптировать производственные процессы – даже в тех случаях, когда такие производители ведут торговлю с иными регионами. Одновременно комплекс требований к критическому сырью, устойчивости цепочек поставок и содержанию вторичных материалов направлен на снижение стратегических зависимостей самого Союза. В результате экологическое регулирование эволюционирует в инструмент геоэкономического влияния, изменяя географию и структуру мировой торговли сырьём. Указанный канал трансформирует «стратегическую автономию» из оборонительной концепции (защита от внешних зависимостей) в инструмент активного формирования новых «зелёных» рынков – критического сырья и циркулярной экономики. Тем самым определяются будущие конкурентные позиции участников глобального рынка.

Все указанные дилеммы сводятся к следующему вопросу: является ли правомерной односторонняя гегемония при решении глобальных проблем? Критики отмечают, что ЕС, по существу, подменяет многосторонние переговоры системой административного принуждения. Внутренние компромиссы, достигнутые в рамках ЕС (например, лоббистское влияние промышленности на форму механизма углеродной пограничной корректировки), становятся обязательными правилами для всего мира. Это ставит под сомнение совместимость данных мер с правилами ВТО. Кроме того, в данном подходе воспроизводится асимметрия, при которой технологически и административно менее развитые экономики вынуждены нести непропорциональное бремя адаптации.

Формируется многоуровневая система экологических барьеров нового поколения. Их отличие от классических тарифов или квот состоит в нормативной сложности, технологической обусловленности и превентивном характере. Критики подчёркивают, что такие барьеры ведут не только к фрагментации глобальных цепочек создания стоимости, но и к «зеленой» деглобализации. Производство возвращается или концентрируется в регионах, способных нести высокие издержки соответствия. Это может подорвать экономический рост в развивающихся странах и усугубить глобальное неравенство. В совокупности три канала формируют новую парадигму «связанной торговли». Доступ к рынку неразрывно обусловлен усвоением экологических, климатических и социальных стандартов, диктуемых Евросоюзом.

Амбициозность этой архитектуры на практике сталкивается с системными трудностями. Параллельно с МУКГ действуют реформированная Система торговли выбросами (Директива 2003/87/ЕС) и новые секторальные регламенты,

например Регламент (ЕС) 2023/955. Они распространяют экологические издержки, создавая комплексный торгово-климатический режим. Этот режим, с одной стороны, защищает внутренний рынок и катализирует глобальную декарбонизацию, а с другой – создает адаптационные вызовы для партнеров, потенциально ведущие к спорам в ВТО. Правовая уязвимость этих мер заключается в их превентивном и одностороннем характере. Они исходят из презумпции неэквивалентности иностранных стандартов, возлагая бремя доказательства обратного на экспортера, что может противоречить принципам ВТО, таким как национальный режим. Таким образом, ЕС сознательно идет на правовой риск, рассчитывая, что экономическая значимость его рынка сделает оспаривание политически и экономически нецелесообразным для большинства партнеров.

Критика отмечает методологические сложности в оценках воздействия на устойчивое развитие) и слабость механизмов принуждения в иных форматах, например, в главах о торговле и устойчивом развитии. Как следствие, активная экологизация внешнеторговой политики ЕС является в первую очередь естественной экстернализацией его внутренней трансформации [35, pp. 10-11].

Именно это сочетание мощной нормативной системы и ее спорной эффективности формирует ключевую дилемму. Как отмечают Gstöhl и Schunz, стремление к устойчивому развитию требует большего внимания к «справедливому переходу», чтобы преодолеть ситуацию «жесткого компромисса». На практике же, отстаивая право на жесткие внутренние меры, ЕС часто воспринимается партнёрами как проводник «зеленого протекционизма» [32, p. 632]. В результате, несмотря на усилия, возникает противоречие между нормативной амбицией и реальным глобальным результатом. Этот «жесткий компромисс» на практике часто оборачивается непреодолимыми барьерами для уязвимых участников торговли. Дилемма, таким образом, углубляется: как согласовать право ЕС на строгое регулирование с риском создания дискриминационных препятствий для торговли, которые могут быть оспорены в ВТО и подрывают дух многостороннего сотрудничества, необходимого для решения истинно глобальных экологических проблем?

Исходя из этой дилеммы, можно утверждать, что активная роль ЕС проистекает из фундаментального противоречия между его амбициями как «зеленого лидера» и экономическими императивами. Следовательно, ключевой вызов для ЕС заключается даже не в правовых рисках, а в кризисе репутационной легитимности. Модель, основанная на одностороннем принуждении, сталкивается с пределом устойчивости: растущее сопротивление партнеров, поиск ими альтернативных рынков и обвинения в лицемерии на фоне внутренних пробелов в реализации (управление отходами, качество воздуха) подрывают моральный авторитет «зеленого лидера». Вопрос, таким образом, эволюционирует из правового («совместимо ли это с ВТО?») в политико-этический («имеет ли право ЕС быть экологическим гегемоном?»).

Опыт ЕС демонстрирует, что развитый институт экологического регулирования, выходя на глобальный уровень, становится источником как

кооперации, так и конфликтов. Таким образом, «правовая пирамида» ЕС демонстрирует, как экология была трансформирована в сквозной регуляторный императив. Ключевой вопрос для будущего заключается в том, сможет ли модель, основанная на одностороннем установлении стандартов и условном доступе к рынку, эволюционировать в сторону более инклюзивного режима. Или же «нормативная сила» ЕС упрется в пределы, породив новую волну фрагментации мировой торговли. Ответ определит, станет ли эта система моделью для подражания или причиной торговых конфликтов нового поколения.

Для практической реализации экологического императива ЕС выстроил многоуровневую систему управления, в которой историческая приверженность диалогу все чаще уступает место одностороннему нормативному принуждению. Эта система оперирует инструментами на трех уровнях – многостороннем (ВТО), двустороннем (главы о торговле и устойчивом развитии, ТУР) и одностороннем (автономные регламенты). Однако критический анализ показывает, что ключевым и доминирующим стал именно односторонний уровень, где декларативные стратегии обретают силу безусловного императива. Именно здесь, на уровне вторичного права, такие рамочные инициативы, как Европейский зеленый курс, материализуются в жесткие обязывающие нормы, подобные Механизму углеродной пограничной корректировки.

Данная материализация носит не произвольный, а системно-технический характер, что и составляет основу нормативной гегемонии ЕС. Так, операционная логика МУКГ (Регламент (ЕС) 2023/956) неразрывно и технически привязана к внутреннему рыночному инструменту – Системе торговли выбросами (EU ETS, Директива 2003/87/ЕС). Цена сертификата МУКГ производна от аукционной цены квот EU ETS, а поэтапная отмена бесплатных квот синхронизирована с вводом пограничного механизма. Это не просто координация, а создание замкнутой нормативной экосистемы: внутреннее правило (плата за углерод) порождает внешнюю угрозу (риск утечки), которая, в свою очередь, легитимизирует внешнее расширение этого правила. Тем самым принцип экологической интеграции превращается в механизм экстерриториального распространения юрисдикции ЕС.

В отличие от жёсткой силы односторонних регламентов, двусторонние соглашения ЕС (например, Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве с Республикой Казахстан) действуют иначе. Они опираются на логику «мягкого права» и кооперативного взаимного влияния [193]. Их экологические нормы выполняют иную, но взаимодополняющую функцию. На концептуальном уровне используются два принципа. Принцип «неотступления» (статья 153) юридически связывает торговлю с уровнем экологической защиты. Принцип «высокого уровня защиты» задаёт вектор развития. На операционном уровне экология становится практическим критерием конкуренции. Например, «экологические характеристики» включены в обязательные критерии госзакупок (статья 127). На секторальном уровне акцент смещается с сырьевого обмена на развитие возобновляемой энергетики и устойчивого транспорта (статьи 205, 207,

209). Так структура партнёрства перестраивается в соответствии с амбициозными целями ЕС на 2040 год.

Контроль за исполнением экологических требований внутри ЕС – самая развитая среди региональных организаций. Это сложная иерархическая система. Она основана на принципе верховенства права ЕС при чётком разделении полномочий между наднациональными и национальными институтами. Ключевую координирующую и надзорную функцию выполняет Европейская комиссия – «хранитель Договоров» [191, p. 8]. Отличие от других моделей (например, независимые комиссии в ВТО или полная государственная юрисдикция в двусторонних соглашениях) в том, что система ЕС опирается на постоянный диалог и принуждение со стороны наднационального органа. Это обеспечивает беспрецедентную степень проникновения экологических норм.

Механизм контроля начинается с превентивной фазы. Сюда входят: предоставление руководящих принципов, финансовая поддержка, диалоги в рамках EU Pilot. Именно кооперативный подход позволил в 2023 году разрешить более 80% выявленных проблем ещё на досудебной стадии [194].

Стратегический каркас этой деятельности – Регламент (ЕС) 2018/1999 об управлении Энергетическим союзом и климатическими действиями [199]. Он устанавливает комплексный и иерархический механизм планирования, мониторинга и обеспечения соблюдения климатических и энергетических целей внутри Союза. Исполнение основано на принципе субсидиарности: наднациональные рамки сочетаются с национальной реализацией через интегрированные национальные энергетические и климатические планы (НЭКП) (статьи 3, 4, 7). Регламент переводит общесоюзные амбиции в юридически обязательные национальные программы, создавая основу для контроля. Несоблюдение требований (как в случаях с Польшей, Румынией, Болгарией, Австрией) последовательно переводит дело в плоскость формальной процедуры нарушения [194, p. 19].

Ниже представлен переработанный итоговый фрагмент в академическом и юридическом стиле. Устранены публицистические и разговорные обороты («можно сказать», «замыкания цикла», «нормативная сила», «уникальным экспериментом», «драйвером» и др.), избыточные маркеры, повторы и несогласования. Текст структурирован логически, сохранены все ссылки и смысловые блоки.

Мониторинг выполнения экологических обязательств в Европейском союзе организован посредством многоуровневой системы отчётности и диалога. Указанный механизм включает:

– двухгодичные отчёты о прогрессе (статья 17 Регламента 2018/1999);

– ежегодную отчётность по выбросам (статья 26);

– систематическую оценку Комиссией адекватности и выполнения национальных энергетических и климатических планов (НЭКП) (статьи 29, 31).

Процесс носит итеративный и кооперативный характер: Комиссия вправе выпускать рекомендации (статья 34). Для разрешения разногласий на ранней стадии применяется процедура предварительного диалога (EU Pilot).

Обязательства по проведению публичных консультаций (статья 10) и региональному сотрудничеству (статья 12) повышают легитимность и согласованность исполнения. Цель данного подхода заключается в предупреждении нарушений и содействии выполнению обязательств при минимальном использовании принудительных мер. В случае недостаточности кооперативных инструментов Регламент 2018/1999 предусматривает эскалацию: Комиссия инициирует процедуру нарушения и в зависимости от характера несоблюдения применяет либо обязательство государства-члена принять дополнительные меры для ликвидации разрыва с целевыми показателями (статья 32(3)), либо финансовые механизмы в виде добровольных взносов в общесоюзный механизм финансирования возобновляемых источников энергии (статья 33) [195]. В крайних случаях Комиссия передаёт дело в Суд Европейского союза, который вправе применить финансовые санкции. Указанная система сочетает таким образом кооперативные механизмы с принудительным исполнением. На внутрирыночном уровне обеспечение соблюдения экологических стандартов осуществляется посредством судебных и административных процедур. Основной упор сделан на правильную транспозицию директив в национальное право и на их фактическое применение. В качестве примера можно привести дело против Болгарии, переданное в Суд ЕС в связи с неполной транспозицией правил о государственных закупках экологически чистого транспорта. Аналогичные дела против Чехии, Эстонии и ряда других государств были прекращены после устранения выявленных нарушений.

Комиссией также были инициированы дела о несоблюдении требований в сфере качества воздуха и воды в отношении двенадцати государств-членов, в области контроля за отходами – в отношении шести государств, а также применены санкции за несоблюдение законодательства о биологическом разнообразии. Эта деятельность демонстрирует переход от контроля товара на границе к комплексному регулированию всей производственно-сбытовой цепочки. Такие инструменты, как Директива об обязательной проверке устойчивости цепочек поставок, становятся новыми стандартами ведения бизнеса. В случае несоблюдения требований (примеры – Польша, Румыния, Болгария, Австрия) дело последовательно переводится в формальную процедуру о нарушении, а при отсутствии результата – передаётся в Суд Европейского союза [194, p. 19].

Параллельно с внутренним контролем Европейский союз создал Механизм углеродной пограничной корректировки, предназначенный для регулирования трансграничной торговли и предотвращения «утечки углерода». Указанный регламент устанавливает цену на выбросы парниковых газов при импорте определённых категорий товаров, чтобы выровнять условия конкуренции с продукцией, произведённой в рамках Системы торговли выбросами ЕС (EU ETS). Контроль за соблюдением МУКГ является многоуровневым. Европейская комиссия осуществляет общее руководство. Национальные органы регистрируют декларантов, рассматривают отчёты и обеспечивают продажу

сертификатов. Импортёры обязаны ежегодно представлять детальный отчёт о встроенных выбросах, проверенный аккредитованным верификатором. За нарушения предусмотрены финансовые санкции.

Неотъемлемой частью внутренней экологической политики ЕС является переход к циркулярной экономике. Управление отходами, регламентированное иерархией обращения с отходами (приоритет – предотвращение образования отходов), служит практической основой этого перехода. Согласно Обзору выполнения природоохранного законодательства ЕС, ключевыми показателями выступают обязательные целевые значения по захоронению и переработке, а также наличие актуальных планов по предотвращению и управлению отходами. При этом Комиссия реализует План действий по циркулярной экономике, а также оказывает поддержку государствам-членам. Значительная часть последних уже включила критерии устойчивости в свои системы публичных закупок. Указанная мера имеет существенное значение для замыкания материальных потоков в экономике.

Из изложенного следует, что контроль за экологическими ограничениями в торговле и производстве внутри ЕС сложился в развитую гибридную систему. Жёсткое нормативное регулирование на наднациональном уровне сочетается здесь с практической имплементацией через национальные административные, таможенные и судебные органы. Внутренний надзор за исполнением директив и внешний регуляторный инструмент логически взаимосвязаны: оба служат цели создания устойчивой, климатически нейтральной и конкурентоспособной экономики.

Эффективность данной системы зависит от трёх факторов: последовательного применения санкций, гармонизации правил отчётности и дальнейшей интеграции принципов циркулярной экономики. Создаваемая архитектура представляет собой не просто комбинацию принуждения и кооперации, а стратегию управляемой нормативной экспансии, сознательно идущей на правовой и политический риск. Устойчивость этой модели зависит от способности ЕС разрешить фундаментальные противоречия между односторонним регулированием и инклюзивным многосторонним диалогом, а также между защитой собственных экономических интересов и обеспечением справедливого перехода для всех участников глобальной торговли.

Ответ на данный вопрос определит, станет ли «нормативная сила» ЕС двигателем глобальной экологической трансформации или причиной её фрагментации. Опыт ЕС показывает, что следующей ступенью региональной интеграции после создания общего рынка и единой валюты может стать проекция собственных регуляторных стандартов в качестве инструмента глобального влияния. Успех или неудача этой модели покажет, закрепится ли «зелёный» протекционизм на основе жёсткого внутреннего правоприменения в качестве новой нормы мировой торговли.

Проведённый анализ модели ЕС позволяет выделить следующие ключевые характеристики, которые будут служить точками сравнения с другими региональными системами:

– высокая степень наднациональной интеграции;
– экстерриториальное действие экологических стандартов;
– формализованный механизм судебного принуждения;
– дифференциация обязательств как инструмент адаптации.

Как показано в последующих разделах, ни одна из перечисленных характеристик не является универсальной; каждая региональная система формирует собственный ответ на вызов экологизации торговли.

3.2 Модель Шанхайской организации сотрудничества: «мягкое право» и консенсус как методы правовой гармонизации

ШОС демонстрирует устойчивую положительную динамику экономического развития: совокупная доля организации в мировом ВВП приближается к 25 %, а объем взаимной торговли исчисляется сотнями миллиардов долларов (в 2024 г. товарооборот только между Китаем и другими государствами-членами превысил 500 млрд долл. [196]). Однако именно этот рост обнажает фундаментальное противоречие: углубление экономической интеграции происходит на территории, занятой уникальными, но крайне уязвимыми экосистемами, при фактическом отсутствии согласованных механизмов минимизации экологического ущерба. Отсутствие наднациональных стандартов приводит к тому, что увеличение благосостояния сопровождается неконтролируемым накоплением трансграничных экологических рисков, что ставит под сомнение долгосрочную устойчивость самой модели хозяйственного взаимодействия в рамках ШОС.

Это противоречие между экономической динамикой и экологической стагнацией особенно примечательно на фоне исходных принципов организации. Хартия ШОС изначально исходила из паритетной значимости торгово-экономического и природоохранного сотрудничества [62]. Данный принцип получил развитие в Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, где зафиксировано, что «стороны развивают сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования, принимают необходимые меры по разработке и реализации специальных программ и проектов в этих сферах» [63].

Однако нормативное закрепление принципов, как показывают реалии, пока не привело к созданию действенных механизмов. Масштабы хозяйственной деятельности уже носят трансграничный характер, тогда как правовые механизмы, призванные минимизировать ее экологический след, остаются фрагментарными и нескоординированными [36, с. 76]. оказателен в этом смысле пример инициативы «Один пояс, один путь», провозглашенной в 2013 году Председателем КНР Си Цзиньпином. Мегапроект, проходящий через Центральную Азию и далее в Европу [197], за 10 лет привлек инвестиции почти в $1 трлн и привел к созданию более 3 тыс. совместных проектов [198]. Однако регулирование экологических норм в его рамках остаётся слабым, преимущественно добровольным и менее строгим по сравнению с внутренним

регулированием инвестиций [199]. Именно этим разрывом между масштабом инвестиций и слабостью экологического контроля объясняется несоответствие между провозглашённой политикой «Зелёного Шёлкового пути» и фактической экологической практикой.

Следовательно, экологические ограничения перестают быть факультативным или второстепенным элементом торговой политики, превращаясь в императив экономической безопасности, региональной стабильности и выполнения фундаментальных целей ШОС. Именно этим объективным давлением – необходимостью разрешить нарастающее противоречие – объясняется стремительное выдвижение экологической повестки на первый план региональной политики.

Для разрешения этого противоречия требуется особая институциональная среда, и в этом смысле ШОС представляет собой не просто одну из региональных площадок, а уникальную «лабораторию» для изучения взаимодействия экономики и экологии в условиях развивающихся рынков и трансграничных вызовов. Уникальность ШОС обусловлена тремя факторами. Во-первых, как отмечают эксперты, экологические проблемы в странах Организации, особенно в Китае, закономерно трансформируются из сугубо национальных в региональные, что создает объективную потребность в платформе для совместного ответа [36, с. 77]. Во-вторых, будучи организацией, объединяющей страны с разным уровнем развития, институциональным устройством и экономическими приоритетами, ШОС сталкивается с комплексной задачей гармонизации подходов, что делает ее опыт особенно релевантным для глобального дискурса об устойчивом развитии. В-третьих, ШОС демонстрирует эволюцию от деклараций к практическим проектам, что позволяет анализировать не только нормативные рамки, но и конкретные инструменты «зеленой» трансформации. Этот процесс находит свое отражение в решениях высших органов: как подчеркнул Генеральный секретарь ШОС Чжан Мин, в условиях турбулентности мировой экономики приоритетами организации являются, среди прочего, торговля, инвестиции и охрана окружающей среды [200]. При этом государства-члены едины в стремлении построить «процветающую и экологически чистую планету», открыто выступая против односторонних ограничений, подрывающих устойчивое развитие [201]. Таким образом, уже на уровне политической риторики формируется запрос на поиск собственной, «шосовской» модели экологического регулирования – но каковы конкретные экономические драйверы, превращающие этот запрос в неотложную практическую задачу?

Если институциональный и политический контекст объясняет, почему ШОС вынуждена заниматься экологией, то анализ конкретных экономических процессов показывает, почему экологические ограничения в торговле приобрели здесь такую острую актуальность. Ключевым драйвером выступает внутренняя политика Китая, где обострение экологических проблем оказывает существенное давление на экономику (ущерб в некоторых провинциях, по официальным данным, достигает 13% ВВП) и вызывает растущее недовольство

населения. Ответом на эти вызовы стала централизация «зеленых» приоритетов в национальных планах развития, что закономерно повысило готовность Пекина к диалогу по экологическим вопросам на международной арене, в том числе в формате ШОС [36, с. 76]. Этот внутренний импульс, однако, был бы менее значим для региональной повестки без второй важнейшей тенденции – пространственной реорганизации производств. Перенос трудоемких, энергоемких и часто экологически проблемных производств из Китая в страны Центральной и Юго-Восточной Азии меняет природу экологических рисков. Из сугубо национальных они превращаются в трансграничные. Это это проявляется в сфере совместного использования водных ресурсов. Более того, Китай больше не считает экологическую стабильность соседей внешним фактором. Теперь это элемент его прямой экономической и экологической безопасности. Из этого объективно вытекает потребность в региональной координации. Одна из таких площадок – Шанхайская организация сотрудничества [36, с. 76].

По данным Всемирного банка, на страны ШОС приходится более трети мировых выбросов CO_2 [202]. Исследование Альвардо и Толедо показало: «в государствах со средним доходом рост ВВП идет рука об руку с сокращением растительного покрова. Иными словами, экономический рост здесь сопровождается экологической деградацией» [37, p. 1207]. Работы Баека, а также Генюльташа и Демирала добавляют ещё один нюанс: приток иностранных инвестиций увеличивает выбросы, если в стране нет надёжных природоохранных институтов [38, p. 23; 39]. Данная закономерность порождает «экологический парадокс» интеграции: углубление экономических связей сопровождается интернационализацией экологических последствий, тогда как механизмы управления по-прежнему остаются национальными. Экологическая повестка ШОС осложняется тем обстоятельством, что практически все государства – члены организации демонстрируют высокий уровень вовлечённости в глобальную систему природоохранного регулирования.

Таблица 6 – Экологические соглашения государств ШОС и их значение для применения торговых мер

Государств	Монреальский протокол	Базельская конвенция	Картахенский протокол	Парижское соглашение	РКИК ООН	КБР	Стокгольмская конвенция
Китай	+	+	+	+	+	+	-
Россия	+	+	-	+	+	+	-
Казахстан	+	+	+	+	+	+	+
Кыргызстан	+	+	+	+	+	+	+
Таджикистан	+	+	+	+	+	+	+
Узбекистан	+	+	+	+	+	+	-
Индия	+	+	+	+	+	+	-
Пакистан	+	+	+	+	+	+	-
Беларусь	+	+	+	+	+	+	+
Иран	+	+	+	+	+	+	+
Примечание: составлено автором исследования							

Данные об участии государств – членов ШОС в ключевых международных природоохранных конвенциях (см. Таблицу 6) показывают, что практически все они являются участниками Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Парижского соглашения, Конвенции о биологическом разнообразии, Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, а также Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов. Столь широкий уровень ратификации говорит о том, что страны ШОС формально признают общие принципы устойчивого развития и вытекающие из них императивы. Однако за этой, на первый взгляд, благополучной картиной скрывается серьёзное противоречие. Универсальные обязательства, принятые в рамках глобальных режимов (РКИК ООН, КБР и др.), реализуются на национальном уровне крайне неравномерно и разрозненно, тогда как трансграничный характер торговли и инвестиций внутри ШОС требует единых правил.

Различия в степени участия – в частности, неучастие России в Картахенском протоколе по биобезопасности, а также отсутствие ратификации Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях со стороны Китая, России, Индии, Пакистана и Узбекистана – порождают пробелы в экологическом нормативном поле Организации. Отсутствие согласованных подходов к обращению с особо опасными веществами на фоне роста взаимной торговли создаёт риски: с одной стороны, возникает возможность «экологического демпинга» (переноса производства опасных продуктов в страны с менее строгими стандартами), с другой – повышается опасность трансграничного переноса загрязнений. Перед нами, по сути, нормативное противоречие: формальные обязательства существуют, а единого регуляторного пространства нет. Такая фрагментарность не только приводит к пробелам в правовом регулировании, но и подрывает саму идею общего экологического пространства, делая его уязвимым для перемещения «грязных» производств и недобросовестной конкуренции.

Возникает закономерный вопрос: имеются ли внутри самой ШОС примеры, показывающие, как подобное расхождение может быть преодолено на практике? Ответ следует искать в анализе нормативной базы Организации. Именно стратегические документы ШОС призваны превратить разрозненные международные обязательства в скоординированную региональную политику. Рассмотрим, каким образом в них формируется модель экологического регулирования.

Формирование этой модели разворачивается в своеобразном нормативном поле: в рамках Шанхайской организации сотрудничества экологические ограничения в торговле и экономической деятельности носят не императивный, а рамочный, программный характер, будучи интегрированы в стратегические документы в качестве приоритетов развития. Утвержденная Советом глав государств Стратегия экономического развития ШОС до 2030 года (Решение № 1 от 4 июля 2023 г.) прямо закрепляет принцип устойчивого развития, который

предполагает наращивание темпов экономического роста при минимальном воздействии на окружающую среду (п. 18) [71]. Таким образом, экологический императив не формулируется как прямое ограничение или запрет, а презюмируется как неотъемлемое условие для всей торгово-экономической кооперации, направленной на построение «экологически чистой планеты» (п. 3). Однако рамки этого подхода лишь задают направление; требуется содержательное наполнение. Вопрос в том, через какие конкретные механизмы ШОС пытается превратить декларации в практику.

Именно содержательное наполнение этой модели обеспечивается через внедрение конкретных экономических концепций и отсутствием региональной координации. Однако, как будет показано далее, у ШОС есть потенциал для его преодоления. Страны ШОС обладают солидным нормативным базисом в виде участия в универсальных международных договорах, однако этот потенциал остается нереализованным на региональном уровне. Именно ШОС, располагающая развивающейся договорно-правовой базой (Хартия ШОС, Договор о долгосрочном добрососедстве, решения СГГ) и специализированными механизмами (Совещание руководителей природоохранных ведомств, Рабочая группа по климату), могла бы стать платформой для гармонизации применения глобальных экологических стандартов, превратив формальное членство в конвенциях в действенные инструменты ограничения негативного воздействия на окружающую среду в рамках региональной торговли. Осознание этого потенциала подталкивает государства-члены к формированию собственной, «шосовской» модели экологического регулирования. Но какова природа этой модели и на каких принципах она строится? Ответ на этот вопрос требует обращения к анализу стратегических документов Организации.

Именно содержательное наполнение обеспечивается через внедрение конкретных экономических концепций. Юридически значимые экологические механизмы в ШОС внедряются через концепции «зеленой» экономики и внедрения «зеленых» технологий. Стратегия определяет развитие «зеленой» экономики в качестве одного из основных направлений (п. 21), а к ключевым целям относит переход к свободному трансграничному движению «зеленых» и низкоэмиссионных технологий (п. 16). Конкретные задачи включают сертификацию «зеленых» продуктов, разработку национальных таксономий, создание «зеленых» индустриальных парков и формирование системы трансграничных «зеленых» финансовых инструментов (п. 22.1, 22.6, 24.2) [71]. Эти положения создают институциональные и экономические предпосылки для формирования экологических требований к товарам, инвестициям и производственным цепочкам, хотя и не устанавливают единых обязательных стандартов. Логика развития этих предпосылок неизбежно выводит на повестку ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление) – сферу, где пересекаются интересы бизнеса, государства и инвесторов.

Встраивание экологических требований в инвестиционные и производственные процессы логично подводит к принципам ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление). Продвижение этих

принципов становится важным элементом формирования будущих экологических ограничений. Стратегия ШОС прямо предусматривает обмен опытом по внедрению ESG «по всем интересующим стороны направлениям» (пункты 22.1, 22.6). Государства-члены намерены гармонизировать подходы к экологической ответственности бизнеса. В перспективе это может перерасти в согласованные требования для участников внешнеэкономической деятельности. Документ также предусматривает разработку модельных платформ (например, «Зеленый экономический регион») и программ («Цифровая ШОС – 2030») [71]. Они задают нормативно-ориентирующие рамки для экологизации отраслей (пункты 22.5, 22.6). От этих рамок – прямой шаг к практической реализации. Однако остаётся открытый вопрос: способна ли ШОС не только декларировать «зелёные» приоритеты, но и воплощать их в конкретных проектах и институтах?

Ответом на институциональные запросы, закрепленные в Стратегии, становится постепенная, но заметная проектная эволюция самой ШОС. Организация все чаще рассматривается экспертами и официальными лицами как ключевая платформа для формирования и продвижения совместных экологических инициатив. Углубление экономического сотрудничества формирует запрос на переход к более сложным рыночным механизмам, таким как системы торговли квотами на выбросы, гармонизация экологических стандартов и обмен зелеными технологиями, где у ШОС есть значительный потенциал. Пилотные проекты в этой области уже реализуются в Китае и Казахстане. Поскольку рыночные механизмы легче поддаются международной координации, ШОС, обладающая развивающейся договорно-правовой базой, может стать платформой для их гармонизации в Азии [36, с. 76]. Стратегическое измерение проблемы связано с энергетической безопасностью, которая переосмысливается через призму экологической устойчивости. В рамках Стратегии развития энергетического сотрудничества до 2030 года и Программы «Зеленого пояса» ШОС акцент смещается на развитие возобновляемых источников энергии и низкоэмиссионных технологий. Этот тренд получил мощное развитие: на саммите в Тяньцзине в 2025 году энергетика обсуждалась как символ общей трансформации, а предложения Китая о создании платформ «зеленой» промышленности и мобилизации соответствующих инвестиций позиционируют ШОС как инкубатор сотрудничества нового типа. Реальным наполнением стратегии служат конкретные проекты. Примеры: Жанатасская ветроэлектростанция (Казахстан), солнечные электростанции в Узбекистане и Кыргызстане. Эти проекты обсуждаются на экспертных площадках ШОС. Казахстан активно продвигает концепцию «Зеленого Шелкового пути». Она объединяет три направления: возобновляемую энергетику, «умную» логистику и низкоуглеродную промышленность. Экологические ограничения превращаются здесь в драйвер новой инфраструктурной связанности [203].

Среди экологических инициатив ШОС климатическая повестка стоит особняком. Она вносит в процесс необходимую срочность и переводит сотрудничество в плоскость реагирования на глобальный вызов. Превращение изменения климата в транснациональную проблему придаёт экологической

повестке одновременно неотложный характер и институциональную определённость. По прогнозам, к 2050 году средняя температура в регионе местами может вырасти на 4°C, что напрямую угрожает устойчивому развитию. Институциональный ответ на эту угрозу последовал в 2024 году: создана Специальная рабочая группа ШОС по борьбе с изменением климата, о чём заявил заместитель Генерального секретаря ШОС К. Джанеш [204]. Группа должна стать платформой для координации усилий и выработки общих подходов к климатическим рискам в ключевых секторах – энергетике, водных ресурсах, сельском хозяйстве и на транспорте. Следовательно, климатическая повестка стимулирует появление конкретных инструментов и финансовых механизмов «зелёного» перехода в рамках ШОС, встраивая экологические ограничения в ткань торгово-экономического сотрудничества. Данная интеграция получает институциональное оформление в решениях 2024-2025 годов, которые будут рассмотрены далее в хронологической последовательности.

Одним из результатов институциональной интеграции стало пятое Совещание руководителей природоохранных министерств и ведомств государств-членов ШОС, которое прошло 22 мая 2024 года в Астане под председательством казахстанской делегации. Участники встречи не только обсудили текущее состояние сотрудничества, но и подготовили нормативную основу для внедрения экологических требований в экономическую деятельность. На заседании одобрили проект Соглашения правительств стран ШОС о взаимодействии в охране окружающей среды. Документ рекомендовали к подписанию на Совете глав государств 3-4 июля 2024 года [205]. Параллельно утвердили «Совместные подходы государств-членов ШОС по решению экологических проблем» (Приложение №5). Также приняли два операционных документа. Первый – План совместных действий по реализации программы «Зеленый пояс» на 2024–2026 годы (Приложение №6). Второй – План реализации Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в области охраны окружающей среды на 2025–2027 годы (Приложение №7).

Помимо этого, началась разработка проекта Положения о Специальной рабочей группе ШОС по изменению климата. Данное решение знаменует собой переход от общих заявлений к формированию профильных институтов, которые в будущем смогут вырабатывать механизмы климатического регулирования и достижения углеродной нейтральности с учётом институционального разнообразия Организации [205]. Вместе с тем нормативная база, созданная в Астане, носила преимущественно рамочный характер: были определены основные направления, но не установлены конкретные параметры «зелёного» перехода. Последующая детализация этих рамочных решений осуществлялась уже на уровне глав правительств.

Переход от отраслевого ведомственного консенсуса к политической верификации на высшем уровне произошел менее чем через полгода. Именно двадцатое заседание Совета глав правительств ШОС и утвержденная им Стратегия экономического развития ШОС до 2030 года [206] демонстрируют качественно иную степень интеграции экологической повестки. Если

астанинские документы 2024 года лишь фиксировали намерение сотрудничать, то Стратегия-2030 впервые выводит «зеленую экономику», низкоуглеродные технологии и климатическую адаптацию в отдельные, содержательно проработанные разделы (п. 22.4, 22.6), включая их в систему ключевых целеполагающих показателей развития Организации. Указанные изменения свидетельствуют о качественном сдвиге: экологическая составляющая более не рассматривается как второстепенный элемент энергетического или сельскохозяйственного сотрудничества. Она приобретает статус сквозного приоритета, интегрированного в торговую, инвестиционную, технологическую и финансовую политику Шанхайской организации сотрудничества.

Стратегия развития ШОС до 2030 года содержит экологическую повестку, которая по степени детализации не имеет прецедентов в рамках данной Организации. В разделе 22.6 «Зелёная экономика» перечислены двенадцать конкретных направлений деятельности. К их числу относятся:

– сертификация продукции, соответствующей экологическим стандартам;

– внедрение принципов ESG (экологического, социального и управленческого критериев);

– создание «зеленых» индустриальных парков с замкнутым производственным циклом;

– развитие водородной энергетики;

– технологии улавливания и хранения углерода;

– расширение использования экологически чистых видов транспорта.

Отдельное внимание уделено глобальным водным инициативам: объявлению 2025 года Международным годом сохранения ледников и учреждению Международного фонда защиты ледников. Указанные меры отражают обеспокоенность государств Центральной Азии и Российской Федерации состоянием криосферы.

Вместе с тем анализ Стратегии позволяет выявить не только достигнутый прогресс, но и функциональную специфику экологической повестки ШОС. Экологические цели в данном документе носят подчинённый, прикладной характер: они формулируются не как самостоятельные задачи, а преимущественно как инструмент достижения иных стратегических приоритетов Организации. В Стратегии выделяются три блока:

1. Энергетическая безопасность. Пункт 22.4 трактует «чистую, низкоуглеродную, безопасную и эффективную энергетику» главным образом через диверсификацию источников и укрепление технологического суверенитета. Отдельное упоминание гидроэнергетики («повышение ее роли в энергобалансе») прямо отражает интересы стран Центральной Азии и России. Эти государства стремятся сохранить и развивать свой гидропотенциал в условиях международного давления.

2. Технологическая модернизация. «Зеленые» проекты включены в блок промышленной кооперации (пункт 23.2). Создание «Платформы низкоуглеродных технологий ШОС» и обмен опытом по национальным таксономиям – это попытка стандартизировать «зелёный» переход на

евразийском пространстве. Причём без прямой привязки к западным моделям сертификации и финансирования.

3. Финансовая автономия. Раздел 24.2 о трансграничных «зелёных» финансовых инструментах – наиболее инновационная, но и наиболее противоречивая часть Стратегии. Государства-члены декларируют намерение развивать собственную систему «зелёного» финансирования. Она должна быть совместима с мировыми аналогами, но отвечать «объективным потребностям их экономик». Упоминание «Зелёного Климатического Фонда ООН» соседствует с задачей «противодействия политизации деятельности международных финансовых институтов». Это чёткий сигнал: ШОС готова привлекать внешнее климатическое финансирование, но стремится делать это на своих условиях, минимизируя сопряженные политические обязательства.

Несмотря на заметный прогресс в концептуализации «зеленой» повестки, документ сохраняет системные недостатки. Они ставят под сомнение реализуемость заявленных целей. Отсутствие количественных обязательств. В тексте Стратегии нет ни одного числового показателя по снижению выбросов парниковых газов, углеродоемкости ВВП или доле возобновляемой энергетики в энергобалансе. Ключевые показатели реализации (Раздел V) сформулированы исключительно в терминах экономического роста, взаимной торговли и инвестиций. Экологические результаты остаются на уровне декларативных «намерений» и «обмена опытом». Это резко контрастирует с практикой ЕС, Китая или даже ЕАЭС, где аналогичные стратегии сопровождаются целевыми индикаторами.

Размытость терминологии. Понятия «зеленая экономика», «низкоэмиссионные технологии», «экологически чистые продукты» не имеют операциональных определений. Отсутствие общих стандартов сертификации и гармонизированной таксономии делает большинство положений декларативными, перекладывая бремя конкретизации на национальный уровень, где оно и так уже фрагментировано. Третье противоречие – системный конфликт между «зеленым» переходом и сырьевой моделью развития. Стратегия одновременно продвигает «развитие минерально-сырьевого сектора» (п. 23.1) и «низкоуглеродную энергетику» (п. 22.4). Механизмы разрешения этого противоречия не прописаны. Углеводородная экономика ключевых членов ШОС (Россия, Казахстан) не проблематизируется в контексте климатических целей; ископаемое топливо и ВИЭ рассматриваются как равноправные элементы «диверсифицированного энергобаланса» без указания траектории постепенного замещения. Наконец, сохраняется институциональная слабость. Упоминания о механизмах имплементации носят общий характер («разработка дорожных карт», «рассмотрение возможности»). Специализированный орган по климатической политике в структуре ШОС до сих пор не создан; функции распределены между совещаниями министров энергетики и охраны окружающей среды, что воспроизводит ведомственную разобщенность вместо ее преодоления.

Таким образом, Стратегия – 2030 фиксирует важнейший концептуальный сдвиг: экологическая повестка окончательно легитимирована на высшем политическом уровне и встроена в ключевые экономические приоритеты ШОС. Однако этот сдвиг остается преимущественно дискурсивным. Разрыв между признанием важности «зеленого» перехода и готовностью принимать юридически обязывающие, количественно измеримые и институционально обеспеченные обязательства сохраняется. Преодоление этого разрыва – вызов для следующего этапа эволюции ШОС, который потребует перехода от «мягкого права» и рамочных стратегий к конкретным протоколам, целевым показателям и механизмам ответственности за их неисполнение. Но возможен ли такой переход в принципе? Ответ на этот вопрос требует обращения к национальным практикам государств-членов, где уже сформированы работающие модели рыночного экологического регулирования. Наиболее показательным и институционально зрелым примером такой модели служит Китай, опыт которого позволяет верифицировать гипотезы о возможных путях развития регионального регулирования.

Наиболее последовательный и институционально зрелый ответ на данный вызов формируется сегодня в Китае. Принципиально важно подчеркнуть, что подход к развитию национальной системы торговли квотами на выбросы (СТВ) в КНР изначально проектировался как эволюционный, что само по себе содержит ценный урок для ШОС. В отличие от европейской модели, дебютировавшей как наднациональный механизм, Китай с 2013 года поэтапно вводил пилотные (региональные) СТВ в семи провинциях и городах, используя их как экспериментальные площадки для отработки механизмов верификации, распределения квот и рыночного ценообразования. Лишь после выявления и купирования системных проблем на региональном уровне была создана национальная СТВ [207], запущенная в 2021 году. Именно этот прецедент – сознательный переход от локальных «песочниц» к общефедеральному масштабированию – переводит абстрактные глобальные климатические обязательства на язык конкретных рыночных механизмов и юридически обеспеченных процедур, демонстрируя реалистичную траекторию для региональной интеграции.

В глобальной практике системы торговли квотами на выбросы парниковых газов занимают одно из центральных мест среди мер климатической политики. Такие механизмы функционируют в большинстве развитых стран и постепенно внедряются в государствах с развивающейся экономикой. На пространстве ШОС данный инструмент уже получил национальное закрепление. В Казахстане соответствующая система действует с 2013 года [208]. В России 6 марта 2022 года подписан Федеральный закон № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации», который положил начало Сахалинскому эксперименту, рассматриваемому как прототип будущей общенациональной системы квотирования [75, 209].

Особую значимость для оценки перспектив региональной унификации в рамках ШОС приобрела китайская система ETS. Она охватывает уже более 60% выбросов CO_2 в стране (порядка 8 млрд тонн) и распространяется на свыше 3 500 предприятий. К 2024–2025 годам эта система перешла из экспериментального режима в институционально оформленную модель. Такие изменения коснулись трех слабых мест экологического регулирования внутри ШОС. Речь идет о нормативной базе, отраслевом охвате и гибкости инструментов. [210].

В мае 2024 года «Временные положения об управлении торговлей выбросами углерода» кардинально усилили правовой фундамент: введены штрафы до десятикратного размера незаконного дохода, механизмы приостановки производства и дисквалификации верификаторов. Это прямо корреспондирует с задачей гармонизации санкций за экологические нарушения в рамках ШОС, где вопрос о соразмерности и неотвратимости наказания остается открытым. В 2024-2027 годах охват расширят на сталелитейную, цементную и алюминиевую промышленность. Добавится еще 1500 предприятий и 3 млрд тонн CO_2-эквивалента. Одновременно возобновляется система добровольных сокращений. К апрелю 2025 года выпущено 9,48 млн тонн сертифицированных сокращений. Это создаёт работающий механизм зачета офсетов – тех самых «углеродных единиц», о которых говорится в Совместном коммюнике глав правительств ШОС (ноябрь 2025 г., пункты 62-63) [206].

Китай также меняет параметры исполнения обязательств. Двухлетний цикл сменяется годичным. Временное разрешение заимствований уступает место ограничению банкинга. Полное бесплатное распределение заменяется законодательно закреплённым намерением ввести аукционы.

Эволюция шла от мер адаптивного характера к формализованным инструментам с юридическим обеспечением и механизмами принуждения. Эта траектория повторяет логику институционального развития самой ШОС в 2024-2025 годах. Экологическая повестка Организации также прошла путь от деклараций до профильных рабочих групп и планов конкретных действий. Китайская СТВ при этом значима не только для внутреннего климатического регулирования. Она даёт ШОС не общие принципы, а три модели, проверенные на практике и пригодные для регионального применения.

Первая модель – отраслевые бенчмарки. Китайская СТВ использует дифференцированные нормативы эффективности для угольной и газовой генерации. Расчёт идёт по мощности и типу топлива, а требования ужесточаются поэтапно. Вместо единого запрета используются технологически нейтральные, но постоянно ужесточаемые ориентиры. Именно такой подход может лечь в основу гармонизации углеродных рынков государств – членов ШОС. Разработка указанной гармонизации поручена Специальной рабочей группе по климату.

Вторая модель: методология секторального расширения. В данной модели предусмотрен двухфазный подход:

1. 2024-2026 годы – накопление данных, адаптация предприятий, отладка систем мониторинга, отчётности и верификации;

2. с 2027 года – целевое снижение интенсивности выбросов.

Данная модель представляет собой реалистичную дорожную карту для стран ШОС, находящихся на разных этапах готовности к внедрению рыночных инструментов и обеспокоенных резким ростом издержек для промышленности.

Третья модель: архитектура многоуровневого управления. В Китае параллельно функционируют национальная система торговли выбросами и восемь региональных пилотных систем. Полномочия чётко разграничены между Министерством экологии и окружающей среды (национальный уровень), провинциальными и муниципальными органами власти. Указанная «зонтичная» модель не требует немедленной унификации, но задаёт общие стандарты отчётности, верификации и целевых показателей. Именно такая архитектура необходима ШОС для преодоления фрагментации и снижения рисков «экологического демпинга».

Китайская система торговли выбросами представляет собой не просто национальный инструмент климатической политики, но функционирующий прототип регионального решения. Система превращает декларативные положения о «рыночных механизмах» и «углеродных единицах» в технически и юридически отработанную процедуру. Опыт показывает: разрыв между глобальными обязательствами и региональной координацией преодолим, если выбрана верная траектория – от пилотных проектов к унификации стандартов и далее к взаимному признанию углеродных единиц. Однако система торговли квотами – лишь один элемент комплексной «зелёной» инфраструктуры. Её работоспособность держится на двух условиях. Первое – наличие сопоставимых экологических стандартов. Второе – свободный трансфер низкоуглеродных технологий. Сама по себе торговля выбросами устанавливает цену на углерод и создает финансовые стимулы для модернизации. Но гармонизация стандартов и либерализация торговли «зелёными» товарами делают такую модернизацию возможной в принципе.

В 2012 году на саммите АТЭС во Владивостоке была достигнута договорённость о снижении тарифов на экологически чистые товары. Аналогичная мера – вплоть до обнуления пошлин – могла бы быть имплементирована и в рамках ШОС. При этом опыт китайской ETS показывает, что техническое регулирование не обязательно должно быть единообразным с первого дня: достаточно гармонизации базовых требований к отчетности, методикам верификации и критериям «зеленой» продукции. Именно в этой точке – на стыке углеродного ценообразования и технического регулирования – формируется запрос на следующий этап интеграции: от параллельного существования национальных СТВ к их операционной совместимости и от разрозненных стандартов к взаимному признанию сертификатов происхождения «зеленой» энергии и низкоуглеродных товаров. ШОС, обладающая как развивающейся договорно-правовой базой, так и конкретным национальным прецедентом (китайская СТВ), имеет все необходимые компоненты для такого перехода.

Экспертная проработка принятых решений стала следующим шагом после институционального строительства и реализации накопленного потенциала. 2–3

июля 2025 года в Тяньцзине под председательством китайской стороны прошло заседание экспертной группы. На нем готовили шестое Совещание руководителей природоохранных ведомств. Фокус сместился с рамочных договорённостей на содержательное наполнение сотрудничества. На заседании выделили две основные темы. Первая – продвижение «зелёных» и низкоэмиссионных технологий. Вторая – практические вопросы устойчивого развития. Главный результат встречи – подготовка и согласование Инициативы по сотрудничеству стран ШОС в области устойчивого развития [210]. Этим документом государства намерены объединить усилия для декарбонизации и внедрения экологически чистых производств в трансграничных цепочках поставок. Инициатива знаменует переход от разрозненных национальных подходов к единой региональной политике. Экологические ограничения здесь уже не барьер, а инструмент технологической модернизации и роста конкурентоспособности. Экспертные наработки, однако, нуждались в политическом утверждении на высшем уровне. Одним из наиболее значимых событий, подтверждающих высокий статус экологической повестки в деятельности ШОС, стало двадцать четвертое заседание Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Организации, состоявшееся 17-18 ноября 2025 года в Москве. Руководители делегаций подтвердили свою позицию по двум пунктам. Во-первых, они вновь заявили о приверженности планомерной реализации ранее принятых природоохранных документов. Речь идет о Плане совместных действий по программе «Зелёный пояс» ШОС на 2024-2026 годы. А также о Плане мероприятий по реализации Концепции сотрудничества в области охраны окружающей среды на 2025–2027 годы. Во-вторых, они обозначили новые направления работы. В частности, на этом форуме впервые была отмечена необходимость обеспечения экологической устойчивости транспорта. Речь идет о внедрении «зелёных» технологий, постепенном переходе на экологически чистые виды топлива и создании инфраструктуры для электромобилей [206].

Главы правительств дали профильным ведомствам два поручения. Первое – продолжить проработку проекта соглашения о сотрудничестве в сфере изменения климата. Второе – развивать инструменты устойчивого финансирования, углеродные рынки и биржевую торговлю углеродными единицами. При этом необходимо опираться на инклюзивные и справедливые подходы (Совместное коммюнике XXIV заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС, пункты 62-63). Период 2024–2025 годов ознаменовался для ШОС институциональным сдвигом. Экологические ограничения перестали быть второстепенной темой природоохранных ведомств. Они превратились в неотъемлемую часть экономической политики, энергетических стратегий и транспортной связанности. Эта тема получила признание на уровне глав правительств и закрепление в развивающейся договорно-правовой базе Организации. Но именно этот внешний прогресс высвечивает внутренние ограничения сложившегося механизма. Было бы ошибкой считать этот прогресс линейным и

бесконфликтным движением. На пике институциональной активности особенно остро проявляется специфика формирующегося режима. Режим экологических ограничений в торгово-экономической сфере, формирующийся в Шанхайской организации сотрудничества, обладает следующими признаками: рекомендательный, не имеющий обязательной юридической силы характер; отсутствие императивных обязательств; отсутствие механизмов принудительного исполнения.

Анализ как достигнутых результатов, так и сохраняющихся институциональных ограничений позволяет сформулировать итоговую оценку экологического регулирования в ШОС. Изменения, произошедшие в 2024-2025 годах, выявили природу данного режима, требующую доктринального осмысления. Формирующиеся в ШОС экологические ограничения в сфере торговли и экономики представляют собой систему так называемого «мягкого права». Она основывается на стратегическом планировании, рамочных программах и добровольной гармонизации национальных политик. Директивные предписания и императивные запреты в рамках данной системы отсутствуют. Юридическая сила проявляется опосредованно – через создание обязательств «второго порядка», которые требуют от государств-членов имплементации согласованных принципов в национальное законодательство и последующей выработки протоколов.

Указанная конфигурация складывается под влиянием следующих факторов:

– экологическое измерение внутренней политики Китайской Народной Республики;

– трансграничное перемещение производственных мощностей;

– обширный, но недостаточно скоординированный массив международных обязательств государств-участников;

нарастающий климатический вызов. На этом фоне ШОС демонстрирует последовательную эволюцию. От общих деклараций Хартии 2002 года – через отраслевые стратегии и «зонтичные» программы – к специализированным институтам (Рабочая группа по климату) и конкретным планам действий на 2024-2027 годы. Однако у этой траектории есть внутренний предел. Он задан природой ШОС как консенсусной межправительственной организации. «Мягкое право» здесь – не временный дефект, а осознанная методология, позволяющая сочетать экологический императив с принципами суверенитета, многообразия национальных моделей и неприятия односторонних мер. Именно поэтому опыт китайской системы торговли квотами, при всей его ценности, не может служить прямым образцом: ШОС в обозримой перспективе не будет создавать наднациональный орган с полномочиями распределять квоты или налагать санкции.

Эффективность зарождающейся системы будет определяться не трансформацией «мягкого права» в «жесткое» по образцу ЕС, а принципиально иной способностью: превращать рамочные договоренности в операционально

совместимые национальные политики, обеспечивать взаимное признание стандартов и сертификатов, создавать «зеленые» коридоры для торговли технологиями. Ключевое значение приобретает не наднациональное принуждение, а сетевая координация и поэтапное сближение на базе успешных национальных практик.

Перед Организацией открыты два сценария. Инерционный оставляет экологическую повестку на уровне риторики и точечных проектов, не влияющих системно на торговлю и инвестиции. Трансформационный предполагает переход к полноценному Региональному экологическому пространству ШОС, включающему гармонизированную систему мониторинга и верификации, взаимное признание углеродных единиц и «зеленых» сертификатов, общий портал «зеленых» инвестиций и поэтапное снятие барьеров для экологически чистой продукции.

Какой сценарий будет реализован, зависит не от наличия технических решений. Они уже существуют и прошли проверку. Пример – китайская система торговли квотами. Решающий фактор иной. Это политическая воля государств-членов. Нужна готовность распространить «шанхайский дух» взаимного доверия на сферу, где цена бездействия измеряется уже не процентами ВВП. Речь идет о необратимых изменениях экосистем Евразии. В модели ШОС действует иная логика. Экологические ограничения здесь не порождаются наднациональным правотворчеством. Они формируются через добровольную гармонизацию национальных политик в рамках «мягкого права». Отсутствие механизмов принуждения компенсируется двумя вещами: консенсусным характером принятия решений и ориентацией на совместные проекты. Как будет показано далее, эта модель занимает промежуточное положение. С одной стороны – интеграционная зрелость ЕС. С другой – институциональная фрагментация ЕАЭС.

3.3 Модель Евразийского экономического союза: фрагментация регулирования и функциональная эксклюзивность

Глобальный энергопереход и ужесточение международных экологических стандартов ставят страны Евразийского экономического союза перед необходимостью адаптировать свои правовые и экономические системы к новым реалиям. Особенно в условиях либерализации торговли ключевым вызовом становится формирование трансграничных механизмов экологического регулирования. Такие механизмы, как углеродный налог ЕС, непосредственно затрагивают структуру и конкурентоспособность внешней торговли государств-членов. Для разработки адекватных правовых инструментов ответа и скоординированной позиции в рамках союза необходим сравнительный анализ существующих национальных политик, их соответствия международным обязательствам и потенциала адаптации. Логичным первым шагом в данном исследовании представляется анализ ключевых параметров климатической политики и энергетических стратегий государств ЕАЭС на

основе актуальных данных международных рейтингов и национальных документов (см. таблицу 7).

Таблица 7 – Сравнительный анализ климатической политики и энергетических стратегий государств-членов ЕАЭС

Критерий анализа	Российская Федерация	Республика Казахстан	Республика Беларусь	Республика Армения	Кыргызская Республика
Позиция в рейтинге CCPI (2024-2026 гг.)	64-е место (очень низкий уровень климатической эффективности)	60-е место (низкий уровень климатической эффективности)	55-е место (очень низкий уровень климатической эффективности)	107- место (очень низкий уровень климатической эффективност.)	127- место (очень низкий уровень климатической эффективност.)
Цели по сокращению выбросов ПГ	−33–35% к 2035 г. от уровня 1990 г.	Декарбонизация в рамках стратегии до 2060 г.	−35% к 2030 г. от уровня 1990 г. (фактически достигнуто ~40%)	−40% к 2030 г. от уровня 1990 г.	−15,97% к 2030 г.; до −43,62% при международной поддержке
Правовые и политические основы климатического и энергетического регулирования	Энергетическая стратегия до 2050 г.; декларируется рост использования ВИЭ при фактически низкой доле (<5%)	Государственная политика по увеличению доли ВИЭ в электроэнергетике до 20–25% к 2030 г.; функционирует система торговли выбросами	Недостаточное финансирование климатических мер; фактическая приостановка развития ВИЭ с 2020 г.; выход из ряда международных экологических конвенций (в т.ч. Бернской)	Низкий уровень выбросов (около 2,2 т CO_2 на душу населения); нормативно не реализованный потенциал развития ВИЭ	Низкий уровень выбросов (около 1,48 т CO_2 на душу населения); тенденция роста эмиссий; значительный потенциал гидроэнергетики
Налог на CO_2 / СТВ	Отсутствуют (пилотный проект)	Система торговли выбросами	Отсутствуют	Отсутствуют	Отсутствуют
Ключевой правовой риск в контексте трансграничного углеродного регулирования ЕС	Существенные финансово-правовые риски для экспорта угля, нефтепродуктов, металлов и минеральных удобрений	Высокие издержки для угольной генерации и сырьевого экспорта; недостаточная углеродная цена в рамках СТВ	Отсутствие адаптационного потенциала и достоверных данных для верификации выбросов у экспортеров	Маргинальные риски вследствие ограниченного объёма торговли с ЕС	Маргинальные риски вследствие ограниченного объёма торговли с ЕС
Примечание: составлено автором исследования на основе данных [211]					

Проведенный компаративный анализ отчетливо констатирует наличие фундаментальной разнородности государств-членов ЕАЭС в контексте уровня эмиссии парниковых газов, структуры экономики и амбиций климатической политики (см. Таблицу 7). Указанная внутренняя дифференциация представляет собой ключевой детерминирующий фактор, обуславливающий как общую уязвимость интеграционного объединения перед внешними экологическими ограничениями, так и глубину внутренних коллизий при формулировании единого ответа. В связи с этим, исследование правовых инструментов ЕАЭС целесообразно инициировать с фиксации данного исходного условия, поскольку выработка адекватного ответа на вызов механизма МУКГ предполагает: 1) оценку степени уязвимости каждого государства-члена и 2)

анализ потенциала правовой системы ЕАЭС по формированию унифицированного подхода, нивелирующего внутренние различия.

Результаты проведенного сравнительного анализа позволяют констатировать структурное разделение государств-членов на две группы. С одной стороны, выделяются страны с высокой эмиссией и сырьевой экономикой (Россия, Казахстан), с другой – государства с низкими выбросами, но высокой климатической уязвимостью (Армения, Кыргызстан). Беларусь занимает в этом спектре особую позицию, характеризующуюся институциональным регрессом. Обнаруженная разнородность порождает перед правовой системой Союза комплексную проблему согласования принципа единого рынка с глубокими расхождениями в национальных климатических политиках.

Особого внимания заслуживает специфика положения государств с низким уровнем выбросов, сталкивающихся с опосредованными рисками [212]. Несмотря на крайне низкие показатели подушевых выбросов ПГ, Кыргызстан и Армения подвержены значительным торговым рискам, проистекающим не из объема эмиссии, а из высокой климатической уязвимости их экономик [213]. Экономические системы данных государств базируются на климатозависимом сельском хозяйстве. Они подвержены воздействию экстремальных погодных явлений, что создает правовые и экономические риски. Речь идет о снижении качества, объема и стабильности поставок сельскохозяйственной продукции – ключевой статьи их несырьевого экспорта. Таким образом, экологические ограничения для указанных государств носят преимущественно косвенный характер, а основная угроза возникает из физических последствий изменения климата. В сложившихся правовых и экономических условиях главное – не смягчение последствий, а адаптация. Это определяет внешнеэкономическую стратегию: реализация адаптационных обязательств и развитие устойчивого сельского хозяйства. Выполнение этих планов носит условный характер. Оно в решающей степени зависит от международной финансовой и технической помощи. Иначе обстоит дело в странах с высоким уровнем выбросов – Казахстане, России и Беларуси. Они подвержены прямым и значительным рискам из-за экологических ограничений в торговле. Однако их адаптационные стратегии различаются кардинально.

Проведенный сравнительно-правовой анализ экологического законодательства государств – членов ЕАЭС (Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Кыргызстан и Республики Армения) выявил существенную дифференциацию правовых подходов к регулированию выбросов парниковых газов, углеродному квотированию и адаптации к механизмам углеродной корректировки на границе. Указанные различия непосредственно формируют экологические ограничения в международной торговле – как во взаимной торговле внутри Союза, так и в экспорте товаров на внешние рынки, особенно в Европейский Союз.

В политике Российской Федерации прослеживается двойственная позиция. С одной стороны, на официальном уровне провозглашены

долгосрочные задачи по достижению углеродной нейтральности [214]. С другой стороны, Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2050 года предусматривает наращивание экспорта угля, нефти и природного газа [215]. Такое сочетание целей повышает уязвимость страны перед механизмами пограничной углеродной корректировки и порождает риски финансовых издержек, которые могут трансформироваться в торговые барьеры для российского экспорта. При этом Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» не содержит положений о квотировании выбросов парниковых газов [216]. Вместо создания общефедеральной системы углеродного регулирования в России действует экспериментальный правовой режим в Сахалинской области, введённый Федеральным законом от 06.03.2022 № 34-ФЗ [75]. Отсутствие единой национальной системы квотирования означает, что российские экспортёры не могут предоставить верифицированные данные о своих выбросах. Это создаёт экологическое ограничение в торговле: невозможность подтвердить углеродную нейтральность продукции влечёт за собой риск применения к ней максимальных ставок в рамках механизма углеродной пограничной корректировки. Следовательно, российский подход характеризуется приоритетом традиционной энергетической модели. Это, в свою очередь, обусловливает высокую степень уязвимости российских товаров для торговых ограничений, основанных на углеродоёмкости производства.

Казахстан, находясь в схожей сырьевой зависимости, демонстрирует иную регуляторную тактику. В отличие от России, он предпринимает более активные меры по созданию внутренней регуляторной инфраструктуры, фокусируясь на развитии единственной в регионе системы торговли выбросами [217] и проведении аукционов для проектов возобновляемой энергетики [218]. Правовой фундамент этой системы заложен в Экологическом кодексе Республики Казахстан, вступившем в силу в 2021 году. Данный Кодекс устанавливает императивные экологические ограничения, непосредственно влияющие на международную торговлю. В частности, статья 289 вводит углеродное квотирование для крупных экспортно-ориентированных предприятий (электроэнергетика, нефтегазовый, горнодобывающий и металлургический секторы), что создаёт для них дополнительные издержки и обязательства, учитываемые в структуре экспортных контрактов. Статья 299 легализует углеродную единицу как товар, допуская её оборот на внутреннем рынке и потенциально – в рамках трансграничной торговли при условии заключения международных договоров (пункт 11 статьи 299). Кодекс создаёт правовую основу для количественного ограничения выбросов. Такое ограничение способно обернуться торговым барьером для продукции, произведённой сверх установленных квот. Барьер возникает как внутри ЕАЭС (при отсутствии взаимного признания квот), так и при экспорте в третьи страны.

Статья 128 Кодекса закрепляет общую возможность вводить рыночные механизмы управления эмиссиями. Речь идёт о лимитах, квотах, торговле выбросами. Причём не только для парниковых газов, но и для иных загрязняющих веществ. Казахстан создал прецедент. Ключевые элементы

«зелёного» регулирования, включая углеродный рынок, получили здесь не подзаконную, а кодифицированную правовую основу. Этим Казахстан принципиально отличается от других государств ЕАЭС. У них аналогичные механизмы либо отсутствуют, либо находятся на стадии пилотных проектов. С точки зрения экологических ограничений в торговле, наличие в Казахстане законодательно оформленной системы квотирования даёт экспортёрам преимущество. Они могут предоставлять верифицированные данные о выбросах, что снижает риск применения максимальных ставок МУКГ. Однако одновременно возникает разнородность требований внутри ЕАЭС, что ведёт к фрагментации единого рынка.

Переходя к анализу других государств-членов, следует отметить, что их правовые системы не содержат аналогичных инструментов. В Республике Беларусь Закон «Об охране окружающей среды» [219] не предусматривает углеродного квотирования. Несмотря на формальное сокращение выбросов, страна осуществляет демонтаж институтов экологического регулирования: заморозка развития возобновляемой энергетики, выход из ряда международных конвенций, подавление независимых неправительственных организаций [220]. Это формирует правовой и информационный вакуум, в условиях которого белорусские экспортёры будут лишены возможности предоставить верифицированные данные о выбросах, что повлечёт автоматическое применение против них максимальных ставок МУКГ. С точки зрения экологических ограничений в торговле, отсутствие в Беларуси внутреннего углеродного регулирования создает для ее экспортеров непропорциональное бремя – они не могут подтвердить соответствие продукции климатическим требованиям ЕС, что равносильно запретительному барьеру.

В Республике Кыргызстан Закон «Об охране окружающей среды» (1999 г.) [221] устанавливает лишь общие экологические требования, лимиты природопользования и платежи за загрязнение окружающей среды. При этом указанный нормативный правовой акт не содержит норм, регулирующих квотирование выбросов парниковых газов или торговлю углеродными единицами. Аналогичная ситуация складывается в Республике Армения. В отличие от Казахстана, в Армении отсутствует кодифицированный экологический кодекс. Отношения в сфере охраны окружающей среды регулируются Законом Республики Армения «Об охране окружающей среды» (1991 г.) [222] и Законом Республики Армения «Об экологическом контроле» (2005) [223]. Указанные законы предусматривают преимущественно фискальные платежи за выбросы вредных веществ, но не создают рыночных механизмов управления выбросами парниковых газов, включая системы квотирования или торговли квотами.

Таким образом, ни в Кыргызстане, ни в Армении отсутствует правовая база для углеродного квотирования и адаптации к МУКГ. С точки зрения экологических ограничений в международной торговле это означает, что экспортёры из указанных государств лишены возможности подтвердить углеродную нейтральность своей продукции, что ставит их в заведомо

невыгодное положение на рынках, применяющих «зеленые» барьеры, прежде всего на рынке Европейского Союза. Более того, разнородность национальных подходов к углеродному регулированию внутри Евразийского экономического союза создаёт риски регуляторного арбитража. Производители могут переносить мощности в юрисдикции с менее жёстким экологическим контролем. Это подрывает целостность единого рынка ЕАЭС. И противоречит цели экологической интеграции, закреплённой в стратегических документах Союза.

На выявленные различия в национальных подходах накладывается объективная экологическая взаимозависимость государств – членов ЕАЭС. Это ещё больше усложняет выработку общей позиции по внешним экологическим ограничениям в торговле. Доктрина указывает: необходимость согласованной экологической политики в ЕАЭС продиктована общностью экосистем и трансграничным характером многих угроз. Протяжённые общие границы, крупные трансграничные водные объекты, единый воздушный бассейн – все это создаёт условия для переноса загрязнений через границы. Следовательно, требуется выработка совместных оперативных мер [224, с. 151]. Однако экологические ограничения внутри Союза остаются несогласованными. Нет взаимного признания углеродных единиц. Различаются национальные системы квотирования и подходы к верификации выбросов. В итоге возникает фрагментация единого рынка и препятствия для свободного движения товаров. Дополнительным препятствием для формирования единых позиций является нахождение стран-членов в различных эколого-географических зонах. Накопленные разнородность и взаимозависимость выводят исследование на системный уровень и требуют анализа того, как правовая конструкция самого ЕАЭС решает (или не решает) это противоречие, а также какие правовые механизмы необходимы для превращения экологических ограничений из инструмента фрагментации в инструмент позитивной интеграции. Сама по себе национальная разнородность не является непреодолимым препятствием для интеграции – ключевое значение имеет способность наднационального права ее опосредовать. В этой связи необходимо обратиться к анализу инструментов, которые учредительный договор ЕАЭС предоставляет для согласования экологических политик.

Исходной правовой основой, предопределяющей подход ЕАЭС к экологическим аспектам, являются цели Союза, закреплённые в ст. 4 Договора о ЕАЭС, в числе которых – создание условий для стабильного развития экономик государств-членов и формирование единого рынка [61]. Данная экономико-центричная парадигма содержит имплицитное противоречие: стремление к углублению интеграции через унификацию правил объективно сталкивается с принципом сохранения национального суверенитета в чувствительных сферах, к которым традиционно относится экология. Этот контекст усугубляется внешними вызовами [225]. Несмотря на сравнительно небольшую долю в глобальных выбросах и приоритет задач развития, государства-члены вынуждены искать баланс между адаптацией, охраной

природы и социально-экономическим ростом [43]. Более того, Договор не предоставляет адекватных правовых инструментов для коллективного ответа на экологические вызовы, поскольку экология не зафиксирована в нём ни в качестве самостоятельной ценности, ни в качестве императивного условия интеграции [40]. Вследствие этого возникает системная правовая коллизия, при которой экологические риски рассматриваются не в качестве объекта превентивного регулирования, а в качестве потенциальных негативных экстерналий экономического роста.

В учредительном акте Союза нет целостной экологической концепции. Это приводит к одному результату. Экологические аспекты регулируются лишь постольку, поскольку они встраиваются в логику других целей Союза. А эти цели – прежде всего торгово-экономические. Данный режим легитимирует лишь два канала введения экологических ограничений во взаимной торговле: во-первых, односторонние меры, квалифицируемые как изъятия из режима единого рынка; во-вторых, гармонизированные стандарты в рамках технического регулирования. Оба канала носят фрагментарный характер и приводятся в действие преимущественно в ответ на возникшие проблемы, не будучи объединены общей системной экологической политикой Союза.

Первый канал (реактивный уровень) основан на санкционированных изъятиях из правил единого рынка и инкорпорирован в ст. 29 Договора о ЕАЭС. Данная норма предоставляет государствам-членам право на односторонние торговые ограничения для охраны окружающей среды, выполняя функцию легализованного «аварийного клапана». По своей правовой природе ст. 29 легитимирует экологический протекционизм, трансформируя его из нарушения базовых принципов единого рынка в исключительное право, что создаёт перманентный источник потенциальных торговых споров. Эффективность данного инструмента, как демонстрирует анализ его условий (критерии необходимости, запрет скрытого протекционизма), находится в прямой зависимости от добросовестности национальных органов и эффективности надзора со стороны Евразийской экономической комиссии. Риск злоупотребления данной нормой многократно возрастает в условиях выявленной разнородности национальных экологических политик, что позволяет квалифицировать ст. 29 не как разрешение коллизий, а как их институционализацию. Норма легитимирует конфликт, но не предлагает механизма его превентивного снятия.

Второй канал (приоритетный уровень) составляет гармонизированное техническое регулирование (ст. 52-53 Договора), представляющее собой проактивную и наднациональную модель. В отличие от реактивной ст. 29, технические регламенты выступают инструментом превентивной гармонизации, смещающим регуляторный фокус с пограничного контроля на установление стандартов для производства и обращения продукции. Посредством принятия технических регламентов, обладающих прямым действием в национальных правопорядках, Союз осуществляет унификацию императивных требований, замещая национальные нормы и формируя основу

для общего «зеленого» рынка. Как отмечает М.Ю. Мастушкин, «указанные императивы зачастую вводят для хозяйствующих субъектов новые обязательства (например, в сфере утилизации), реализуя тем самым функцию гармонизированного экологического регулирования» [226, с. 378].

Соотношение двух уровней регулирования подчинено определённой логике. Механизмы, предусмотренные статьей 29 Договора о ЕАЭС, носят реактивный (ответный) характер и выполняют функцию временной «страховки» на переходном этапе. В свою очередь, унификация через технические регламенты создаёт долгосрочную нормативную базу для интеграции. Эта логика подтверждается отраслевыми соглашениями и правоприменительной практикой. Государства – члены ЕАЭС, будучи сторонами Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов, заключили отдельное Соглашение о перемещении таких отходов через единую таможенную территорию Таможенного союза [227]. Другой пример – Экологический кодекс Республики Казахстан. В статье 128 этого кодекса закреплены рыночные механизмы управления выбросами, что можно рассматривать как пример кодификации на национальном уровне. Вместе с тем отсутствие взаимного признания подобных инструментов внутри ЕАЭС противоречит принципу единого рынка.

Данный документ обеспечивает регулирование транспортировки опасных веществ между государствами-участниками и предусматривает унифицированный разрешительный порядок их ввоза и вывоза, что можно рассматривать как отраслевую конкретизацию второго уровня регулирования. Однако эффективность реализации данной нормы, как справедливо отмечается в литературе, во многом зависит от надлежащего контроля со стороны компетентных органов и минимизации коррупционных рисков, которые в настоящее время затрудняют её практическое применение [228].

Показательным в этом контексте является опыт Казахстана, где экологическое регулирование демонстрирует попытку имплементации наилучших доступных технологий, соответствующих логике гармонизации. Согласно Экологическому кодексу Республики Казахстан, предприятия первой категории обязаны получать экологические разрешения, что предполагает проведение обязательного аудита и внедрение наилучших доступных технологий [74]. Экологический кодекс РК (ст. 113) имплементирует концепцию наилучших доступных техник (НДТ), что формально соответствует логике гармонизации ЕАЭС. Однако анализ механизма выдачи комплексных экологических разрешений (ст. 111-117 Кодекса) выявляет системный разрыв. С одной стороны, в разрешении устанавливаются технологические нормативы, которые должны соответствовать заключениям по НДТ (ст. 40, 113). С другой стороны, ст. 38 Кодекса прямо отсылает к техническим регламентам ЕАЭС в части требований к выбросам транспортных средств и качеству топлива. Тем самым формируется гибридная модель: гармонизированные наднациональные стандарты (техрегламенты) существуют параллельно с национальными разрешительными процедурами (экологические разрешения), которые

применяются дифференцированно. Эта двойственность, с одной стороны, позволяет Казахстану более гибко адаптировать экологические требования к местным условиям (например, в части угольной генерации), но с другой – создаёт риск регуляторного арбитража внутри Союза. Предприятия в Казахстане проходят национальную процедуру получения разрешений, что не всегда эквивалентно подтверждению соответствия техническим регламентам ЕАЭС, что возвращает к проблеме делегированного правоприменения, обозначенной при анализе ст. 29 Договора.

Как отмечают исследователи, «применение наилучших доступных технологий позволяет снижать объемы опасных выбросов, включая газы, образующиеся при производстве металлов, посредством их очистки» [228, p. 103]. Данный пример важен в двух аспектах. Во-первых, он демонстрирует, что даже при отсутствии единой экологической политики национальные системы могут развиваться в направлении, созвучном целям гармонизации. Во-вторых, он выявляет сохраняющийся разрыв между наднациональными требованиями (технические регламенты) и национальными механизмами их имплементации (разрешительная система, контроль).

Изложенное позволяет сделать вывод, что Договор о ЕАЭС имплементирует экологические ограничения в торговлю не через формирование общей экологической политики, а путём их технической и отраслевой интеграции в специальные регуляторные режимы. Это порождает два ключевых канала регулирования, различающихся по своей правовой природе и функциональному назначению. В рамках санитарных, ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мер экологические требования облекаются в форму обязательных нетарифных барьеров (первый, реактивный уровень). В аграрном секторе экологические параметры трансформируются в условия предоставления государственной поддержки, что также относится к сфере дискреционных национальных полномочий, ограниченных антипротекционистскими оговорками. Одновременно технические регламенты формируют второй, наднациональный уровень, замещающий национальные стандарты и создающий основу для позитивной интеграции. Следовательно, экологические ограничения в торговле в рамках ЕАЭС представляют собой не автономный правовой институт, а производные элементы технического и аграрного регулирования, что предопределяет как их потенциал (возможность унификации через технические регламенты), так и сохраняющиеся риски (институционализированные коллизии по ст. 29, зависимость от национального правоприменения). Такая архитектура, будучи характерной для переходного этапа интеграции, порождает запрос на дальнейшее развитие – либо в сторону углубления гармонизации (распространение технического регулирования на новые сферы), либо в сторону выработки механизмов, минимизирующих риски злоупотребления реактивными инструментами.

Изложенная позиция находит поддержку в научной доктрине. Как указывают Т.И. Макарова и И.П. Кузьмич, «осуществление согласованной экологической политики отсутствует в перечне самостоятельных целей

учреждения ЕАЭС. Соответственно, исключить негативное воздействие на окружающую среду в процессе формирования единого экономического пространства не представляется возможным» [229, с. 394]. Одновременно недостаточность международно-договорной базы актуализирует вопросы о наиболее эффективной правовой модели регулирования [230, с. 143]. Таким образом, даже наиболее прогрессивный инструмент – технические регламенты – обладает существенными системными ограничениями, а правовая система ЕАЭС в экологической сфере развивается по «облегчённой» модели интеграции через право.

Однако для оценки реальной операциональности второго уровня регулирования необходим анализ конкретных технических регламентов, поскольку их применение ограничено сегментами, в которых уже достигнут межгосударственный консенсус [231]. Именно в юридическом дизайне технических регламентов проявляется способность ЕАЭС трансформировать цели в работающие ограничения. Кроме того, эффективность двухуровневой модели ставится под сомнение фундаментальной разнородностью, проявляющейся не только в политике, но и в институциональной эффективности [232]. Согласно Индексу экологической эффективности 2024 года [233], позиции государств-членов ЕАЭС выглядят скромно. Беларусь занимает 32-е место (индекс 58,2). Казахстан – 72-е (47,8). Россия – 83-е (46,7). Армения – 94-е (44,9). Кыргызстан – 105-е (42,8). Разрыв между лидером и аутсайдером Союза составляет 73 позиции [233]. Это не просто разная степень загрязнения. Это качественно разные уровни развития национальных институтов экологического управления, приоритетов и инвестиций. Стартовые условия для выполнения единых наднациональных требований объективно неравны. Сама возможность единообразного и синхронного применения таких требований оказывается под вопросом. На практике возникает риск «регуляторного арбитража». Экономические операторы будут стремиться размещать производство в юрисдикциях с наименее строгим экологическим контролем. Это подрывает суть единого рынка и порождает новые экологические угрозы.

Разнородность членов не просто осложняет интеграцию. Она системно искажает ее. Внутри Союза появляются стимулы для «экологического демпинга». Провозглашенный «зеленый» рынок превращается в инструмент де-факто неравной конкуренции. К этому разрыву в эффективности экологического управления добавляются институциональные слабости: отсутствие общей экополитики ЕАЭС, неразвитость наднациональных механизмов, доминирование двустороннего формата сотрудничества [234]. Вместе они создают серьезное препятствие для формирования единой и сильной экологической позиции Союза.

В условиях исходной институциональной слабости и разнородности правовая система ЕАЭС, действуя в парадигме «функциональной эксклюзивности», не способна преодолеть структурную фрагментацию. Она может лишь администрировать ее через двухуровневую модель (технические

регламенты и статья 29). Это не проактивная стратегия, а адаптивный, реактивный механизм. В рамках этой парадигмы основным инструментом служат технические регламенты ЕАЭС. Их разрабатывает Евразийская экономическая комиссия в пределах своей исключительной компетенции по установлению мер нетарифного регулирования (статьи 46, 52 Договора о ЕАЭС). Статья 29 Договора, разрешающая односторонние ограничения для охраны окружающей среды, выполняет субсидиарную функцию. Она выступает легальным, но строго обусловленным исключением из режима свободного движения товаров (статья 25 Договора). Как верно отмечает А.О. Зык, «сохранение за государствами этого права не отменяет, а, напротив, подтверждает данную иерархию, где экология интегрирована в право Союза двояко: как цель позитивной интеграции через техрегламенты и как основание для временной негативной интеграции» [41].

Экологические требования включены также в экономические положения Договора о Евразийском экономическом союзе, что создает дополнительную нормативную основу. К числу таких требований относятся: обязательства по учёту энергоэффективности и экологического воздействия при формировании тарифной политики (Приложение № 20), принципы ресурсосбережения (статьи 79–85), а также условие обеспечения экологической безопасности при создании общих рынков энергоресурсов (Приложения № 22, 23). Следовательно, правовая система ЕАЭС содержит элементы, необходимые для «зелёного» перехода. Вместе с тем их эффективность ограничивается исходным противоречием системного характера: пока экологические императивы не приобретут статус учредительного принципа, равнозначного целям экономической интеграции, и остаются второстепенными функциональными приложениями, наднациональное регулирование будет выполнять не стратегическую, а реагирующую и фрагментарную функцию.

Практическую проверку способности ЕАЭС создавать действующие экологические ограничения в торговле обеспечивают технические регламенты. Их структура показывает, в какой мере экологические требования могут быть интегрированы в технические стандарты в качестве условий доступа на рынок, а также какие компромиссы при этом неизбежны (см. таблицу 8).

Содержание регламентов и механизмы их применения на практике прямо демонстрируют, как в ЕАЭС достигаются конкретные компромиссы между необходимостью гармонизации и объективными различиями между государствами-членами. Они же определяют реальные параметры формирующегося общего «зеленого» рынка. Последовательный анализ ключевых технических регламентов выявляет несколько системных дефектов, которые иллюстрируют глубинную ограниченность интеграционной модели. Особенно показателен в этом ряду ТР ТС 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств» [235], который, устанавливая жёсткие экологические требования (классы 0-6, нормы выбросов, обязательные системы нейтрализации), одновременно закладывает механизмы, порождающие указанные дефекты. Последовательный анализ ключевых технических

регламентов выявляет несколько системных дефектов, которые иллюстрируют глубинную ограниченность интеграционной модели. Особенно показателен в этом ряду ТР ТС 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств» [235], который, устанавливая жёсткие экологические требования (классы 0-6, нормы выбросов, обязательные системы нейтрализации), одновременно закладывает механизмы, порождающие указанные дефекты.

Таблица 8 – Основные инструменты экологического регулирования в ЕАЭС

Объект регулирования	Примеры технических регламентов	Содержание экологических требований / ограничений
Транспорт и техника	ТР ТС 031/2012 «О безопасности сельскохозяйственных тракторов» (обновлён в 2024-2025 гг.)	Введены понятия «экологический класс» и «двухтопливный двигатель». Установлены ограничения по сроку применения двигателей экологического класса 2 и ниже, что фактически выводит их из оборота. Конкретизированы требования к технике, использующей компримированный природный газ (КПГ) и сжиженный нефтяной газ (СНГ)
Транспорт и техника	ТР ТС 018/2011 «О безопасности колёсных транспортных средств»	Устанавливает нормы выбросов загрязняющих веществ (Евро-5, Евро-6 и т.д.).
Топливо и энергия	ТР ЕАЭС 045/2017 «О безопасности нефти»	Устанавливает требования к составу нефти, включая ограничения по содержанию серы, что снижает выбросы при сжигании топлива.
Топливо и энергия	ТР ЕАЭС 046/2018 «О безопасности газа»	Определяет нормы качества природного газа, в том числе по содержанию сероводорода и меркаптанов.
Упаковка и отходы	ТР ТС 005/2011 «О безопасности упаковки»	Содержит требования по миграции вредных веществ из упаковки в продукцию и нормирует содержание тяжёлых металлов, облегчая переработку.
Примечание: составлено автором исследования		

Первый дефект – делегированный характер правоприменения. ТР ТС 018/2011 (как и ТР ТС 031/2012 [236]) создает единое правовое поле, однако статья 8 («Защитительная оговорка») и пункты 103-109 возлагают применение санкций на государства-члены. Национальные административные процедуры различаются, поэтому одно и то же нарушение экологических требований (например, превышение выбросов CO или демонтаж каталитического нейтрализатора) может повлечь существенно разные правовые последствия. Это нарушает принцип единого правового пространства и создаёт стимулы для «регуляторного арбитража».

Второй дефект – упрощенные процедуры оценки соответствия. В ТР ТС 018/2011 для ряда компонентов (например, отдельных систем нейтрализации, топливных баков) допускается декларирование по схемам 3д, 4д, 6д, 7д (приложение №19) [235]. Бремя контроля и ответственности за достоверность экологических параметров ложится на национальные органы, а независимые аккредитованные органы привлекаются не на обязательной основе. Как и в

случае с ТР ЕАЭС 045/2017 [237], достоверность экологических характеристик (например, соответствие заявленному экологическому классу 5 или 6) практически не проверяется на наднациональном уровне. Возникает риск формального соблюдения требований при фактическом несоответствии.

Третий недостаток: нормативное закрепление дифференцированных регуляторных условий. Решение Комиссии Таможенного союза № 877, которым утверждён технический регламент ТР ТС 018/2011, содержит переходные положения и изъятия в отношении отдельных государств-членов, прежде всего Республики Казахстан[235]. В частности, пункты 3.2.5, 3.2.7 и 3.8 устанавливают для Казахстана отсрочку по внедрению систем вызова экстренных оперативных служб (ЭРА-ГЛОНАСС) до 2030 года (вместо 2027 года). Пункт 3.2.7 допускает проведение оценки соответствия ввозимых транспортных средств без применения отдельных экологических требований до 2028 года.

Данные положения, с одной стороны, отражают учёт национальных возможностей государства-члена. С другой стороны, они создают различия в регуляторных требованиях, которые влияют на условия конкуренции: производители и импортёры сталкиваются с неодинаковыми экологическими нормами в зависимости от страны обращения товара. Как и в случае с ТР ЕАЭС 046/2018 [238], здесь фиксируется компромисс, порождающий системное противоречие между интеграционными целями и национальными ограничениями.

Четвертый недостаток (специфический для ТР ТС 018/2011): несовпадение требований к новым и находящимся в обращении транспортным средствам [239]. Технический регламент устанавливает обязательные экологические требования при выпуске транспортного средства в обращение – получение одобрения типа транспортного средства невозможно без соответствия установленному экологическому классу. Вместе с тем в отношении эксплуатации (Приложение № 8) контроль ограничивается проверкой содержания оксида углерода и дымности отработавших газов, а также запретом на демонтаж систем нейтрализации. При этом не требуется подтверждения сохранения исходного экологического класса в процессе эксплуатации транспортного средства. Указанное обстоятельство создаёт легальную возможность эксплуатации транспортных средств с фактически ухудшенными экологическими показателями (например, после удаления сажевого фильтра или так называемого «чип-тюнинга»). Экологический барьер действует только на этапе ввода товара в оборот. На последующих стадиях жизненного цикла он не применяется. Это снижает эффективность регулирования в целом.

Аналогичная логика заложена в секторе конечного потребления – в ТР ТС 005/2011 «О безопасности упаковки» [239]. Подход, основанный на управлении жизненным циклом через контроль этапов «входа» и «выхода», наиболее полно реализован именно в этом регламенте. В системе ЕАЭС он является самым проработанным. Здесь проявляется двойственная природа всего технического

регулирования Союза. С одной стороны, это необходимый инструмент защиты публичных интересов: здоровья населения и окружающей среды. С другой стороны, техническое регулирование выступает как нетарифный барьер. Оно увеличивает трансакционные издержки. И создаёт конкурентные преимущества для крупных компаний перед малым и средним бизнесом.

Синтез приведенных примеров подтверждает, что за внешней сложностью регуляторной системы скрывается ее глубинная ограниченность и вторичность. Как справедливо отмечают Э.С. Навасардова и А.Н. Захарин, «несмотря на формальное закрепление «зеленых» ориентиров, их реализация носит декларативный и фрагментарный характер, а системные проблемы не решаются на наднациональном уровне, что свидетельствует об отсутствии целостной политики» [40, с. 352]. С учетом данной ограниченности предложения, подобные идее Р.Н. Салиевой «о создании технологических платформ», остаются скорее концептуальными ориентирами на будущее [42, с. 49], поскольку в текущих условиях такие инициативы не имеют под собой необходимой институциональной основы и обязательных бюджетных механизмов в праве ЕАЭС.

Таким образом, проведенный анализ позволяет согласиться с выводом экспертного сообщества о том, что наднациональное экологическое регулирование в ЕАЭС находится в зачаточном состоянии [240, с. 138]. Это состояние не является случайным, а вытекает из глубинной причины – экономико-центричной природы Договора о ЕАЭС, где экология, как верно отмечает Т.В. Ефимцева, не является самостоятельным приоритетом, а рассматривается как факультативный аспект экономической интеграции. Зачаточный характер проявляется в трех аспектах: отсутствие институционального органа по экологии и климату в структуре ЕЭК; отсутствие общей системы мониторинга, отчётности и верификации выбросов парниковых газов; отсутствие гармонизированных правил трансграничного углеродного регулирования и взаимного признания углеродных единиц. Без восполнения этих пробелов даже прогрессивные национальные инициативы (как казахстанская СТВ) остаются изолированными.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующий системный вывод. Правовое регулирование экологических ограничений в торговле ЕАЭС формируется не в рамках целостной «зеленой» политики, а в парадигме экономико-центричной «функциональной эксклюзивности». Следовательно, экологические императивы включаются в право Союза только в той мере, в какой они служат базовым целям экономической интеграции, закрепленным в Договоре о ЕАЭС. Государства-члены характеризуются глубокой разнородностью – по уровням выбросов, структуре экономики, амбициям климатической политики и эффективности институтов. Эта разнородность не просто затрудняет интеграцию, а системно её искажает. В результате возникают принципиально разные уязвимости перед внешними вызовами (например, МУКГ ЕС) и формируются разнонаправленные национальные стратегии адаптации: для сырьевых экономик – прямые

регуляторные риски, для аграрных государств – косвенные угрозы, связанные с климатической уязвимостью. В ответ на эту разнородность правовая система ЕАЭС выработала компромиссную двухуровневую модель. Однако она не способна преодолеть структурную фрагментацию, а может лишь администрировать её через технические регламенты (как инструмент позитивной интеграции) и статью 29 (как легализованное исключение). Такой подход представляет собой не проактивную стратегию, а адаптивный, реактивный механизм. Следовательно, экологические ограничения в торговле ЕАЭС в их нынешнем виде являются не инструментом проактивного ответа на глобальные вызовы, а реактивным механизмом управления внутренними компромиссами.

Показательно, что даже наиболее развитое в экологическом отношении национальное законодательство среди стран ЕАЭС – Экологический кодекс Казахстана – не может в полной мере реализовать свой потенциал в отсутствие скоординированной наднациональной политики. Созданная в Казахстане система торговли выбросами (ст. 285-302) и механизм комплексных экологических разрешений (ст. 111-117) могли бы стать основой для общей углеродной инфраструктуры Союза. При этом Экологический кодекс Казахстана уже сегодня создаёт экологические ограничения, влияющие на международную торговлю. Углеродное квотирование (ст. 289) и взимание платы за выбросы увеличивают себестоимость экспортной продукции, что может отражаться на её конкурентоспособности. Статья 299 Кодекса допускает трансграничное признание углеродных единиц, что в перспективе позволило бы Казахстану экспортировать не только товары, но и «зелёные» сертификаты. Однако в ЕАЭС отсутствуют гармонизированные правила, вследствие чего указанный потенциал остаётся нереализованным, экологические ограничения разрознены, а для участников внешнеэкономической деятельности растут трансакционные издержки.

Сравнительный анализ показывает, что модель экологического регулирования в ЕАЭС носит реактивный и фрагментарный характер. Институциональный и рыночный потенциал Союза не используется для коллективного ответа на внешние вызовы. В то же время в Казахстане действует законодательно оформленная система торговли выбросами, а также накоплен опыт гармонизации технических регламентов. Все это создает базу для перехода на качественно новый этап. Конкретные меры – от взаимного признания углеродных единиц до расширения экологического содержания технических регламентов – способны трансформировать двухуровневую модель ЕАЭС, превратив ее из механизма, лишь администрирующего фрагментацию, в инструмент позитивной интеграции. Реализация этих предложений, учитывающих как жесткий подход ЕС, так и гибкую методологию ШОС, может обеспечить создание общего «зеленого» рынка ЕАЭС и укрепить внешнюю устойчивость Союза в условиях глобального энергоперехода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило осуществить комплексный анализ современного состояния правового регулирования экологических ограничений в международной торговле на международном, региональном и институциональном уровнях, а также предложить направления совершенствования соответствующего правового механизма. В ходе исследования получены следующие основные результаты.

1. Экологическая составляющая в международном торговом праве носит фрагментарный, неустойчивый и инструментальный характер. Это прямое следствие системной фрагментации самого международного права, которая структурирована на трех уровнях: горизонтальном (конкуренция норм торгового и экологического права), вертикальном (дивергенция национальных стандартов) и инструментальном (многообразие правовых форм реализации экологических мер). Данная фрагментация не является случайным дефектом, а заложена в самой природе современного международного правопорядка, что порождает дефиниционный вакуум и правовую неопределенность при квалификации природоохранных ограничений. Указанные закономерности получили развернутое обоснование в первой главе диссертации. Так по первой главе «Экологические ограничения в международной торговле: концептуальные основы, генезис и договорные модели» установлено следующее:

Отсутствие легального определения понятия «экологические ограничения в международной торговле» не является случайным терминологическим пробелом, а представляет собой закономерное следствие многоуровневой системной фрагментации международного права. В ходе исследования критически проанализированы существующие доктринальные подходы. Инструментально-отраслевой подход сводит сложное явление к перечню мер, теряя его суть. Функционально-целевой подход размывает границы, поскольку под видом экологической цели может скрываться протекционизм. При расширительном толковании понятие охватывает практически все меры, связанные с природными объектами, вследствие чего критерии отграничения таких мер утрачивают определенность. Выявленные недостатки существующих подходов обосновывают необходимость выработки авторского определения. В связи с этим, в настоящем исследовании предлагается следующая дефиниция: экологические ограничения в международной торговле – это императивные нетарифные меры, в которых охрана окружающей среды выступает в качестве доминирующего правового основания. Отличительной особенностью предложенного определения является его динамический характер. Правовой статус и правомерность экологических ограничений формируются в трех плоскостях: (1) горизонтальный уровень – через соотношение и возможную коллизию норм торгового и экологического права; (2) вертикальный уровень – через адаптацию указанных норм под влиянием национальных законодательств; (3) инструментальный уровень – через закрепление в конкретных правовых инструментах (технических регламентах, стандартах, разрешительных

процедурах). Предложенный операциональный подход позволяет отказаться от поиска универсального определения в пользу классификационной модели, основанной на перечисленных уровнях правоприменения.

Выявлена эволюция институционализации экологической повестки: от Стокгольмской конференции 1972 года, заложившей нормативную основу для экологических исключений, через Токийский и Уругвайский раунды до формирования устойчивой трехуровневой фрагментации к началу XXI века. Показано, что торговая система последовательно выстраивала оборонительную правовую парадигму, в которой экологическая мера априори рассматривалась как потенциальный торговый барьер.

Систематизированы восемь ключевых многосторонних экологических соглашений, на основе чего выделены четыре универсальные правовые модели: прямого императивного регулирования (СИТЕС); рамочной конвенции с протоколами (озоновый режим); превентивного регулирования на основе процедуры предварительного обоснованного согласия (Базельская, Картахенская); косвенного рыночного регулирования (климатический режим). Доказано, что каждая модель переопределяет базовые правовые презумпции международной торговли.

2. Переходя к анализу универсального уровня регулирования, следует отметить, что Всемирная торговая организация, оставаясь центральным форумом для разрешения торгово-экологических конфликтов, демонстрирует ограниченную способность к интеграции экологического императива как равнозначной цели. Ее правовая архитектура изначально проектировалась для либерализации торговли, а не для системного учета экологических ценностей. Приостановление деятельности Апелляционного органа и нарастающая климатическая поляризация среди государств-членов стимулируют переход к односторонним регуляторным инструментам. Следствием этого выступает фрагментация глобального торгового пространства и утрата ВТО статуса гаранта единых правил игры. Данные выводы непосредственно следуют из анализа, проведенного во второй главе.

По второй главе «Правовое регулирование экологических ограничений в праве ВТО: коллизии и пределы применения» подтверждены следующие положения:

Исходная гипотеза о фрагментарном и инструментальном характере экологической составляющей в праве ВТО получила эмпирическое подтверждение. Охрана окружающей среды присутствует в организации главным образом в виде разрозненных исключений, рассредоточенных по разным соглашениям (ГАТТ, СФС, ТБТ, ТРИПС, ГАТС), без целостного «экологического кодекса». Показана неустойчивость и обратимость экологических норм (пример временной нормы в ССКМ, утратившей силу). В условиях политического кризиса между государствами-членами ВТО функция нормотворчества в значительной степени перешла к ОРС. Доктринальные ограничения, действующие в данной сфере, были заложены в деле «тунец-дельфин» (1991 год): принцип экстерриториальности (статья XX ГАТТ не

предоставляет права на защиту ресурсов за пределами национальной юрисдикции) и дифференциация «продукт – процесс». Указанные ограничения поставили под сомнение правомерность мер, основанных на методах производства, что впоследствии предопределило нормативную уязвимость современных климатических инструментов, включая механизм углеродной пограничной корректировки.

Посредством прецедентного толкования статьи XX ГАТТ ОРС сформировал двухэтапный тест для оценки экологических мер, последовательно расширяя предметную область допустимых исключений – от защиты здоровья до признания климатических целей и мер, основанных на косвенных эффектах методов производства (дело DS600). Вместе с тем приостановление деятельности Апелляционного органа подорвало принципы обязательности и правовой определенности (дело DS592). Возникший институциональный раскол выражается в следующем: ОРС способен легитимировать сложные климатические меры, но не может придать таким решениям окончательную юридическую силу.

Особая роль специализированных комитетов ВТО (КТОС, КТБТ, КСФМ) заключается в функционировании в качестве механизмов «мягкого права». КТОС выступает институциональным центром конвергенции и легитимации экологических стандартов, переводя политические конфликты в плоскость технических дискуссий. КТБТ через механизм конкретных торговых озабоченностей служит площадкой конкурентного формирования глобальных экологических стандартов, где формальное равенство сторон сталкивается с реальным дисбалансом научно-технических и административных возможностей (ресурсная, нормативная и эпистемическая асимметрия). КСФМ создал многоступенчатую систему процедурной эскалации, которая оказывается эффективной при технических разногласиях, но недостаточной при ценностно-ориентированных противоречиях, проистекающих из различных регуляторных философий.

По третьей главе следует отметить, что проведённое сравнительное исследование регионального уровня регулирования выявило существенную дифференциацию нормативных подходов. Региональные модели экологического регулирования – Европейского Союза, ШОС и ЕАЭС – различаются по применяемым правовым инструментам и институциональным решениям. ЕС представляет собой жёсткую наднациональную интеграцию с экстерриториальным действием стандартов. ШОС действует в парадигме «мягкого права» и консенсусной гармонизации. ЕАЭС сформировал компромиссную двухуровневую архитектуру, которая скорее администрирует фрагментацию, чем преодолевает ее. Ни одна из этих моделей в чистом виде не может быть признана универсальным образцом; каждая отражает специфические условия интеграции, уровень институционального развития и баланс суверенных интересов государств-членов.

Модель Европейского Союза самая развитая институциональная система региональной нормативной интеграции. Ее фундамент – конституционализация

экологического императива в первичном праве и замкнутая нормативная экосистема. Стратегия «регуляторного экстернализма» ЕС держится на трех рычагах. Первый – технологические и административные фильтры на границе рынка (Регламент об обезлесении, Регламент о батареях). Второй – перераспределение конкурентных преимуществ в пользу субъектов, уже адаптированных к европейским нормам (МУКГ и REACH). Третий – навязывание де-факто глобальных стандартов через «эффект Брюсселя»: соответствие регламентам ЕС становится пропуском на единый рынок. Внутреннее противоречие модели очевидно. Изнутри – эффективность и наднациональный контроль. Извне – восприятие партнёрами как инструмент односторонней нормативной гегемонии. Итог: правовые риски и падение репутационной легитимности.

Модель Шанхайской организации сотрудничества основывается на «мягком праве» и консенсусе. Экологические ограничения возникают через добровольное сближение национальных политик в рамках рамочных стратегий. Ключевой парадокс: страны ШОС почти сплошь участвуют в базовых многосторонних экологических соглашениях (РКИК ООН, КБР, Монреальский протокол, Базельская конвенция), но региональной гармонизации их имплементации нет. Это создаёт правовые провалы внутри Организации и риск «экологического демпинга» – выноса вредных производств в юрисдикции с мягкими требованиями. Институциональная эволюция ШОС в 2024-2025 годах показывает сдвиг: от деклараций к специализированным механизмам (рабочая группа по климату) и детальным планам действий. Однако системные ограничения сохраняются: нет количественных обязательств по выбросам, размыта терминология, имплементационные механизмы слабы, а между «зелёным» переходом и сырьевой моделью ключевых экономик остаётся неразрешённый конфликт.

Моделе Евразийского экономического союза экологическое регулирование встроено в право Союза через парадигму «функциональной эксклюзивности»: экологические императивы включаются лишь постольку, поскольку служат базовым целям экономической интеграции. Сложилась двухуровневая модель: реактивный уровень (статья 29 Договора, легализующая односторонние экологические ограничения) и позитивный уровень (технические регламенты). Системный анализ техрегламентов ЕАЭС выявил три дефекта. Первый – делегированный характер правоприменения: санкции налагают национальные органы, чьи процедуры расходятся, что ломает единое правовое пространство. Второй – упрощённые процедуры оценки соответствия (декларирование без обязательного участия независимых аккредитованных органов), что ведёт к формальному соблюдению норм при фактическом несоответствии продукции. Третий – нормативно закреплённая асимметрия: дифференцированные переходные периоды для разных стран-членов разрушают единообразие экономического пространства и искажают конкуренцию. Существенная разнородность государств ЕАЭС (разрыв в Индексе экологической эффективности достигает 73 позиций) не только тормозит

интеграцию, но и порождает системные перекосы. Возникают экономические стимулы к применению более низких экологических стандартов («экологический демпинг») и использованию регуляторных различий (регуляторный арбитраж).

На основе сравнительного анализа обоснованы направления совершенствования модели ЕАЭС с учетом опыта ЕС и ШОС. К приоритетным мерам отнесены: усиление контрольных функций Евразийской экономической комиссии; внедрение обязательной ежегодной отчётности государств-членов о правоприменении гармонизированных экологических требований; институционализация превентивного диалога по аналогии с EU Pilot; взаимное признание национальных систем квотирования выбросов парниковых газов (на базе ст. 299 Экологического кодекса Казахстана); унификация методологий учета, отчетности и верификации выбросов; создание Консультативного комитета по экологическим стандартам и научной оценке рисков при Евразийской экономической комиссии. Реализация указанных мер позволит трансформировать двухуровневую модель ЕАЭС из механизма администрирования фрагментации в инструмент позитивной интеграции, повысить конкурентоспособность экспортёров Союза на глобальных рынках и обеспечить коллективную адаптацию к внешним «зелёным» барьерам.

Завершая изложение, следует подчеркнуть, что перспектива устойчивого баланса между экологическими императивами и свободой международной торговли зависит не от поиска временного компромисса или точечных уступок. Она определяется способностью международного сообщества создать адаптивные правовые механизмы, которые нормативно опосредуют системную взаимозависимость экономического развития и охраны окружающей среды. Только такие механизмы способны обеспечить синергию экологической безопасности и экономического роста в условиях нарастающей глобальной фрагментации.

Оценка полноты решения поставленных задач. Сопоставление полученных результатов с задачами, сформулированными во введении, позволяет констатировать их полное решение. Задача теоретико-правового осмысления категории «экологические ограничения» реализована в авторской дефиниции, преодолевающей терминологическую неопределенность через концепцию трехуровневой фрагментации. Задачи историко-правового анализа генезиса экологической повестки и систематизации многосторонних экологических соглашений раскрыты в выявлении структурных корней нормативной напряженности и типологизации моделей взаимодействия МЭС с торговой системой. Задачи исследования правовых механизмов ВТО (прецедентная практика ОРС, институциональная роль комитетов, соглашения ТБТ и СФС) получили разрешение в выводах о фрагментарности интеграции экологического императива, регуляторном гегемонизме Комитета по ТБТ и пределах «научного легитимизма» в рамках СФС. Задачи компаративного анализа региональных моделей (ЕС, ШОС, ЕАЭС) реализованы в дифференцированной характеристике трех институциональных архитектур.

Следовательно, все исследовательские задачи получили исчерпывающее разрешение.

Рекомендации и исходные данные по конкретному использованию результатов. Полученные результаты имеют прикладное значение для совершенствования законотворческой деятельности в сфере гармонизации экологических стандартов и углеродного регулирования в ЕАЭС и ШОС, где авторская дефиниция и классификация моделей могут служить методологической основой унификации понятийного аппарата; для внешнеторговой политики при подготовке переговорных позиций и стратегий реагирования на односторонние регуляторные инициативы, включая механизм углеродной корректировки ЕС; для правоприменительной практики при разрешении споров, связанных с экологическими ограничениями, где систематизированный анализ прецедентов ОРС ВТО и критерии двухэтапного теста выступают источником правовых аргументов; а также для образовательного процесса при преподавании международного торгового и экологического права, где разработанные классификации и сравнительные материалы могут быть интегрированы в учебно-методическое обеспечение.

Оценка научного уровня выполненной работы в сравнении с лучшими достижениями в данной области. Научный уровень диссертации соответствует требованиям, предъявляемым к докторским исследованиям, и сопоставим с ведущими разработками в области международного торгового и экологического права. В отличие от работ, фокусирующихся на отдельных аспектах (статья XX ГАТТ, отдельные МЭС или региональные модели), диссертация впервые предлагает комплексную трехуровневую модель фрагментации, системно объясняющую природу дефиниционного вакуума и нормативной напряженности, а оригинальность исследования подтверждается разработанными автором классификацией моделей взаимодействия МЭС с торговой системой, концепцией «регуляторного гегемонизма» Комитета по ТБТ и квалификацией Комитета по СФС как механизма «научного легитимизма», углубляющими понимание «мягкого права» в системе ВТО.

По уровню теоретического обобщения и практической ориентированности работа находится на уровне исследований, проводимых в ВТО, ЮНКТАД, ЮНЕП, а также в ведущих академических центрах Европы, США и Китая, при этом введение в научный оборот актуальных прецедентов (DS592, DS600), материалов Комитетов ВТО за 2024-2025 годы и новейших региональных актов (Стратегия ШОС до 2030 года, Регламенты ЕС 2023/956, 2023/1115, 2023/1542, Экологический кодекс Казахстана) обеспечивает высокую достоверность выводов и развивает существующие подходы к пониманию дифференцированной интеграции, внося значимый вклад в доктрину международного экономического и экологического права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 George C. Environment and regional trade agreements: Emerging trends and policy drivers. – 2014. – 30 p.

2 General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) 1994. https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/ai17_e/gatt1994_e.htm 11.10.2025.

3 Munhoz L. New Environmental Restrictions and Its Impacts in International Trade: Evolution of Environmental principles as sources of International Law // European Energy and Environmental Law Review, 2024. – P. 123-138.

4 Survey on Trade-Related Environmental Measures and Environment-Related Trade Measures in APEC. Wellington, New Zealand December 1998. – 93 p.

5 Chang W.W. World trade and the environment: Issues and policies // Pacific Economic Review. – 2017. – Vol. 22. №. 3. – P. 435-479.

6 Knox J.H. The judicial resolution of conflicts between trade and the environment // Harv. Envtl. L. Rev. – 2004. – Т. 28. – 78 p.

7 Fontagné L., Von Kirchbach F., Mimouni M. A First Assessment of Environment-Related Trade Barriers. – Париж: CEPII, 2001. – 44 p.

8 Charnovitz S. Trade and the Environment in the WTO, 2007. – 30 p.

9 Sauvage J. The stringency of environmental regulations and trade in environmental goods. – 2014. – 69 p.

10 Баймагамбатова З.М. Международно-правовые вопросы унификации норм, регулирующих международную торговлю. дисс... доктора философии (PhD) 6D030200. – Алматы, .2013 – 183 с.

11 Аянбаев Е.С. Режим пестицидов в современном международном праве. дисс... доктора философии (PhD) 6D030200. – Алматы, 2017. – 198 с.

12 Избасарова А. Проблемы правовой охраны окружающей среды от радиационного загрязнения на примере Республики Казахстан, Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. дисс... доктора философии (PhD). 6D03100. – Алматы, 2014. – 140 с.

13 Алтаева К.Ж. Международно-правовая охрана окружающей среды от загрязнения опасными отходами. дисс... доктора философии (PhD). – Алматы, 2008. – 113 с.

14 Бектурова А.Г. Проблемы совершенствования экологического законодательства Республики Казахстан в области управления отходами производства и потребления. дисс. канд. юрид. наук. 12.00.10. – Алматы, 2018. – 155 с.

15 Гизатуллин Т.И. Международно-правовое регулирование трансграничной перевозке опасных отходов. дисс. канд. юрид. наук. 12.00.10, Москва, 2003. – 169 с.

16 Сабикенова А.С. Сотрудничество Республики Казахстан в сфере охраны окружающей среды: международно-правовые аспекты. дисс. канд. юрид. наук. 12.00.10. – Алматы, 2005. – 136 с.

17 Тимошенко А.С. Формирование и развитие международного права охраны окружающей среды. М.: Наука, 1986. – 191 с.

18 Cottier T. The WTO and Environmental Law: Some Issues and Ideas. – Trade & Development Centre, 1998. – 11 p. https://www.researchgate.net/publication/265224597_The_WTO_and_Environmental_Law_Some_Issues_and_Ideas 15.10.2025.

19 Van der Meulen, B.M.J., Van der V.M., European Food Law Hand Book 2008: Wageningen Academic Publishers, 2008. – 632 p.

20 Ibragimov Z. I. Article XX of the GATT 1994 and WTO Members: Sufficient freedom to define and pursue environmental policy objectives // Acta Prosperitatis. – 2023. – Т. 14. №. 1. – С. 80-86.

21 Teehankee M.A.J. Trade and Environment Governance at the World Trade Organization Committee on Trade and Environment. Kluwer Law International B.V. 2020. – 424 p.

22 Tarasofsky R.G. The Committee on Trade and Environment: IS It Making A Difference. In Max Planck Yearbook of United Nations Law, 1999. – Vol. 3. – P. 472–473.

23 Sampson G. The WTO and Sustainable Development. Tokyo: United Nations University Press, 2005. – 315 p.

24 Hawkins D.G., Lake D.A., Nielson D.L., Tierney M.J. (eds.). Delegation and agency in international organizations. – Cambridge University Press, 2006. – 426 p.

25 Manisha S. An Evaluation of the WTO Committee on Trade and Environment. Journal of World Trade, 2013. – Vol. 47. No. 6 – P. 1285-1322.

26 Braithwaite J., Drahos P. Global business regulation. – Cambridge university press, 2000. – 671 p.

27 Agreement on Technical Barriers to Trade. https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/tokyo_tbt_e.pdf 25.11.2025.

28 Prévost D., Van den Bossche P. The agreement on the application of sanitary and phytosanitary measures // The World Trade Organization: legal, economic and political analysis. – Boston, MA: Springer US, 2005. – P. 231-370.

29 Vogler J. The challenge of the environment, energy, and climate change // International Relations and the European Union. Oxford University Press, 2023. 3rd ed. – pp. 207-235.

30 Borchert I., Conconi P., Di Ubaldo M., Herghelegiu C. The pursuit of non-trade policy objectives in EU trade policy. // World Trade Review, 2021. – № 20(5). – p. 623-647. https://doi.org/10.1017/S1474745621000070 25.11.2025.

31 Kettunen M., Bodin E., Davey E., Gionfra S., Charveriat C. An EU Green Deal for trade policy and the environment: Aligning trade with climate and sustainable development objectives. IEEP Brussels / London 2020. – 47 p.

32 Gstöhl S., Schunz S. Striking a balance? How the European Union manages the environment-trade nexus. // Journal of Environmental Policy & Planning, 2025. – № 27(6). – p. 625-639.

33 Blot E. Green horizons – towards a more sustainable trade after the TSD review. // Perspectivas - Journal of Political Science, 2022. – P. 93-105.

34 Heyl K., Ekardt F., Roos P., Stubenrauch J., Garske B. Free trade, environment, agriculture, and plurilateral treaties: The ambivalent example of

MERCOSUR, CETA, and the EU–Vietnam free trade agreement. // MDPI, 2021. – Vol. 13(6). – p. 3153. https://doi.org/10.3390/su13063153 30.11.2025.

35 Péridy N. The effects of EU free trade agreements: Towards a more consistent environment-trade nexus? // EU Diplomacy Paper, 2024. – 24 p.

36 Макаров И.А. Экологическая повестка в ШОС: между экономикой и безопасностью // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18. № 2. – С. 45-67.

37 Alvarado R., Toledo E. Environmental degradation and economic growth: evidence for a developing country. Environment, Development and Sustainability, 2017. – Vol. 19. – P. 1205-1218.

38 Baek J. A new look at the FDI–income–energy–environment nexus: dynamic panel data analysis of ASEAN. Energy Policy, 2016. – Vol. 91. – P. 22-27.

39 Gönültaş S., Demiral E. The Relation Between FDI Inflows and Environmental Pollution in CIS Countries. Uluslararası Avrasya ekonomileri konferansı, 2022. – P. 72-77. doi: 10.36880/c14.02678

40 Навасардова Э.С., Захарин А.Н. Экологическая политика стран-участниц ЕАЭС: декларации и реальность // Гуманитарные и юридические исследования. – 2024. – Т. 11. №. 2. – С. 345-354.

41 Зык А.О. Торговые режимы ЕАЭС в части нетарифного регулирования: экологический аспект // Вестник Евразийской науки. – 2021. – № 2. https://esj.today/PDF/14ECVN221.pdf 02.12.2025.

42 Салиева Р.Н. Единая научно-техническая политика как основа развития научно-технического сотрудничества Российской Федерации и стран СНГ, ЕАЭС в сфере природопользования и охраны окружающей среды // Бизнес, менеджмент и право. 2020. – № 3(47). – С. 43-52.

43 Салиева Р.Н., Давтян В.С., Валеева Ю.С. Правовое регулирование научно-технического сотрудничества в сфере природопользования в ЕАЭС // Государство и право, 2024. – №10. – С. 145-155.

44 General Agreement on Trade in Services. https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gats_e.htm 10.12.2025.

45 Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (unamended). https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm 10.12.2025.

46 Agreement on Technical Barriers to Trade. https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/tbt_e.htm 10.12.2025.

47 The WTO Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures (SPS Agreement). https://www.wto.org/english/tratop_e/sps_e/spsagr_e.htm 10.12.2025.

48 Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения от 3 марта 1973 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml 10.12.2025.

49 Венская конвенция об охране озонового слоя от 22 марта 1985 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml 10.12.2025.

50 Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой от 16 сентября 1987 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml 10.12.2025.

51 Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 года. https://rpn.gov.ru/upload/iblock/23c/as9obdqp053eoxo5mul0cgd9x3ik9t2x/Bazel_konvenzia.pdf 10.12.2025.

52 Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) от 9 мая 1992 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml 15.12.2025.

53 Киотский протокол к РКИК ООН от 11 декабря 1997 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml 15.12.2025.

54 Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии от 29 января 2000 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf 15.12.2025.

55 Конференция ООН по окружающей человека среде, Стокгольм, 5-16 июня 1972 года. https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972#:~:text=%D0%9 15.12.2025.

56 Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 3-14 июня 1992 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml 15.12.2025.

57 The Single European Act. https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/the-single-european-act.html 20.12.2025.

58 Treaty on European Union. https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu/sign 20.12.2025.

59 Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and certain related Acts. 97/C340/01. https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/ams/sign/eng/pdf 20.12.2025.

60 Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12007L/TXT 20.12.2025.

61 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/222/bifmr5rkj91orf6wc3yg26olge6h0wej/Dogovor.pdf 21.12.2025.

62 Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 г. https://rus.sectsco.org/20020607/1608561.html 21.12.2025.

63 Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС от 16 августа 2007 года. http://www.infoshos.ru/ru/?id=22 21.12.2025.

64 Directive 2003/87/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 2003. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2003/87/oj/eng 26.12.2025.

65 Regulation (EC) No 1907/2006 of the European Parliament and of the Council. https://www.legislation.gov.uk/eur/2006/1907/title/I 20.12.2025.

66 Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 ('European Climate Law'). https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1119/oj/eng 29.12.2025.

67 Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj/eng 28.12.2025.

68 Regulation (EU) 2023/1115 of the European Parliament and of The Council of 31 May 2023. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1115/oj/eng 28.12.2025.

69 Regulation (EU) 2023/1542 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1542/oj/eng 29.12.2025.

70 The European Green Deal (2019-2024). https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en 29.12.2025.

71 Решение № 1 от 4 июля 2023 года «Об утверждении Стратегии экономического развития Шанхайской организации сотрудничества на период до 2030 года». https://rus.sectsco.org/images/07e8/0b/15/1598798.pdf 29.12.2025.

72 Решение № 9 от 17 сентября 2021 года «Об утверждении Программы «Зеленого пояса» Шанхайской организации сотрудничества. https://rus.sectsco.org/images/07e8/0b/1b/1603271.pdf 11.01.2026.

73 Протокол пятого Совещания руководителей министерств и ведомств государств членов Шанхайской организации сотрудничества, отвечающих за вопросы охраны окружающей среды (22 мая 2024 года, город Астана). https://rus.sectsco.org/images/07e8/0c/11/1622465.pdf 11.01.2026.

74 Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК «Экологический Кодекс Республики Казахстан». https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400 11.01.2026.

75 Федеральный закон «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» от 06.03.2022 N 34-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411051/ 11.01.2026.

76 Annual report 2023. Asian Development Bank, 2023. – 81 p. https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/959761/adb-annual-report-2023.pdf 09.01.2026.

77 LaPlue L. D. The environmental effects of trade within and across sectors // Journal of Environmental Economics and Management, 2019. – Vol. 94. – P. 118-139.

78 Balogh J.M., Mizik T. Trade–climate nexus: A systematic review of the literature // Economies. – 2021. – Vol. 9. №. 3. – P. 99.

79 Trade and Environment at WTO. WTO 2004. – 87 p. https://www.wto.org/english/tratop_e/envir_e/envir_wto2004_e.pdf 09.01.2026.

80 Nyka M. Trade-related environmental measures in the global climate protection regime // Przegląd Ustawodawstwa Gospodarczego, 2020. – Vol. 8. – P. 19-25.

81 Чуйко Н. А. Взаимосвязь правил ВТО с вопросами защиты окружающей среды и безопасности продуктов питания. //Сибирский юридический вестник. – 2014. – №. 2. – С. 104-110.

82 Hrytzak D. The Impact of Trade-related Environmental Measures on International Trade // The Saskatchewan Economics Journal. – 2002. – Vol. 15. – P. 15–25.

83 Nyka M. Instrumenty ograniczania wpływu handlu na środowisko. Studium z prawa międzynarodowego. – Warszawa: Difin, 2018. – 450 p.

84 Judith M.D. Trade and the environment: a survey of the literature. – Washington, DC: World Bank, 1992. – 35 p.

85 Chang H.F. An economic analysis of trade measures to protect the global environment // Geo LJ. – 1994. – Vol. 83. – P. 2131-2213.

86 UK Environment Act 2021. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/30/contents 11.01.2026.

87 New environmental restrictions and their impact on international trade. https://internationallaw.blog/2024/03/04/new-environmental-restrictions-and-their-impact-on-international-trade/ 11.01.2026.

88 Cabezas P.M. Gender, Justice, and the Climate Emergency. https://voelkerrechtsblog.org/gender-justice-and-the-climate-emergency/ 11.01.2026.

89 Leal-Arcas R. Unilateral Trade-Related Climate Change Measures // The Journal of World Investment and Trade, 2012. – Vol. 13(6). – P. 876-927.

90 «Нетарифные Меры от А до Я. Доклад Конференция Организации Объединенных Наций По Торговле И Развитию. Женева, 2022. – 43 с.

91 Frankel J. Environmental effects of international trade. Expert Report No. 31 to Sweden's Globalisation Council, 2009. – 88 p.

92 Emanuelsson I., Fransson S. The Effect of Environmental Regulations on Trade Flows A Study of the European Union. Jönköping, 2006. – 29 p.

93 Grisham K., Johnson C., Sahara M. The National Modeling United Nation - World Conservation Union. Background Guide, 2005. – P. 12.

94 Thapa O. WTO Agreements and Environmental Issue: A Developing Countries Perspective. – Wageningen University, 2012. – 76 p.

95 Young O.R. 'Political Leadership and Regime Formation: On the Development of Institutions in International Society'. International Organization, 1991. – Vol. 45(3). – P. 281-309.

96 Keohane R.O., Oppenheimer M. 'Paris: Beyond the Climate Dead End through Pledge and Review?' Politics and Governance, 2016. – Vol 4(3). – P. 142-51.

97 Состояние глобального климата в 2024 году. Всемирная метереологическая организация, 2025. – 24 с.

98 Tamiotti L. Trade and climate change: a report by the United Nations Environment Programme and the World Trade Organization. – UNEP/Earthprint, 2009. – 194 p.

99 Final Act and Related Documents. United Nations Conference on Trade and Employment. Havana, Cuba From November 21, 1947, To March 24, 1948. https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/havana_e.pdf 13.01.2026.

100 Цверианашвили И.А. Стокгольмская конференция 1972 г. и ее роль в становлении международного экологического сотрудничества // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – 2016. – №. 1. – С. 89-95.

101 Herman D. The Perils of Free Trade," Scientific American. // Scientific American, 1993. – Vol. 269, No. 5. – P. 50-57.

102 Wei G. Analysis of Environmental Barriers in International Trade // 2017 3rd International Conference on Economics, Social Science, Arts, Education and Management Engineering. – Atlantis Press, 2017. – P. 1441-1444.

103 Фу Т., Алтаева, К., Жайлау, Ж., Әбділда, Д., Ергөбек Ш. Правовые контрмеры экологических гарантий в экономическом Поясе Шелкового Пути. // Journal of Actual Problems of Jurisprudence, 2024. – №112(4). – С. 172-181.

104 Environment and Trade A Handbook. UNEP 2000. – 96 p.

105 Ivanova M. Moving forward by looking back: Learning from UNEP's History // International Environmental Agreements: Politics, Economics and Law. 2007. – Vol. 7. – P. 26-47.

106 Carson R., Darling L., Darling L. Silent spring. – Boston: Houghton Mifflin; Cambridge, Mass.: Riverside Press, 1962. – 368 p.

107 Nicholson M. The environmental revolution: a guide for the new masters of the world. – New York: McGraw-Hill, 1970. – 366 p.

108 Meadows D.H. The Limits to growth; a report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind. – New York: Universe Books, 1972. – 205 p.

109 Кузубова Л.И., Шуваева О.В., Аношин Г.Н. Метилртуть в окружающей среде (распространение, образование в природе, методы определения) // Экология. Серия аналитических обзоров мировой литературы. – 2000. – №. 59. – С. 1-82.

110 Жаркова О.А. Сотрудничество государств по предотвращению и ликвидации чрезвычайного загрязнения морской среды // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – №. 3. – С. 131-136.

111 Rauscher M. International trade, factor movements, and the environment. – Oxford University Press, 1997. – 352 p.

112 Denis M. Environmental Protection in the GATT/WTO System. – Lagadeild, 2021. – 140 p.

113 Stiles K. Negotiating Institutional Reform: The Uruguay Round, the GATT, and the WTO // Global Governance. – 1996. – Vol. 2. №. 1. – P. 119-148.

114 Stewart T.P. The GATT Uruguay Round: a negotiating history (1986-1994). – Deventer ; Boston : Kluwer Law and Taxation Publishers 1999. – 900 p.

115 Handl G. Declaration of the United Nations conference on the human environment (Stockholm Declaration), 1972 and the Rio Declaration on Environment and Development, 1992 // United Nations Audiovisual Library of International Law. – 2012. – Vol. 11. №. 6. – P. 1-11.

116 Vogel D. The environment and international trade // Journal of Policy History. – 2000. – Vol. 12. №. 1. – P. 73

117 Leal-Arcas R. Climate Change and International Trade. Edward Elgar Publishing, 2013. – 544 p.

118 Kelly T. Is the WTO a Threat to the Environment, Public Health, and Sovereignty? // Challenge. – 2008. – Vol. 51. №. 5. – P. 84-102.

119 Wiener J.B., Felgenhauer T. The Evolving International Climate Change Regime: Mitigation, Adaptation, Reflection // Tex. A&M L. Rev, 2024. – Vol.11. № 2. – P. 451-485.

120 World Commission on Environment and Development. Our Common Future, UK: Oxford University Press, 1987. – 374 p.

121 Абатурова В.А., Бадретдинов Р. М., Солнцев А.М. Соблюдение Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. (СИТЕС): проблемы и перспективы // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2021. – №. 4. – С. 1-9.

122 CITES Compliance procedures. https://cites.org/eng/prog/compliance 15.01.2026.

123 Bodansky D., Van Asselt H. The art and craft of international environmental law. – Oxford University Press, 2024. – 379 p.

124 Montreal Protocol on Substances That Deplete The Ozone Layer. UNEP, 2018. – 90 p. https://ozonecell.nic.in/wp-content/uploads/2021/08/TEAP_DecisionXXIX-10_Task_Force_EE_May2018.pdf 15.01.2026.

125 Strahan S.E., Douglass A.R. Decline in Antarctic ozone depletion and lower stratospheric chlorine determined from Aura Microwave Limb Sounder observations. // Geophysical Research Letters, 2018. – Vol. 45(1). – P. 382-390.

126 Lekkerkerker-Teunissen K. et al. Pilot plant results with three different types of UV lamps for advanced oxidation // Ozone: science & engineering, 2013. – Vol. 35. №. 1. – P. 38-48.

127 Velders G. J. M. et al. The importance of the Montreal Protocol in protecting climate // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2007. – Vol. 104. №. 12. – P. 4814-4819.

128 Bergeson L.L. The Montreal Protocol is Amended and Strengthened // Environmental Quality Management, 2017. – Vol. 26(3). – P. 137-141.

129 United Nations Environment Programme. Ozone Secretariat. Handbook for the Montreal protocol on substances that deplete the ozone layer. – UNEP/Earthprint, 2006. – 467 p.

130 Hacket D.P. An assessment of the basel convention on the control of transboundary movements of hazardous wastes and their disposal // American University International Law Review, 1990. – №5(2). – P. 291-323.

131 Andrews A. Beyond the ban– can the basel convention adequately safeguard the interests of the world's poor in the international trade of hazardous waste? Law Environment and Development Journal, 2009. – Vol. №5(2). – p. 167-184.

132 Okaru V.O. The basel convention: Controlling the movement of hazardous wastes to developing countries. Fordham Environmental Law Review Report, 1993. – № 4(2). – 137-165.

133 Goldberg A., Hagen P., LaMotte R., Meng, D. Basel ban amendment to restrict international trade in hazardous recyclables. Retrieved from Beveridge & Diamond, 2019. https://www.bdlaw.com/publications/basel-ban-amendment-to-restrict-international-trade-in-hazardous-recyclables/ 17.01.2026.

134 Climate Change: The IPCC Scientific Assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 180 p.

135 Изменение Климата, 2007 г. Последствия, адаптация и уязвимость. Межправительственная группа экспертов по изменению климата, 2007. – 136 p.

136 United Nations Conference on Environment & Development. Rio de Janerio, Brazil, 3 to 14 June 1992. – 351 p.

137 Zangerolame Taroco L.S., Sabbá Colares A.C. The un framework convention on climate change and the Paris agreement: Challenges of the conference of the parties // Prolegómenos. – 2019. – Vol. 22. №. 43. – P. 125-135.

138 United Nations Framework Convention on Climate Change. https://unfccc.int/process-and-meetings/united-nations-framework-convention-on-climate-change 18.01.2026.

139 CO_2 Emissions From Fuel Combustion. International Energy Agency, 2013. – 566 p. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2013/11/co2-emissions-from-fuel-combustion-2013_g1g31167/co2_fuel-2013-en.pdf 20.01.2026.

140 Grubb M., Vrolijk C., Brack D. The Kyoto Protocol: A Guide and Assessment. – London, 1999. – 342 p.

141 Council Decision (EU) 2015/1339 of 13 July 2015 on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Doha Amendment to the Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change and the joint fulfilment of commitments thereunder. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015D1339 20.01.2026.

142 International Trade and Climate Change. Economic, Legal, and Institutional Perspectives. World Bank, 2007. – 162 p. https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/96dcdf6c-5fb1-51e9-b17b-4210caf01767/content 20.01.2026.

143 Stiglitz J.E. A New Agenda for Global Warming //The Economists' Voice. – Columbia University Press, 2011. – P. 22-27.

144 Raustiala K., Victor D.G. Biodiversity since Rio: the future of the Convention on Biological Diversity // Environment: Science and Policy for Sustainable Development, 1996. – Vol. 38. №. 4. – P. 16-45.

145 Конвенция о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml 20.01.2026

146 Convention on Biological Diversity. Nairobi, 15-26 May 2000. – 206 p. https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-05/official/cop-05-23-en.pdf 20.01.2026.

147 Hagen P.E., Weiner J.B. The Cartagena Protocol on Biosafety: new rules for international trade in living modified organisms //Geo. Int'l Envtl. L. Rev, 1999. – Vol. 12. – P. 698.

148 Meyer H. The Cartagena Protocol on Biosafety. // Biotechnology and Development Monitor, 2000. – No. 43. – P. 2-7.

149 Annual Report for 2006. Appellate body, 2007. – 70 p.

150 DS291: European Communities – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds291_e.htm 22.01.2026.

151 The WTO. https://www.wto.org/english/thewto_e/thewto_e.htm 22.01.2026.

152 Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization. https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/marag_e.htm 22.01.2026.

153 Фу Т., Алтаева К.Ж., Сманова А.Б., Ергөбек Ш.Қ. Роль Статьи XX Генерального Соглашения по тарифам и торговле в международной торговле // Вестник КазНУ. Серия Юридическая, 2021. – Т. 98. №. 2. – С. 108-116.

154 Agreement on Subsidies and Countervailing Measures ("SCM Agreement"). https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/subs_e.htm 22.01.2026.

155 Займется ли ВТО субсидиями, угрожающими окружающей среде? https://www.wto.ru/our-blog/zaymetsya-li-vto-subsidiyami-ugrozhayushchimi-okruzhayushchey-srede-/ 22.01.2026.

156 Bisarya A. International Trade and Environment // Available at SSRN 2071503. – 2011. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2071503 22.01.2026.

157 Nottage H. Developing Countries in the WTO Dispute Settlement System, 2009, The Global Economic Governance Programme, University College, Oxford, 2009. – 29 p.

158 Mexico etc versus US: 'tuna-dolphin'. https://www.wto.org/english/tratop_e/envir_e/edis04_e.htm 12.01.2026.

159 Dispute settlement. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_e.htm 12.01.2026.

160 Appellate Body. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/appellate_body_e.htm 12.01.2026.

161 DS292: European Communities – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds292_e.htm 12.01.2026.

162 DS293: European Communities – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds293_e.htm 13.01.2026.

163 DS332: Brazil – Measures Affecting Imports of Retreaded Tyres. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds332_e.htm 13.01.2026.

164 Indirect Land Use Change (ILUC). https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_12_787 13.01.2026.

165 DS600: European Union and certain Member states – Certain Measures Concerning Palm Oil and Oil Palm Crop-Based Biofuels. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds600_e.htm 11.10.2025.

166 DS592: Indonesia – Measures Relating to Raw Materials. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds592_e.htm 12.10.2025.

167 WT/CTE/1. World Trade Organization. 12 November 1996. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/CTE/1.pdf&Open=True 15.01.2026.

168 WT/CTE/M/14, 1997. https://2009-2017.state.gov/documents/organization/65890.pdf 15.01.2026.

169 Doha WTO Ministerial 2001: Ministerial Declaration. WT/MIN(01)/DEC/1. 20 November 2001. https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_e.htm#tradeenvironment 15.01.2026.

170 Trade and Environment at the WTO. WTO, 2004. – 86 p. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_env_e.pdf 15.01.2026.

171 WT/CTE/EDB/22. WTO. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/CTE/EDB22.pdf&Open=True 07.01.2026.

172 WT/CTE/W/269/Rev.4. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/CTE/W269R4.pdf&Open=True 07.01.2026.

173 WT/CTE/W/270. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/G/TBT/W818.pdf&Open=True 07.01.2026.

174 The WTO Agreements Series Technical Barriers to Trade. Third Edition. WTO 2021. https://teknikengel.ticaret.gov.tr/sites/other/teknikengel/uploads/TBT%20Kitap%C3%A7%C4%B1k.pdf 07.01.2026.

175 Committee on Technical Barriers to Trade. https://www.wto.org/english/tratop_e/tbt_e/tbt_com_e.htm 07.01.2026.

176 Ninth Triennial Review of The Operation and Implementation of The Agreement on Technical Barriers to Trade Under Article 15.4. G/TBT/46 17 November 2021. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/G/TBT/46.pdf&Open=True 07.01.2026.

177 WTO members notify record number of new regulations to the TBT Committee in 2023. https://www.wto.org/english/news_e/news24_e/tbt_05mar24_e.htm 07.01.2026.

178 Minutes of The Meeting. 25-27 June 2025. G/TBT/M/96. 19 August 2025. – 119 p. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/G/TBT/M96.pdf&Open=True 17.11.2025.

179 G/TBT/N/AUS/181. Committee on Technical Barriers to Trade. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/G/TBTN25/AUS181.pdf&Open=True 17.11.2025.

180 Commission Regulation (EU) 2023/1670 of 16 June 2023. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1670/oj/eng 17.11.2025.

181 The WTO and the FAO/WHO Codex Alimentarius. https://www.wto.org/english/thewto_e/coher_e/wto_codex_e.htm 17.11.2025.

182 The WTO and the World Organization for Animal Health (WOAH). https://www.wto.org/english/thewto_e/coher_e/wto_oie_e.htm 17.11.2025.

183 The WTO and the International Plant Protection Convention (IPPC). https://www.wto.org/english/thewto_e/coher_e/wto_ippc_e.htm 17.11.2025.

184 Suppan S. The WTO Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures (SPS) Prepared for Consumers International. Consumers International, 2005. – 19 p.

185 Committee on Sanitary and Phytosanitary Measures. https://www.wto.org/english/tratop_e/sps_e/sps_e.htm#work 17.11.2025.

186 Annual Overview – Implementation of SPS Transparency Provisions and Specific Trade Concerns. G/SPS/GEN/804/Rev.17 G/SPS/GEN/204/Rev.25. 25 February 2025. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/G/SPS/GEN204R25.pdf&Open=True 29.11.2025.

187 Committee on Sanitary and Phytosanitary Measures. Summary of The Meeting of 18-19 June 2025. G/SPS/R/117. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/G/SPS/R117.pdf&Open=True 29.11.2025.

188 G/SPS/GEN/1233/Rev.8. Committee on Sanitary and Phytosanitary Measures - Current status after the nuclear power plant accident - Communication from Japan – Revision. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?DataSource=Cat&query=@Symbol=%22G/SPS/GEN/1233/Rev.8%22%20OR%20@Symbol=%22G/SPS/GEN/1233/Rev.8/*%22&Language=English&Context=ScriptedSearches&languageUIChanged=true 29.11.2025.

189 G/SPS/N/THA/216/Add.1. Committee on Sanitary and Phytosanitary Measures - Notification - Thailand - Residues - Aflatoxin – Addendum. https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=226676&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True 29.11.2025.

190 Global Value Chain Development Report 2025 Rewiring GVCs in a Changing Global Economy. Global Value Chain Development Report 2025. WTO, 2025. – 474 p.

191 The EU Environmental Implementation Review: Common challenges and how to combine efforts to deliver better results {SWD(2017) 33 - 60 final. – 22 p.

http://gretere.miigaik.ru/sites/default/files/materials/1_00_The%20EU%20Environmental%20Implementation%20Review%20(Brussels,%203.2.2017).pdf 29.11.2025.

192 Фу Т., Алтаева К.Ж. Правовой анализ углеродных тарифов с точки зрения статьи XX Генерального Соглашения по Тарифам и Торговле // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2023. – №. 1 (72). – С. 196-204.

193 Закон Республики Казахстан от 25 марта 2016 года № 475-V ЗРК «О ратификации Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан, с одной стороны, и Европейским Союзом и его государствами-членами, с другой стороны». https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000475 09.01.2026.

194 Report from the Commission. Monitoring the application of European Union law 2023 Annual Report. https://ieep.eu/wp-content/uploads/2022/12/Environmental-credentials-of-EU-trade-policy-IEEP-2021.pdf 30.11.2025.

195 Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2018/1999/oj/eng 30.11.2025.

196 Объем торговли между Китаем и другими государствами-членами ШОС в 2024 году превысил 500 млрд долларов. https://russian.news.cn/20250705/5971a16ccc474e8c8c60169d10321e12/c.htm 09.01.2026.

197 Глянц М. Китайская инициатива «один пояс – один путь»: что может сделать «бренд» //Проблемы постсоветского пространства. – 2017. – Т. 4. №. 1. – С. 8-19.

198 «Один пояс – один путь»: что нужно знать о проекте. https://www.kommersant.ru/doc/6282836 09.01.2026.

199 Fu T., Altayeva K., Ma Y. Problems of Legal Assessment of Integrated Environmental Risks of the Silk Road Economic Belt // China Report. – 2025. – Т. 61. №. 1. – С. 99-114.

200 Мин Ч. Генеральный секретарь ШОС ответил на вопросы корреспондетов ТАСС. https://rus.sectsco.org/20221110/Generalnyy-sekretar-ShOS-otvetil-na-voprosy-korrespondetov-TASS--923149.html 09.01.2026.

201 Бузлаев П. Страны ШОС выступили против односторонних санкций. https://www.kommersant.ru/doc/7232540 15.01.2026.

202 Ali I. Economic Globalization and Environmental Outcomes: A Panel Econometric Study of Shanghai Cooperation Organization Economies // SSRN, 2025: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5376584 30.11.2025.

203 Абазов Р. Энергетическое будущее ШОС: от слабых звеньев к «умной» энергетике: https://qazaqgreen.com/journal-qazaqgreen/international-experience/3222/ 18.01.2026.

204 Выступление на Экономическом форуме СПЕКА-2024: https://unece.org/sites/default/files/2025-02/Janesh%20Kain%20Statement%2C%20Water%20and%20Energy%20Security%20and%20Climate%20.pdf 18.01.2026.

205 О Совещании руководителей министерств и ведомств государств-членов ШОС, отвечающих за вопросы охраны окружающей среды. https://rus.sectsco.org/20250703/1891351.html 18.01.2026.

206 Совместное коммюнике по итогам 20-го заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 17–18 ноября 2025 года, г. Москва. https://eng.sectsco.org/images/07e8/0c/17/1628622.pdf) 18.01.2026.

207 China National ETS. https://icapcarbonaction.com/en/ets/china-national-ets 30.11.2025.

208 Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 декабря 2012 года № 1588 «Об утверждении Национального плана распределения квот на выбросы парниковых газов на 2013 год». https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1200001588 18.01.2026.

209 Лозовский Д.С. Перспективы успешной реализации Сахалинского эксперимента в рамках создания российской национальной системы торговли квотами на выбросы парникового газа // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество, 2023. – № 2. – С. 34-42.

210 Об экспертном заседании ШОС по тематике охраны окружающей среды, 3 июля 2025 года, г. Тяньцзинь. https://rus.sectsco.org/ 19.01.2026.

211 Climate Change Performance Index. https://ccpi.org/ranking/ 30.11.2025.

212 CO2 Emissions per Capita. https://www.worldometers.info/co2-emissions/co2-emissions-per-capita/ 30.11.2025.

213 Климатическая политика Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии: Обзор и рекомендации для 11 стран. CAN, 2024. – 59 с.

214 Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 N 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657/ 18.01.2026.

215 Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 N 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года». https://www.consultant.ru/law/hotdocs/88937.html 18.01.2026.

216 Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ 18.04.2026.

217 Приказ Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 28 марта 2022 года № 91 «Об утверждении Правил государственного регулирования в сфере выбросов и поглощений парниковых газов». https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200027301 18.01.2026.

218 Система торговли углеродными единицами. https://recycle.kz/ru/parnikovye-gazy 12.01.2026.

219 Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII. https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19201982 18.04.2026.

220 Климатическая политика Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии: Обзор и рекомендации для 11 стран. CAN, 2024. – С. 24.

221 Закон Республики Кыргызстан «Об охране окружающей среды» от 16 июня 1999 года № 53. https://cbd.minjust.gov.kg/218/edition/6734/ru 18.04.2026.

222 Закон Республики Армения «Об охране окружающей среды» от 9 июня 1991 года. https://base3.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2992 18.04.2026.

223 Законом Республики Армения «Об экологическом контроле» от 22 декабря 2025 года №ЗР-439. https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=174454 18.04.2026.

224 Савченко В.В. Организационно-правовые вопросы экологической безопасности в Евразийском экономическом Союзе // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство и экологическая эффективность: Мат-лы V Международной науч.практ. конференции преподавателей, практ. сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. (Саратов, 05 октября 2018 года). – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. – С. 150-153.

225 Стратегические инициативы и перспективы взаимодействия стран ЕАЭС в сфере борьбы с климатическими изменениями и экологическими вызовами / под ред. А.Н. Клепача. – М., 2021. – 50 с.

226 Мастушкин М.Ю. Проблемы трансформации административно-правового и экономического механизмов охраны окружающей среды в условиях дальнейшей интеграции России в международные экономические отношения // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: Материалы 15-й Международной конференции. – М., 2018. – С. 376-382.

227 Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 ноября 2018 года № 758 «О подписании Соглашения о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории Евразийского экономического союза». https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000758 19.01.2026.

228 Fu T., Altayeva K., Ma Y. Analysis of environmental legislative restrictions of Kazakhstan in the context of international trade relations. // Rivista Di Studi Sulla Sostenibilita', 2023. – Vol. 0(1). – P. 101-117.

229 Макарова Т. И., Кузьмич И. П. Правовые проблемы формирования институциональной среды аграрной и экологической сфер в условиях формирования единого экономического пространства ЕАЭС // Проблемы гражданского права и процесса: Сборник научных статей. основан в 2016 году / Гродненский государственный университет им. Янки Купалы. Гродно: Гродненский госуд. ун-т имени Янки Купалы, 2019. – С. 388-398.

230 Шугуров М.В. Правовые вопросы развития сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере зеленых технологий // Аграрное и земельное право, 2021. – № 10(202). – С. 142-144.

231 Мурашко А. Климатические риски на пространстве ЕАЭС: национальные подходы и совместные решения // Россия и новые государства Евразии, 2023. – № 4. – С. 217-229.

232 Селищева Т.А., Дятлов С.А., Селищев А.С. Формирование модели устойчивого развития Евразийского экономического союза: Монография / под ред. Т.А. Селищевой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2022. – 385 с.

233 Рейтинг стран мира по Индексу экологической эффективности. https://gtmarket.ru/ratings/environmental-performance-index 12.01.2026.

234 Кузнецова А.Е. Экологические положения для торговых соглашений с участием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Управленческое консультирование. – 2018. – № 5 (113). – С. 59-68.

235 Решение Комиссии таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств». https://adilet.zan.kz/rus/docs/H11T0000877#z29 12.01.2026.

236 Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 июля 2012 года № 60 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности сельскохозяйственных и лесохозяйственных тракторов и прицепов к ним». https://adilet.zan.kz/rus/docs/H12EV000060 12.01.2026.

237 Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 года № 89 «О техническом регламенте Евразийского экономического союза «О безопасности нефти, подготовленной к транспортировке и (или) использованию». https://adilet.zan.kz/rus/docs/H17EV000089 12.01.2026.

238 Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2018 года № 74 «О техническом регламенте Евразийского экономического союза «О безопасности газа горючего природного, подготовленного к транспортированию и (или) использованию». https://adilet.zan.kz/rus/docs/H18EV000074 12.01.2026.

239 Решение Комиссии таможенного союза от 16 августа 2011 года № 769 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности упаковки». https://adilet.zan.kz/rus/docs/H11T0000769 12.01.2026.

240 Захарин А.Н., Колесникова К.В. Интеграция правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве еаэс: состояние и перспективы. // Гуманитарные и юридические исследования, 2020. – №. 3. – С. 135-142.